

КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

Вологда
1994

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ**

КУЛЬТУРА РУССКОГО СЕВЕРА

**ВОЛОГДА
1994**

**Культура Русского Севера: межвузовский сборник научных тру-
дов. — Вологда, 1994.**

В сборнике содержатся статьи по истории и культуре Русского Севера. Часть из них представляет публикации нового материала, полученного в последние годы в результате археологических раскопок. Впервые публикуются материалы Тиуновского святилища, культовая пластика каменного и железного веков. Ряд статей посвящен истории православной церкви на Севере. Рассматриваются вопросы этнографии и фольклористики.

Сборник рассчитан на специалистов в области истории, археологии, этнографии, фольклористики и всех интересующихся историей и культурой Русского Севера.

Редколлегия:

*Башенькин А. Н. (отв. редактор),
Васильев Ю. С., Никольская М. Н.*

Рецензенты:

*Беляева Т. А., к. и. н.,
доцент кафедры общественных наук
Вологодского политехнического института.*

0503000000 (0504000000—0505000000)

Г 76 (093) — 94

—050

ISBN 5-87822-032-6

СТАТЬИ

Н. Г. Недомолкина

КРЕМНЕВЫЕ ФИГУРКИ БАССЕЙНА СУХОНЫ

Первые фигурки из кремня с беломорских, волосовских, казанских стоянок были опубликованы в 1881 г. А. С. Уваровым в его атласе¹. Материал вызвал большой интерес и научные споры по данному вопросу. Появляется ряд критических статей, после которых наблюдается спад интереса к фигурному кремню. Многие археологи лишь кратко упоминают о находках фигурного кремня в своих отчетах².

Накопление материала приводит к появлению статьи С. Н. Замятнина в журнале «Советская археология» за 1948 г.³. Автор дает определение понятию фигурный кремль, публикует карту находок, дает полное описание известных ему вещей. Он связывает находки фигурного кремня с ямочно-гребенчатой неолитической керамикой.

Выделение волосовской культуры и изучение ее памятников позволило продолжить тему фигурного кремня. В 1966 г. П. Н. Третьяков в своей работе дает карту распространения волосовской культуры и фигурного кремня⁴. Д. А. Крайнов в 1978 г. публикует скульптурки со стоянок Верхнего Поволжья, связывает появление фигурного кремня с волосовской культурой, а редкие находки в Прибалтике, Карелии, Беломорье, по его мнению, свидетельствуют «или о заимствовании, или об одновременности и родственности племен»⁵.

О находках фигурного кремня упоминают в своих работах М. Е. Фосс, С. В. Ошибкина, А. А. Куратов, М. П. Зимина, Ю. Н. Урбан, А. Х. Халиков, В. В. Сидоров, И. Н. Черных и другие⁶. Многие авторы находят аналогии фигуркам из кремня на волосовских памятниках. А. А. Куратов связывает происхождение кремневых фигурок с беломорской культурой⁷. В конце 80-х — 90-е годы появляется ряд статей В. В. Шевелева о новых находках фигурок на каргопольских стоянках⁸. Г. А. Панкрушев публикует кремневые скульптурки со

стоянок Карелии, где они встречаются только в «смешанном разновременном комплексе»⁹. Кремневые фигурки Коми описывает Г. М. Буров. Фигурный кремль на территории Привычегодья характерен для борского этапа турбинской культуры¹⁰. Авторы в разной степени поднимают вопросы хронологии, этнокультурной принадлежности, смыслового назначения и использования фигурного кремня. Много неясного в интерпретации фигурок. Авторы рассматривают их и как игрушки, и как памятники искусства, но в большинстве своем относят к культово-ритуальным предметам. В 1992 г. А. В. Табарев поднимает, кроме искусствоведческого, еще два аспекта: минералогический (шире материаловедческий) и технологический (генезис декоративных приемов обработки камня)¹¹. Хронологически находки фигурок датируются от палеолита до «этнографической современности»¹². Для решения проблем, связанных с фигурным кремнем, необходима наиболее полная информация о его находках. Введение в научный оборот новых материалов, расширение географических рамок стоянок с кремневыми скульптурами и является задачей данной статьи.

Территория распространения фигурного кремня к настоящему времени охватывает не только многие регионы нашей страны, но и многие регионы мира. Северо-Восток Европы до настоящего времени не уступает другим территориям по количеству и качеству находок. Наиболее крупная серия изделий была собрана на стоянках в бассейне озера Лача близ Каргополя. Кремневые фигурки Вологодской области опубликованы С. В. Ошибкиной¹³. Новые находки орудий-фигурок происходят со стоянки Тудозеро V Вытегорского района¹⁴. Это проверки в виде птичек, зайца, пресмыкающегося найдены на многослойном памятнике с ямочной, ромбо-ямочной керамикой и керамикой ранней бронзы. Еще С. Н. Замятин в свое время объяснял отсутствие подобных фигурок на Сухоне, Вычегде, Северной Двине малой степенью изученности этих территорий.

Последние десять лет работы Вологодской археологической экспедиции под руководством И. Ф. Никитинского и сборы краеведов Чирковых позволяют исключить Сухону из этого списка. Среди большого количества памятников, открытых в бассейне Сухоны, есть пять стоянок, в материалах которых содержится фигурный кремль. Четыре из них находятся на правом притоке реки Сухоны — реке Вологде: поселение Векса, поселение Векса III, стоянка Вологда (6-й км), левый берег реки Вологды, поселение Векса IV — правый берег реки Вологды; на левом притоке реки Сухоны — реке Пельшме — стоянка Пельшма II (рис. 1).

Рис. 1. Стоянки бассейна р. Сухоны с фигурным кремнем
 1 — пос. Векса, 2 — пос. Векса III, 3 — пос. Векса IV,
 4 — ст. Вологда, 6 км, 5 — ст. Пельшма II.

Коллекция фигурного кремня с Сухоны насчитывает на данный момент более тридцати предметов (есть неясные экземпляры, которые могут быть отнесены к орудиям). Основную часть составляет подъемный материал и только три фигурки происходят из слоя, датированного неолитом-энеолитом. Материал делится на четыре группы: антропоморфные изображения (5 фигурок), зооморфные, в группу которых включены изображения пресмыкающихся и рыб (29 предметов), орнитоморфные (5 предметов), солярно-лунарного типа (3 предмета). Выделяются два способа обработки. В одном случае в качестве основы используется отщеп, ретушь идет по контуру. В другом — фигурка выполнена из куска кремня с тщательной двусторонней обработкой по всей поверхности. С. Н. Замятнин связывает различные способы обработки с региональными особенностями. В нашем случае фигурки, выполненные тем и другим способом, сосуществуют. Самая большая коллекция фигурок происходит с поселения Векса (29 предметов),

4 предмета — со стоянки Вологда (6-й км), по одному со стоянки Пельшма II, поселения Векса III, Векса IV.

Первая группа фигурок — антропоморфные изображения. К ней отнесено пять фигурок. Из них особый интерес представляет скульптурка со стоянки Пельшма II (рис. 2.7). Она происходит из зачистки, найдена вместе с керамикой волосовского типа¹⁵. Фигурка выполнена на тонком отщепе светлого кремня, размерами 3,8 x 1,9 x 3 см. Края обработаны отжимной ретушью. Хорошо выделены голова, руки, ноги. Фигурка выполнена в анфас. Аналогии имеются на стоянках Верхнего Поволжья, Волго-Окского междуречья¹⁶, но наиболее близка нашей фигурка со стоянки Сухое, р. Ковжа, бассейн озера Лача¹⁷. Остальные фигурки выполнены в стилизованной манере. Все изображения имеют фронтальное положение с выступом головы и почти не выраженными конечностями. Аналогичные изображения С. Н. Замятнин относит к мифологическим существам. Они происходят со стоянок Панфилово, Казань, Волосово¹⁸. Одна из таких фигурок выполнена на отщепе белого кремня, размеры 2,1 x 1,7 x 0,2 см, происходит из неолитического слоя поселения Векса (рис. 2.8).

Орнитоморфную группу представляют пять предметов. Наиболее интересна скульптурка с поселения Векса (рис. 2.6). Фигурка тщательно обработана двусторонней ретушью по всей поверхности. Выполнена из кремня светло-серого цвета, размеры 5 x 5,5 x 1 см. Представляет собой две разведенные в стороны лопасти с одной стороны, с другой — два небольших выступа. Можно предположить, что фигурка во что-то вставлялась. Данному изображению находится большое количество аналогий на памятниках, где встречен фигурный кремь (Кубенино, стоянки Карелии, Сахтыш I, II, VIII, Никольское, Репище, Модлона, Волосово). В. В. Шевелев выделяет особую значимость этого символа, с чем, действительно, можно согласиться. Это наиболее совершенная по форме фигурка из всех опубликованных ранее. Она происходит из слоя с красной пористой керамикой, которая датируется на Вексе эпохой энеолита. Можно предположить, что это изображение токующего глухаря. Несколько необычная на первый взгляд фигурка, выполненная на крупном отщепе белого цвета, размеры 8,8 x 5 x 2,7 см (рис. 2.4). Это самая крупная фигурка в коллекции, очевидно, также изображающая глухаря. Близких аналогий не встречено. Следующая фигурка птицы выполнена в виде крючка с выемкой для привязывания (рис. 2.5). Изготовлена из кремня светло-серого цвета, размеры 4,2 x 3,6 x 1 см. Скульптурка обработана двусторонней ретушью, полностью покрывающей поверхность изделия.

Рис. 2. 1-3 — ст. Вологда, 6 км, 4, 5, 6, 8, 9-11 — пос. Векса,
7 — ст. Пельшма II.

Скорее всего, это изображение птицы. Сходство с ней придает тщательно выделанная верхняя часть фигурки в виде головы с хохолком и клювом. Конечно, может быть и иная трактовка изображаемого.

Самая многочисленная группа фигурок — зооморфные. Она насчитывает около 20 фигурок. В статье рассматриваются самые яркие предметы коллекции. Фигурки найдены на стоянке Вологда (6-й км), левый берег реки Вологды, где с 1984 по 1990 гг. проводились сборы краеведами Чирковыми. В 1990 г. коллекция передана в Вологодский музей-заповедник¹⁹. Коллекция содержит большое количество каменных орудий, предметов из кости, керамику с ямочно-гребенчатым орнаментом. Фигурный кремль представлен прекрасной скульптуркой из светло-розового кремня, размером 3,7 x 1,7 x 0,7 см, выполненной в профиль. Обработана двусторонней ретушью по всей поверхности изделия. Хорошо выделаны выступы ног, хвоста, на спине заметен небольшой горб (рис. 2.1). Близкой аналогией является фигурка лося со стоянки Зимняя Золотица в Архангельской области²⁰. К сожалению, в нашем случае утрачена голова зверя, хотя есть сведения о составных изображениях²¹. Можно предположить, что голова была изготовлена из кости или из глины.

Фигурка медведя (рис. 2.2) выполнена из кремня темно-серого цвета, размером 5,2 x 3 x 0,7 см. Она обработана двусторонней ретушью, полностью покрывающей поверхность. Хорошо выражены голова, ноги, хвост, на спине — выемка. Фигурка имеет аналогию на стоянке Дуденево Тверской области²² и почти полностью повторяет известное изображение. У фигурки из Дуденево на спине животного выделана обращенная вверх рогами лунница. С. Н. Замятин относит фигурку к комбинированным изображениям, сочетающим в себе символическое и животное. И в нашем случае полностью объясняется присутствие как бы горба на спине фигурки. Скорее всего это тоже изображение лунницы. По аналогии фигурка отнесена к изображению медведя, хотя несколько смущает довольно большой выступ хвоста. Перед нами не просто изображение животного, а зверь, отмеченный небесным символом, наделенный неземными возможностями. Фигурка явно относится к культово-ритуальным предметам. Еще одна скульптурка медведя со стоянки Вологда (6-й км), выполнена во фронтальном положении (рис. 2.3). Фигурка изготовлена из кремня желтого цвета, размеры 5 x 2,8 x 0,9 см. Ретушь двусторонняя по всей поверхности. Показаны голова, туловище, конечности. Одна из нижних конечностей больше, чем другая. Изображение медведя «в позе угрозы» находит аналогии в материалах стоянки Усть-Яреньга бело-

морской культуры²³. Находки двух фигурок медведя с одной стоянки связаны, вероятно, медвежьим культом, который прослеживается на большой территории в разное время.

Кроме вышеописанных скульптурок, в коллекции фигурного кремня с Сухоны есть изображения рыб, змей, собак, рыси. Набор изображаемого многообразен. Есть фигурки, аналогии которым пока не встречены. По хронологическим рамкам вещи со стоянок бассейна Сухоны существуют от неолита до ранней бронзы. Одна фигурка из слоя неолита с поселения Векса, две — из слоя энеолита, птичка — с поселения Векса, антропоморфная фигурка — со стоянки Пельшма II.

Аналогии фигуркам с Сухоны найдены в беломорской и волосовской культурах. Интересно, что вещи с одного памятника (в нашем случае с поселения Векса) находят аналогии на стоянках, принадлежащих разным племенам, достаточно удаленным друг от друга, относящимся к разным археологическим культурам. Встает вопрос, надо ли пытаться связать распространение фигурного кремня с какой-то определенной культурой? Возможно, будет более правильно принять за отправную точку то, что на определенной стадии развития человеческого общества появляется такое понятие, как фигурный камень — один из путей, который бы помог через отражение осмыслить окружающий мир, попытаться понять самого себя в этом сложном и большом мире. И это осмысление идет посредством конкретных образов, а не абстрактных понятий. Отсюда и общие черты и формы изображаемого, а какие-то особенности вытекают из структурных возможностей материала и индивидуального мастерства художника. Видимо, постоянно происходило обогащение изображаемого, что позволяет объяснить то разнообразие изображений, полученных с одного и того же памятника. Дальнейший путь развития фигурного кремня — это «канонизация и схематизация»²⁴ изображаемого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уваров А. С. Археология России. Каменный период. Т. 1, 2. М., 1988

² Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. 10. С. 86.

³ Замятин С. Н. Миниатюрные...

⁴ Третьяков П. П. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. 1966. С. 51, 52.

⁵ Крайнов Д. А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 101-110.

⁶ Фосс М. Е. Стоянка Кузенино // СА. 1940. Т. V. Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. Ошибкина С. В., Макаров П. А. О работе в зоне перероброски северных рек // АО. 1978. М., 1979. Зиминая М. П. Неолит бассейна Мсты. М.: Наука, 1981. Куратов А. А., Маргенов А. Я. Исследования

на Архангельском Севере // АО. 1976. М., 1977. Куратов А. А. Исследования в Архангельской области // АО. 1975. М., 1976. Древние памятники Беломорья // АО. 1974. М., 1975. Урбан Ю. Н. Поселение и могильник Иловец // КСИА. 1973. Вып. 137. Черных И. Н. Работы в Калининской области // АО. 1981. М., 1982. Сидоров В. В. Многослойные стоянки в Подмоскowie // АО. 1971. М., 1972. Никитин А. Л. Многослойное поселение Польцо // СА. 1975. №3. Шевелев В. В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // СА. 1986. №1. Стоянка Наволок в Каргополье // СА. 1988. №1. Крайнов Д. А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981.

7 Куратов А. А., Мартынов А. Я., Михайловский Ф. А. Древние памятники Беломорья // АО. 1974. М., 1975. С. 21.

8 Шевелев В. В. Кремневые фигурки из Каргополя // СА. 1990. №3. С. 247.

9 Панкрушев Г. А. Неолит Карелии. Л., 1978. Т. 2. С. 19.

10 Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967. С. 108.

11 Табарев А. В. Кремневая пластика и проблема декоративного освоения пород и минералов в каменном веке. VI Арсеньевские чтения. Угсуйский. 1992. С. 206.

12 Табарев А. В. Кремневая пластика...

13 Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. С. 95-104.

14 Иванищев А. М. Отчет о работе Вытегорского отряда САЭ. 1991. Архив Вытегорского краеведческого музея.

15 Никитинский И. Ф. Отчет о работе Вологодской АЭ 1982. Р-1 9341, 1985. Р-1 11186, АО. 1985. М., 1986.

16 Замятин С. Н. Миниатюрные... С. 102-103. Зубков В. И. Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок // КСИИМК. 1949. Вып. IV.

17 Шевелев В. В. Кремневые фигурки... С. 248.

18 Замятин С. Н. Миниатюрные... С. 104.

19 Коллекция ВГМЗ 30850, А-112. Фонды Вологодского государственного музея-заповедника.

20 Ошибкина С. В. Энеолит и бронзовый век Севера европейской части СССР // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М.: Наука, 1987.

21 Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980.

22 Замятин С. Н. Миниатюрные... С. 94.

23 Ошибкина С. В. Энеолит и бронзовый век...

24 Формозов А. А. Памятники первобытного... С. 72.

Автор благодарит И. Ф. Никитинского за возможность пользоваться материалом коллекций.

ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ МОЛОГО-ШЕКСНИНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Одним из наиболее ярких явлений духовной и материальной культуры финно-угорского населения являются предметы культового литья — зооморфные фигурки, изображающие медведя, лося, коня, птицу. Истоки этого искусства уходят в глубокую древность. По археологическим данным они прослеживаются с эпохи мезолита — на стоянках и могильниках Севера Европейской части России находят кремневые, костяные фигурки различных животных; их изображения нанесены на различные предметы, глиняную посуду, прибрежные камни. Этнографами зафиксированы культы таких животных, как медведь, лось (олень), утка, у многих народов Поволжья, Урала, Севера Восточной Европы, Сибири.

В культурах раннего железного века зооморфные украшения широко представлены на Урале, в Сибири, степной полосе Евразии. В близких к Молого-Шекснинскому междуречью регионах единичные зооморфные находки известны на памятниках дьяковской культуры.

В Молого-Шекснинском междуречье при проведении в последние годы широких полевых работ авторами на памятниках раннего железного века выявлена серия зооморфных украшений, ранее здесь неизвестных. Она состоит из 30 медных и бронзовых украшений и одного костяного. Серия происходит из 8 могильников разных типов, с погребениями по обряду трупосожжения (рис. 1):

1. «Домик мертвых» в могильнике Усть-Белая I на реке Кобоже — одна подвеска-медведь и три фигурки птиц с раскрытыми крыльями¹.

2. Могильник Чагода I — в погребальном сооружении в раскопе VIII — две подвески в виде двухголовых коньков, две подвески-медведя, подвеска-птичка и подвеска-лапка; в погребальном сооружении в раскопе VII — две подвески-уточки; в кургане №3 — подвеска-медведь и подвеска-уточка; в кургане №2 — подвеска-уточка; в погребальном сооружении в раскопе VI — костяная накладка-птичка².

3. Разрушенный могильник (?) под сопкой Куреваниха III на р. Мологе — подвеска-птица³.

4. «Домик мертвых» Куреваниха XX — подвеска-уточка⁴.

5. «Домик мертвых» Куреваниха XVII — три подвески-медведя, одна подвеска-птица⁵.

6. «Домик мертвых», Куреваниха XVI — подвеска-уточка⁶.

7. Разрушенное погребение в грунтовом могильнике Никольское XVII на р. Суде — изображение птицы в круглой бляхе⁷.

8. Два «домика мертвых» у д. Пугино на р. Суде — пять подвесок-уточек и одно изображение медведя⁸.

И еще одно изделие (№31) — навершие в форме морды лося — выявлено при просмотре фондов археологии Череповецкого музейного объединения⁹. Это случайная находка на поселении Городище при впадении р. Суды в реку Шексну.

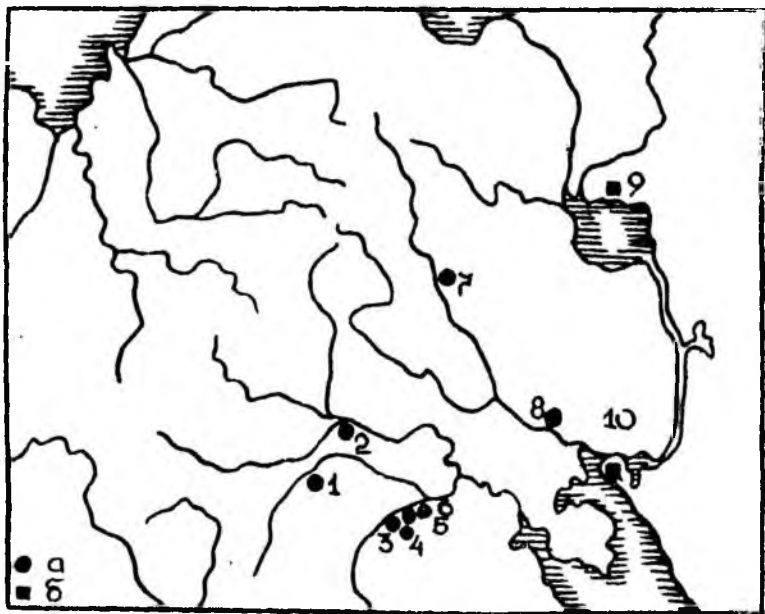

Рис. 1 Карта находок зооморфных украшений:

а — могильники; б — поселения.

1 — Усть-Белая; 2 — Чагода I; 3-6 — Куреваниха III, XX, XVII, XVI;
7 — Никольское XVII; 8 — Пугино; 9 — Водоба II; 10 — Городище.

Кроме того, в работе пойдет речь о предмете (№32), не относящемся к кругу памятников, перечисленных выше, — это металлическая фигурка прикамского культового литья, найденная И. К. Цветковой на стоянке Водоба II на северном берегу Белого озера¹⁰.

Описание, типология, хронология и частично семантика этих украшений являются целью работы.

Типология и хронология

Зооморфные украшения разделены на четыре группы по сюжету и технике изготовления (рис. 2). Группа I — изображения парящей птицы, выполненные в наборной технике; группа II — полые подвески, изображающие водоплавающую птицу; группа III — полые подвески-медведи; группа IV — пластинчатые коньковые подвески. Пять единичных предметов не входят в группы. Датировка украшений основана на определении хронологии погребальных комплексов, в которых они встречаются, и значительной серии радиоуглеродных дат, полученных в двух лабораториях.

Группа I. Изображения парящей птицы.

Насчитывается 7 экземпляров (рис. 3: 1-3, 5, 8; рис. 5: 4; рис. 6: 1). Различаются между собой по способу изготовления крыльев и могут быть разделены на два типа.

Тип 1. Представлен 3 экз. Крылья птиц представляют собой тонкую пластину; фигурки имеют массивный клюв, хвост сделан из нескольких перекрученных проволок. Можно выделить два варианта.

Вариант 1. Две подвески происходят из «домика мертвых» Усть-Белая I (рис. 3: 1, 2). Высота птичек — 3,9-4,3 см, размах крыльев — 2-3,2 см. крылья широко расправлены в стороны, по краю оформлены качтиком. К ним припаяны коготки (лапки) и четыре перекрученные проволоки, расходящиеся от тулова и имитирующие хвост. Внизу они скреплены поперечной проволокой. С внутренней стороны имеются петли. У одного экземпляра на груди припаяны два плоских металлических кружка.

Вариант 2. Подвеска также происходит из «домика мертвых» Усть-Белая I (рис. 3: 3). Размеры 2,2 x 2,7 см. Углы крыльев в отличие от варианта 1, опущены вниз. Хвост выполнен так же, как в варианте 1, но еще оформлен дополнительными деталями — миниатюрными бронзовыми бляшками. С внутренней стороны фигурки к голове припаяна пластина, а к тулову — петля.

Погребальное сооружение Усть-Белая I по вещевому материалу, включающему более 100 типологически определимых предметов, сетчатую керамику, датируется последними веками до нашей эры — началом нашей эры. По углю сруба и заполнения сооружения получены три даты: 2270 ± 110 (ГИН-6623), 2300 ± 210 (ГИН-7025) и $1920 \pm$

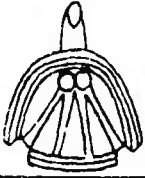

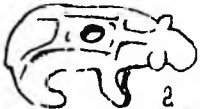

		II - I в.в. до н.э.	I - 0 в.в. н.э.	III - V в.в. н.э.
Группа I	тип I	 1	 2	
	тип II	 1 2		
Группа II	тип I	 1	 1	 2
	тип II		 1	 2 2
Группа III	тип I	 1		
	тип II	 1	 2	
Группа IV			 1	

Рис. 2. Типология зооморфных украшений.

40 лет назад (ЛЕ-4557). Очевидно, к этому времени следует отнести все три подвески-птички.

Тип II. Представлен 3 экземплярами: по одному из «домиков мертвых» Куреваниха XVII (рис. 3: 8), разрушенного могильника Куреваниха III (рис. 3: 5) и погребального сооружения в раскопе VII могильника Чагода I (рис. 5: 4). Подвески-птички различаются лишь размерами: 2,8 x 3,4 см, 4,5 x 5,8 см, 1,1 x 1,6 см. Птички изготовлены в несколько приемов. Первоначально из металлического стержня была сделана массивная голова-клюв, остальную часть стержня разделяли на 3-4 проволоки, перекрутив их, — таким образом получался распущенный хвост (вероятно, таким же образом изготавливалась голова и хвост в варианте I типа I). Затем хвост скреплялся пластиной; на грудь напаивалась деталь из одной или нескольких перекрученных проволок, имитирующая крылья, и коготки (шарики). С внутренней стороны фигурки припаивались петельки для подвешивания либо пришивания.

Удивительно близки подвески из Куреванихи. Они найдены на памятниках, расположенных в 4 км друг от друга. Не исключено, что обе фигурки сделаны одним мастером или человеком, который видел один из экземпляров, и по его образцу сделал другой.

По погребальному инвентарю, бронзовой пряжке с насечками и шпилькам типа Андреевского кургана¹¹, железным поясным подвескам, бронзовому грехлопастному наконечнику стрелы, булавке со спиральным навершием, сетчатой керамике и другим вещам — сооружение Куреваниха XVII датируется концом I тысячелетия до н. э. — началом I тысячелетия н. э. По обугленным плакам нижнего венча сруба получены 2 радиоуглеродные даты: 2010 ± 80 лет назад (ГИН-6614) и 2000 ± 100 лет назад (ГИН-6615), что достаточно хорошо согласуется с археологической датировкой. К рубежу эр относится и подвеска-птичка. Подвеска из Чагоды по сопровождающему инвентарю: бронзовой круглой ажурной бляхе, пряжкам с насечками, булавке со спиральным навершием и др. — может быть датирована началом I тысячелетия н. э.

Таким образом, изображения птиц с распростертыми крыльями типов I и II относятся к одному времени. Технологически оба типа близки по способу оформления клюва, хвоста, лапок.

Ближайшие аналогии типу I варианту I известны в Тюркской области и Верхней Волге. О. Н. Бадером при раскопках Пескуновского сруба найдено изображение птицы, которое является частью боковой крылатой усадки (возможно, поэтому автором было неправильно

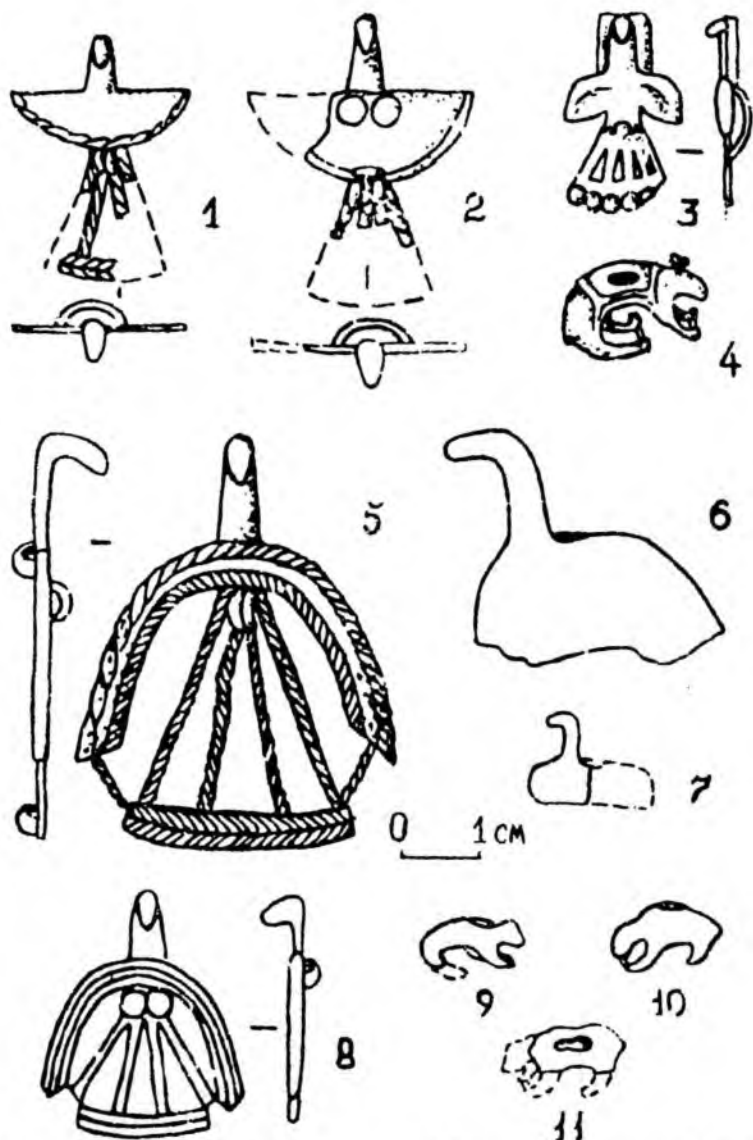

Рис. 3. Подасныки українські: 1-4 — «домашній мертвак» Усть-Водяч.
 5 — Куреданька III; 6 — Куреданька XVI; 7 — Куреданька XX;
 8-11 — Куреданька XVII
 1-3, 5-8, 10 — подаски-птички; 6, 7 — подаски-уточка;
 4, 9-11 — подаски-медузи

понято само изображение)¹². Фрагмент такого же украшения с изображением птицы найден И. Ф. Никитинским на поселении Векса на р. Вологде. Полностью вписывается в вариант I типа I подвеска-птица, имеющаяся в сборах кимрского жителя О. Н. Барабанова с поселения Белый Городок в Тверской области. Другая подвеска-птица из сборов О. Н. Барабанова с Пекуновского поселения относится к варианту 2 типа I.

В прикамских древностях этого времени фигурки птичек представлены в гляденовской культуре¹³. Однако это иной стиль исполнения — фигурки полностью литые, оперение передается скупыми штрихами. Подвески-птички из погребальных памятников Усть-Белая, Чагода, Куреваниха более изящные, характерно витьё.

Еще одно изображение птицы с широко раскрытыми крыльями, помещенное в круглую ажурную бляху, происходит из разрушенного могильника Никольское XVII (рис. 6: 1). Тулово выполнено из трех тонких пластинок, от него расходятся крылья, скрепленные перевитой проволокой, и хвост, оперение на котором передано с помощью насечек. Клюв тупой, волютами показаны глаза или уши. Близкое изображение имеется в материалах Гляденовского костыща (без бляхи)¹⁴. Круглые ажурные бляхи, но без изображения птицы, найдены на всех погребальных памятниках Молого-Шекснинского междуречья в комплексах с рассматриваемыми зооморфными украшениями. Вероятно, это изображение птицы можно датировать началом I тысячелетия н. э.

Группа II. Изображения водоплавающей птицы.

Полые подвески-уточки найдены в количестве 11 экземпляров, часть из них оплавлена при кремации (рис. 3: 6, 7; 4: 2-6; 5: 8, 9). Подвески-уточки, происходящие с памятников I тысячелетия н. э. Волго-Окского, Волго-Вятского междуречья, подробно рассматриваются Л. А. Голубевой в работе, посвященной зооморфным украшениям финно-угров¹⁵.

• Однако подвески в виде уток, происходящие с памятников Молого-Шекснинского междуречья, не соответствуют типам и вариантам, выделенным Л. А. Голубевой, и не укладываются в предложенную хронологию. Исследовательница относит появление наиболее ранних подвесок в виде водоплавающих птиц в Верхнем и Среднем Поволжье к VI-VII вв. н. э.¹⁶, тогда как в Молого-Шекснинском междуречье они появляются в значительно более раннее время. В

связи с этим представляется возможным предложить свою типологию для подвесок из рассматриваемого региона.

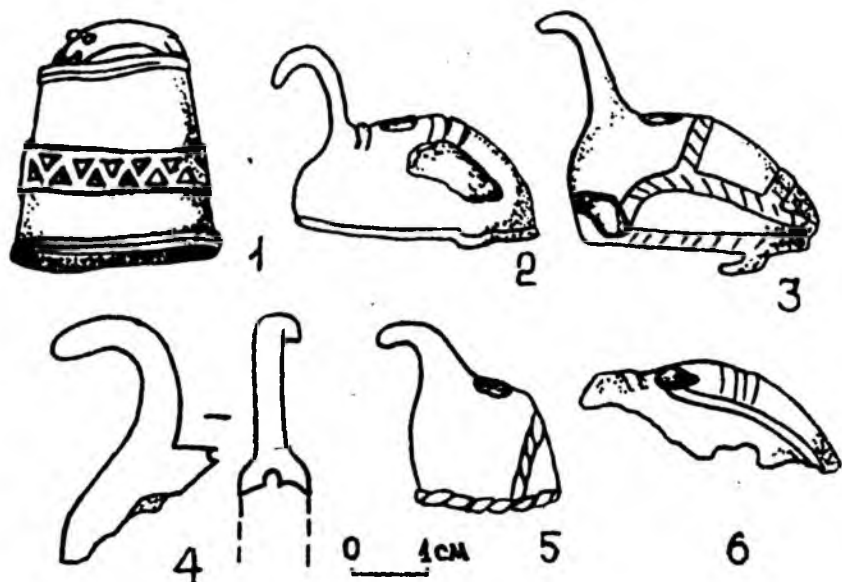

Рис. 4. Зооморфные украшения из «домиков мертвых» Пугино:
1 — бронзовое навершие ножен кинжала с изображением медведя;
2-6 — подвески-уточки.

Тип I. (5 экз.). Подвески с гладким туловом и отверстием в спинке

Вариант 1. Один экземпляр происходит из «домика мертвых» Куреваниха XX (рис. 3: 7) и два — из погребального сооружения в раскопе VII могильника Чагода I (рис. 5: 8, 9). Уточки небольших размеров: высота 1,3-1,7 см, длина тулова — 1,7 см. Уточка из Куреванихи, сохранившаяся лишь частично, имеет сильно выпуклую грудь и крючкообразную голову, выполненную из бронзового стержня. Уточек из Чагоды имеются лапки.

«Домик мертвых» Куреваниха XX имеет радиоуглеродную дату 2130 ± 50 лет назад (ГИН-6621), вещевого комплекса датируется пределами II века до нашей эры — I века нашей эры. К этому же времени относится и уточка. Вероятно, этот экземпляр является самым ранним среди подвесок-уточек.

Вариант 2. Подвески более крупных размеров; одна найдена в «домике мертвых» Куреваниха XVI (рис. 3: 6); размеры ее 3,3 x 3,5 см, массивная голова плавно переходит в слегка выпуклую грудь, бока вертикальные. По-видимому, к этому варианту можно отнести уточку из «домика мертвых» в Пугино (рис. 4: 4).

Тип II. Полые подвески-уточка с орнаментом по тулову.

Вариант 1. К нему можно отнести 4 экземпляра. Три подвески (у одной из них сохранилось лишь тулово) найдены в «домике мертвых» в Пугино (рис. 4: 2, 3, 6) и одна — в кургане №2 могильника Чагода I (рис. 5: 7). Общая высота уточек — 2,5-3 см, длина тулова — 3,2 см, грудь сильно выступает вперед, головка крючкообразная, шея тонкая, длинная. У уточки из Чагоды шея обмотана бронзовой проволокой. Все уточки имеют орнамент в виде валиков или жгута по бокам, груди, спинке. У двух подвесок из Пугино, сохранившихся наиболее полно, по низу тулова идет валик с выступами-лапками (рис. 4: 2, 3).

Вариант 2. Один экземпляр происходит из грунтового погребения могильника Пугино (рис. 4: 5). Размеры тулова 1,7 x 1,9 см, шея короткая. Общая высота фигурки — 2,4 см. По низу тулова идет валик с витием, такой же валик образует арку в задней части. Эта подвеска близка уточкам азелинской культуры¹⁷.

Нельзя вследствие неполной сохранности отнести ни к одному из вариантов подвеску-уточку из кургана №3 могильника Чагода I (рис. 5: 6).

Наиболее ранними являются подвески типа I варианта 1. Подвеска из «домика мертвых» Куреваниха XX, как уже отмечалось, по вещам и радиоуглероду датируется II веком до нашей эры — I веком нашей эры; две подвески из Чагоды — первыми всками н. э. Подвески варианта 2 этого типа относятся к более позднему времени — погребальное сооружение Куреваниха XVI по многочисленным вещам (более 200) датируется II — началом V века нашей эры; комплекс с уточкой из Пугино — III-V веками нашей эры. Подвески II типа, происходящие из кургана 2-го могильника Чагода I и «домиков мертвых» в Пугино, по многочисленным вещам погребальных комплексов, включающих ножи с горбатой спинкой, двушипные наконечники стрел, топоры, булавки со спиральным навершием, разнообразные бронзовые подвески, стеклянные бусы, сетчатую и лепную гладкостенную керамику, датируются II-V всками нашей эры. Следует отметить, что вариант 2, близкий азелинским подвескам, появляется позднее варианта 1.

Таким образом, появление подвесок в виде водоплавающей птицы в бассейнах Мологи и Шексны относится к последним векам до нашей

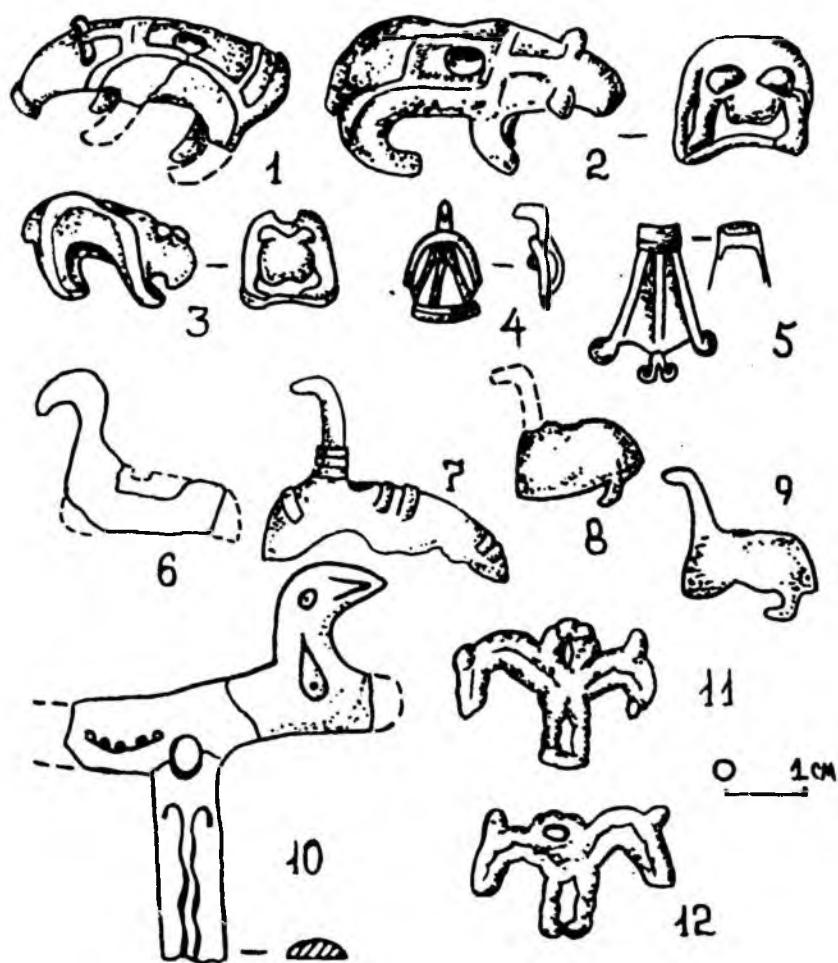

Рис. 5. Зооморфные украшения из могильника и курганов Чагода I:
 1-2 — подвески-медведи (раскоп VIII); 3 — подвеска-медведь (курган №3); 4 — подвеска-птичка (раскоп VIII); 5 — подвеска-лапка (раскоп VIII); 6 — подвеска-уточка (курган №3); 7 — уточка (курган №2); 8, 9 — уточки (раскоп №7); 10 — накладка в виде птицы (раскоп VI); 11, 12 — подвески-лошадки (раскоп VIII).
 1-9, 11, 12 — бронза; 10 — кость.

эры, а более широкое распространение этот тип украшений получает в I половине I тысячелетия н. э. (Чагода, Куреваниха XVI, Пугино). В этой связи, очевидно, заслуживает внимания вопрос об уточнении хронологии близких подвесок и на других территориях.

В погребальном сооружении в раскопе VIII могильника Чагода I найдено украшение, которое передает не все тело водоплавающей птицы, а лишь ее часть — лапку (рис. 5: 5). Подвеска имеет петлю с внутренней стороны; четко показана перепончатая структура лапки, завитки имитируют коготки. По сопровождающему инвентарю (бронзовые пряжки с насечками, круглая ажурная бляха и т. д.) подвеска-лапка может быть датирована началом нашей эры. Близкие подвески известны в чегандинской культуре на Каме¹⁸.

Вне выделенных групп остается накладка в виде птички, так как она изготовлена из кости (рис. 5: 10). Накладка происходит из погребального комплекса в раскопе VI могильника Чагода I. Фигурка сохранилась не полностью, отсутствует часть груди, хвоста, нижняя часть стержня. Тулово вытянутое, на шее и груди орнамент в виде капли с коническим углублением, клюв острый, оформлен двумя нарезками. Глаз — слегка растянутый кружок с точкой в центре. В задней части тулова имеется орнамент из 5 круглых углублений, соединенных между собой. Тело птицы как бы посажено на вертикальный стержень, украшенный двумя волнистыми линиями. Обратная сторона фигурки плоская, представляет собой внутреннюю пористую структуру кости. Очевидно, этой стороной изображение накладывалось на какой-либо предмет и прикреплялось к нему с помощью отверстия, проделанного в центре. Кроме этой накладки, в погребальном комплексе найдены фрагменты орнаментированных костяных изделий, железные шило и буса. По углю из слоя с кальцинированными костями получена радиоуглеродная дата 2230 ± 80 лет назад, по обугленным плахам сооружения 2240 ± 40 и 2050 ± 40 лет назад, по углю из ямы с костями 2030 ± 80 лет назад (ГПН-7504-7507). Очевидно, рассматриваемая накладка относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. В древностях раннего железного века лесной зоны Восточной Европы аналогий данной находке авторам неизвестно.

Группа III. Изображения медведя.

Изображения медведя представлены 8 экземплярами. 7 из них — это литые бронзовые фигурки с отверстиями для подвешивания. Все изображения полые, представляют медведя в статичной позе: стоящим

на четырех лапах, с опущенной вниз головой. Древний мастер четко подметил характерные особенности этого животного: горб на спине, круглые уши, небольшой опущенный вниз хвост.

Все фигурки разделяются на два типа.

Тип I. Подвески с гладким туловом, средние размеры 0,9 x 1,5 см — 3 экз. (рис. 3: 9-11). Это сильно стилизованное изображение медведя, передние лапы на перекладинах, орнамент отсутствует. Все три подвески найдены вместе в «домике мертвых» Куреваниха XVII в комплексе с подвеской-птицей (рис. 3: 8).

Тип II. От типа I отличается размерами и наличием орнамента. Можно выделить 2 варианта.

Вариант 1. Представлен 2 экземплярами — один происходит из «домика мертвых» Усть-Белая I (рис. 3: 4), другой — из кургана №3 могильника Чагода I (рис. 5: 3). Длина фигурок — 2,2-2,4 см, высота — 1,3-1,4 см, медведь из Чагоды массивнее усть-бельского. Этот медведь более приземистый, имеет орнамент в виде проволоки, припаянной к бокам фигурки. Проходя через лапы, она тем самым соединяет их. Подвеска из Усть-Белой также имеет орнамент по спинке в виде поперечных валиков, четко выражены уши, показаны когти лап, расположенных на перекладинах.

Вариант 2. Представлен 2 экземплярами, найденными в погребальном сооружении в раскопе VIII могильника Чагода I (рис. 5: 1-2). Подвески более крупных размеров: длина туловища — 3,5 и 3,8 см, высота — 1,6 см. Одна фигурка повреждена в нижней части, но, по-видимому, у нее, как и у остальных, лапы были соединены перекладиной. Медведи больше, чем в варианте 1, украшены валиками.

Три подвески типа I из Куреванихи XVII датируются рубежом эр (археологическая и радиоуглеродная датировки уже приводились). К этому времени относятся и медведи типа II варианта 1. Фигурки из Чагоды типа II варианта 2 принадлежат к первым векам нашей эры. Аналогии данным изображениям медведей имеются в сборах О. Н. Барбанова с Пекуновского поселения, а в более отдаленных регионах — в Прикамье, в частности, на Гляденовском костыше¹⁹.

К этим изображениям примыкает фигурка медведя, помещенная на бронзовом наконечнике ножен меча или кинжала (рис. 4: 1). Изделие происходит из могильника Пугино. Медведь стоит в той же позе, но фигурка более схематична, чем описанные выше подвески. Наконечники ножен такого типа известны в Прикамье в чегандинской культуре²⁰.

Группа IV. Изображения коней.

В погребальном сооружении в раскопе VIII в могильнике Чагода I найдены две идентичные коньковые подвески с двумя головами, развернутыми в противоположные стороны (рис. 5: 11, 12). Показаны уши, короткие передние ноги. Между головами имеется петля. Подвески плоские, отлиты по оттиску. Коньки обнаружены в одном погребальном комплексе, по инвентарю которого датируются первыми веками н. э. Вместе с ними в этом же комплексе найдены две подвески-медведя, подвеска-птичка с раскрытыми крыльями и подвеска-лапка. В близлежащих регионах подобных конских подвесок нет; неизвестны они и в культурах начала I тысячелетия н. э. Поволжья и Прикамья.

Наиболее ранние изображения разнонаправленных парных головок коней известны около рубежа н. э. в таштыкской культуре²¹. Несмотря на огромное расстояние, хронологически и стилистически подвески из Чагоды наиболее близки таштыкским. Исследователи связывают распространение парных подвесок-коньков с проникновением угорского компонента в Приуралье в харинское время²². Находки в Молого-Шекснинском междуречье позволяют поставить вопрос о проникновении далекого с северо-запад на рубеже эр степного населения.

Изображение лося.

Единственный экземпляр — полос бронзовое навершие в виде морды лося — является случайной находкой с поселения уд. Городище на реке Шексне²³ (рис. 6: 2). Навершие длиной 5 см, высота морды — 1 см. Лосиная морда передана реалистично, рога имитируют две пары из трех тонких сложенных концами и припаянных к голове проволок. Из средней нижней части морды плавно вырастает борода, разделенная пополам бороздкой. Навершие имеет два отверстия для закрепления. Аналогий данному предмету авторам неизвестно. Учитывая, что навершие найдено вместе с сетчатой керамикой и круглой ажурной бляхой с треугольными прорезями, его можно датировать первыми веками н. э.

В контексте с зооморфными украшениями Молого-Шекснинского междуречья следует рассмотреть сюжет, связанный с известной находкой бронзовой подвески со стоянки Водоба на северном берегу Белого озера (рис. 6: 3). Подвеска неоднократно публиковалась²⁴. Это плоская зооморфная фигурка длиной 7,1 см, шириной 0,9 см. Она была найдена в 1955 году при раскопках стоянки И. К. Цветковой, которая

определила ее как рыбу с головой птицы и датировала концом II тысячелетия до н. э.²⁵ И. С. Манюхин, характеризуя металлические изделия с памятников позднекаргопольской культуры, отмечает эту находку и считает, что в этом предмете «скорее следует видеть образ лоса»²⁶. Н. А. Макаров определяет фигурку с Водобы как «существо с вытянутым туловищем, возможно, рыба» и датирует ее I половиной — серединой I тысячелетия н. э.²⁷

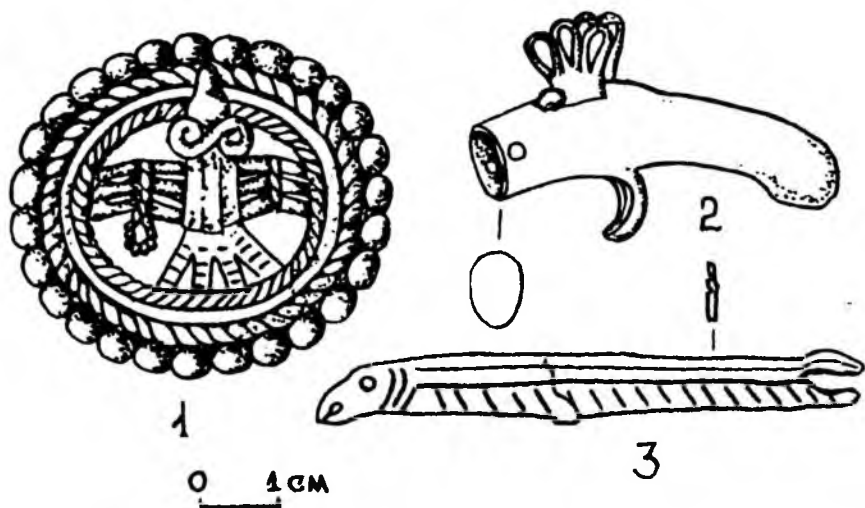

Рис. 6. Зооморфные изображения:

- 1 — изображение птицы в бляхе (могильник Никольское XVII);
 2 — навершие рукоятки в виде морды лоса (поселение Городище);
 3 — зооморфная фигурка (поселение Водоба II).
 1-3 — бронза.

Следует отметить, что исследователями эта фигурка воспринималась как созданная изначально в таком виде. Однако это не так. При более детальном изучении выяснилось, что это не цельный законченный предмет, а лишь часть более крупного предмета: в нижней части сохранились остатки крепления с основной фигурой, «хвост» был сделан явно позднее — фигурка была обрублена, затем на конце расщеплена: получилось нечто вроде «раздвоенного хвоста». Поиски основного, «материнского» предмета привели к изделиям уральского культового литья. Оказалось, что эта так называемая рыбка или лось — боковая часть большой прорезной бляхи, тип которых известен в Прикамье во II половине I тысячелетия н. э. Наиболее близкий экзем-

пляр — бляха, найденная у пос. Курган Чердынского района Пермской области²⁸. Как у большинства таких изделий, в центре помещено изображение человека («богини») и животных, внизу — ящеры и другие обитатели подземного мира, сверху — небесный мир: солнце, птицы. Композицию обрамляют две полосы, с вертикальными длинными и короткими косыми линиями, которые начинаются в нижней части бляхи, заканчиваются в верхней, небесной. Оформление полос на бляхе из пос. Курган полностью совпадает с полосками на фигурке с Водобы. Они различаются лишь изображениями в верхней части: у находки с Белого озера — это голова птицы, у изделия из пос. Курган она скорее напоминает змею. Но такое же оформление головы, клюва, глаза встречается на других бляхах²⁹.

Таким образом, фигурка с Водобы представляет собой боковую часть крупной прорезной бляхи, которые известны в Прикамье в VII-VIII вв. н. э.³⁰ По-видимому, бляха была повреждена, в результате чего от нее и отделили небольшую боковую часть. Возможно, древний мастер предполагал ее самостоятельное функционирование — в виде украшения или амулета.

Открытие нового ареала ранних зооморфных украшений, их состав, технология изготовления ставят большое количество историко-культурных вопросов, ранее соответственно не поднимавшихся исследователями, и позволяет в новом свете посмотреть на зооморфные украшения более позднего времени и, в частности, древнерусские. Следует отметить, что немногочисленность серии (31 украшение) весьма относительна, так как работы на памятниках раннего железного века в Молого-Шекснинском междуречье только начались в последние 10 лет, и новые раскопки в дальнейшем, несомненно, значительно увеличат серию. С нашей точки зрения, этот регион будет выделяться большим количеством зооморфных украшений раннего железного века, так как из 9 исследованных раскопками в той или иной мере могильников они найдены в восьми. Причем количество находок практически прямо пропорционально степени исследованности памятника. На наиболее исследованном могильнике Чагода I найдено и наибольшее количество находок — 11 экз. В то же время представляется очевидным, что выделение этого региона по насыщенности зооморфных украшений раннего железного века в пределах границ Вологодской области имеет субъективный характер, так как пока только здесь найдены и исследованы могильники этого времени. Несомненно, что при обнаружении могильников в бассейне Мологи и в целом Верхней Волги на соседних территориях Новгородской, Тверской и

Ярославской областей будут найдены и зооморфные украшения. О этом, в частности, свидетельствуют случайные находки на Верхней Волге, упоминавшиеся ранее, которые хорошо вписываются в предложенную типологию. В единственном исследованном здесь погребальном памятнике — «домике мертвых» на городище Березняки найдена подвеска-лапка³¹. Таким образом, сложившееся представление об отсутствии в археологических культурах раннего железного века Верхнего и Среднего Поволжья бронзовых зооморфных украшений³² следует пересмотреть. Новый район распространения зооморфных украшений по времени соответствует пьяноборской эпохе в Прикамье. Необходимо отметить, что в комплексах с зооморфными подвесками найдено достаточно большое количество бронзовых украшений, часть из которых имеет прямые аналогии в культурах Прикамья пьяноборского времени. По существу в центре лесной зоны Восточной Европы открыт новый очаг распространения «звериного стиля», параллельный прикамскому. Причем, несмотря на общность сюжетов изображения (медведь, лось, летящая птица, водоплавающая птица, кони), верхневолжский очаг является отдельным, в целом независимым от прикамского. Здесь свой стиль и другая технология изготовления. В качестве гипотезы может быть выдвинуто предположение, что часть сюжетов может иметь общий «южный» источник. Это относится к изображениям летящей птицы и коней. Культы водоплавающей птицы, медведя, лося, несомненно, местного происхождения. Их бытованию у различных финно-угорских народов в разные эпохи посвящено большое количество специальных и общих работ, и в данной статье нет необходимости рассматривать этот вопрос. Внимания заслуживают подвески в виде парящей птицы. По-видимому, этот сюжет принесен в рассматриваемый регион из урало-сибирского мира. Именно там одиночные птицевидные фигурки широко распространены в культурах раннего железного века. Душа в понимании многих сибирских угро-самодийских народов — двойник человека в его реальной жизни — после смерти разделялась на несколько частей, одна из них превращалась в птицу и улетала на небо, или в загробный мир, или к Верховному божеству³³. У селькупов существовал обычай после смерти человека класть ему на грудь небольшие изображения птички и амеи, вырезанные из металла, которые должны были показывать дорогу в загробный мир. Иногда фигурки птиц мыслились какместилища для души³⁴.

Несмотря на определенные различия в технике исполнения между верхневолжскими, уральскими и сибирскими подвесками, они свиде-

тельствуют о близости идеологических представлений. Показательно в этой связи отличие от прибалтийско-финского мира, где такие подвески неизвестны. Это еще лишний раз склоняет к мысли, что древнее финно-угорское население рассматриваемого региона относилось к восточно-финской (поволжской) группе, а не западнофинской (прибалтийско-финской), вопреки утвердившимся представлениям.

Появление коньковых подвесок в первые века нашей эры в Молого-Шекснинском междуречье может быть связано с проникновением далеко на северо-запад групп степного населения. К такой постановке вопроса, помимо культового литья, приводит появление курганного способа погребения, степного вооружения и поясной гарнитуры, украшений, погребений взызданных коней. Говорить об этнической принадлежности этого населения и исходного района миграции еще рано.

В свете новых находок зооморфных украшений раннего железного века по-иному представляется их массовое появление в Белозерье и Приладожье в древнерусское время. Несмотря на отсутствие здесь в настоящее время находок культового литья VI-VIII вв., можно предполагать местное происхождение части зооморфных украшений древнерусского времени, а не проникновение их сюда из Среднего Поволжья и Повелужья, как полагают³⁵. Ситуация объясняется неизученностью могильников VI-VIII вв. в регионе. Открытие этого недостающего звена — зооморфных украшений VI-VIII вв. — задача дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Башенькин А. Н. Отчет Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 1986 году // Архив ИА РАН: Р-1 №11418; он же. Сопки и курганы на востоке Новгородской земли // История и археология Новгородской земли (тез. конф.). Новгород, 1987. С. 12-14.

² Башенькин А. Н. Отчет о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской области в 1987 году // Архив ИА РАН; он же. Отчет о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской области в 1993 году // Архив ИА РАН; он же. Исследования в Молого-Шекснинском междуречье // Археологические открытия в 1993 году. М., 1993. С. 4-5; Васенина М. Г. Отчет о раскопках могильника Чагода I в Чагодошенском районе и городища Курсканиха XIII в Устюженском районе и разведках в этих же районах Вологодской области в 1992 году // Архив ИА РАН.

³ Башенькин А. Н. Отчет о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской области в 1988 году // Архив ИА РАН; Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Нижняя дата высоких погребальных насыпей Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. конф. Новгород, 1989. С. 30-31.

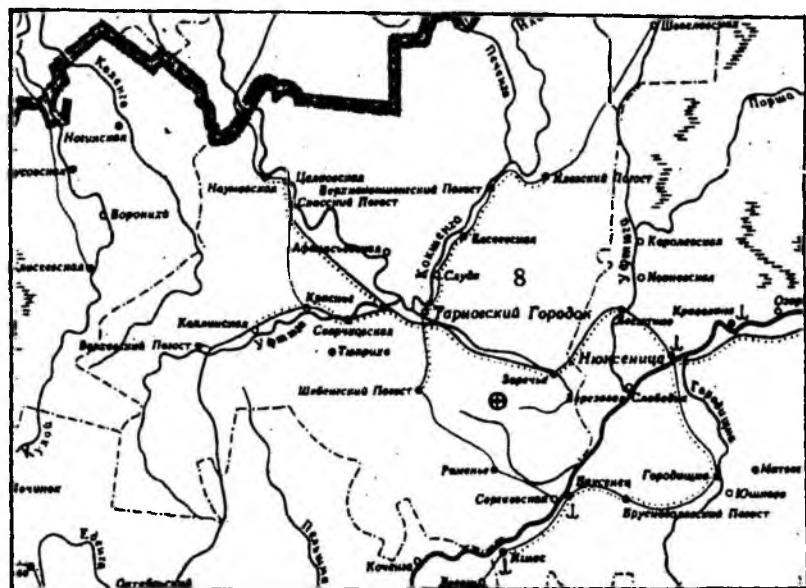
⁴ Башенькин А. Н. Отчет о работах Северорусской археологической экспедиции в Вологодской и Ленинградской областях в 1990 году // Архив ИА РАН; он же. Древности земли Устюженской // Устюжна. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1992. С. 18-30.

- 5 Там же.
- 6 Васенина М. Г. Отчет о раскопках могильника Чагода I...
- 7 Башенькин А. Н. Отчет о работах археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея в Вологодской области в 1983 году // Архив ИА РАН, Р-1, №10328.
- 8 Башенькин А. Н. Отчет о работах ... в 1986 году.
- 9 Фонды ЧерМО, №4517.
- 10 Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 67-69.
- 11 Степанов П. Д. Андреевский курган. Саранск, 1980. С. 8, 19. Табл. 20: 8; Табл. 46: 24; 25.
- 12 Бадер О. Н. Древнейшие городища на Верхней Волге // МИА. №13. С. 123. Рис. 42: 1.
- 13 Генинг В. Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. М., 1979. С. 157-158.
- 14 Спицын А. А. Гляденовское костище // ЗРАО. СПб., 1901. Т. XII. Вып. I, II. Табл. 3, 5.
- 15 Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. Вып. Е-1-59. М., 1979. С. 140-157.
- 16 Там же. С. 6, 15.
- 17 Там же. С. 10. Табл. 1, 13.
- 18 Генинг В. Ф. Этническая история... С. 41. Рис. 4: 45, 91.
- 19 Спицын А. А. Гляденовское кладбище... Табл. VI, 13, 16.
- 20 Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Вып. II. Свердловск, 1971. С. 14-15. Табл. XI, 7.
- 21 Вадеева Э. Б. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 242. Табл. 97; 31, 32. Табл. 98; 42-45.
- 22 Голубева Л. А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // СА. 1966. №3. С. 83.
- 23 Фонды ЧерМО, №4517.
- 24 Цветкова И. К. Неолитические поселения... С. 67-71. Макаров Н. А. О некоторых комплексах середины — 3-й четверти I тысячелетия н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА. №183. С. 23-31; Манюхин И. С. Специфические черты позднекаргопольской культуры // КСИА. №194. М., 1988. С. 11-17.
- 25 Цветкова И. К. Неолитические поселения... С. 69-70.
- 26 Манюхин И. С. Специфические черты... С. 15.
- 27 Макаров Н. А. О некоторых комплексах... С. 28.
- 28 Оборин В. А., Чвгин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988. С. 135. Табл. 137.
- 29 Там же. С. 137, 139.
- 30 Там же. С. 134, 135.
- 31 Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // МИА. №5. М., 1941. С. 51-68. Рис. 31; 6.
- 32 Голубева Л. А. Зооморфные украшения... С. 6.
- 33 Чиждова Л. В. «Культовое литье» лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск, 1987. С. 122, 124.
- 34 Там же. С. 122, 130.
- 35 Голубева Л. А. Зооморфные украшения... С. 62.

ТИУНОВСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ

Святылище выявлено автором в 1985 г. по краеведческой анкете, проведенной через районную газету. У местного населения оно было известно как «камень с крестами». Каких-либо легенд, объясняющих его происхождение, за годы изучения святылища зафиксировано не было.

Памятник находится в 3,5 км северо-восточнее д. Тиуновской Тарногского района Вологодской области в бассейне р. Кокшенги (рис. 1).

0 7,5 15км

Рис. 1. ⊕ — местонахождение Тиуновского святылища.

Святилище в настоящее время представляет собой два крупных камня, расположенных в 0,9 м друг от друга по линии запад-восток (рис. 3). Восточный камень — плоская плита неопределенной формы.

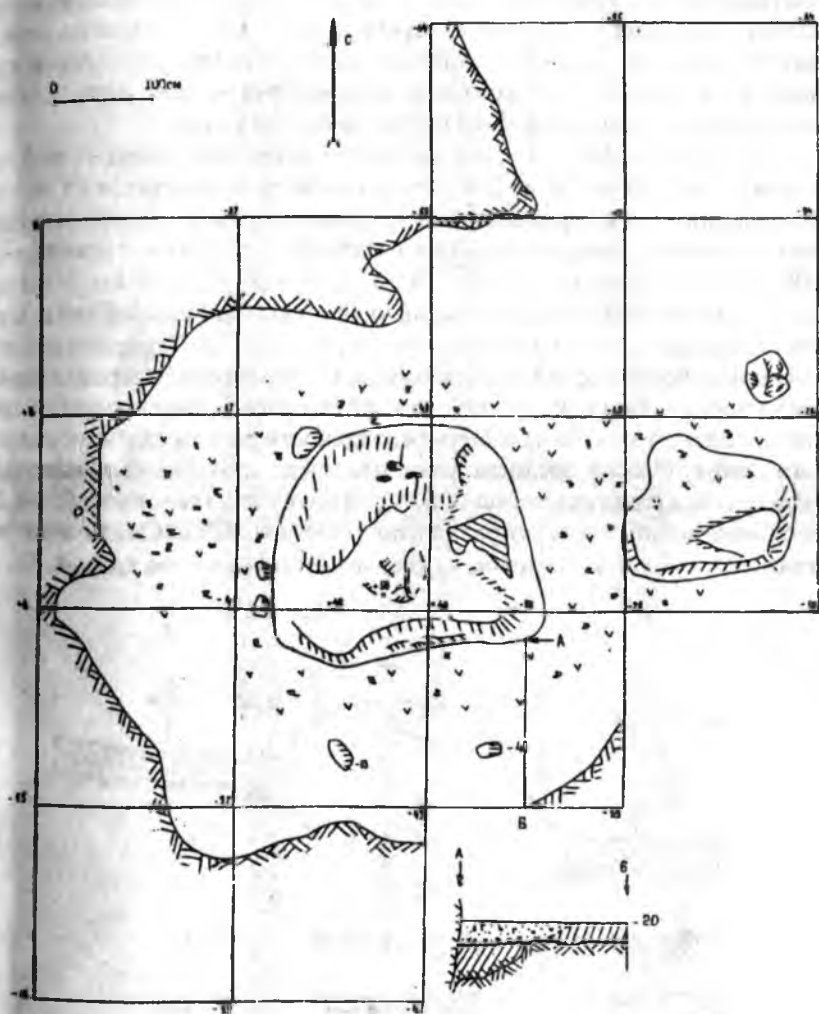

Рис. 3. Тиуновское святилище. План раскопа. Глубина 40 см.

поперечником до 1,9 м. Поверхность плиты имеет до 65 см уклона к северу. Северная часть плиты (примерно ее половина) находилась ниже уровня поверхности земли. Выступающая над землей часть по форме была близкой к прямоугольнику. Структура камня крупнозернистая, цвет серый. На поверхности плиты имеется множество выщербин поперечником от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров и глубиной до 1,5 см, есть трещины, отслаивающие поверхность камня. В грунте на плите, вокруг нее и особенно между плитой и вторым камнем, встречено много угля (рис. 3). Угли встречались в верхнем гумусированном перемешанном слое, а подстилающий его слой мощностью 5-10 см был насыщен углем.

Размеры второго (западного) камня с востока на запад — до 3 м, с севера на юг — до 2,4 м. Поскольку святилище находится на склоне возвышенности, его высота над поверхностью земли с разных сторон была различна: с юга — до 130 см, с востока — до 136 см, с севера — до 100 см, с северо-запада — до 75 см, с запада — до 62 см. У камня наблюдаются четыре скругленные угла и куполообразный верх. Своими сторонами он ориентирован по сторонам света. Северная сторона несколько более короткая, чем южная. Следы по ориентировке камня были прослежены в раскопке: с южной стороны зафиксирован подкоп на всю возможную по условиям безопасности работы глубину залегания камня. Можно предположить, что после того, как был выполнен подкоп, создатели святилища сдвинули его вниз по склону на 0,4-0,5 м и одновременно сориентировали по сторонам света. Следы этой подвижки были также заметны с северной стороны камня (рис. 4, 5).

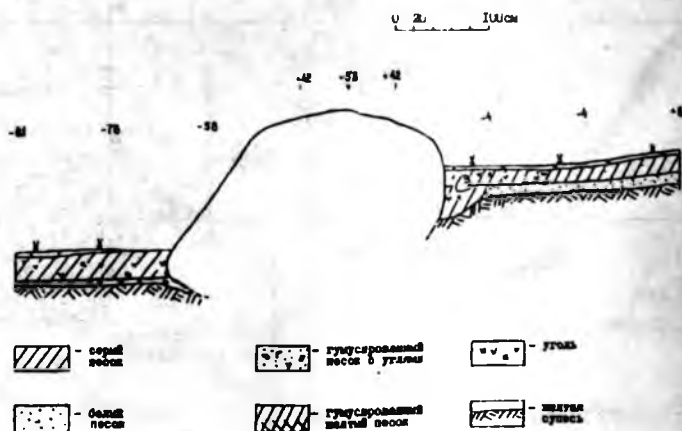

Рис. 4. Тиуновское святилище. Разрез по линии восток-запад.

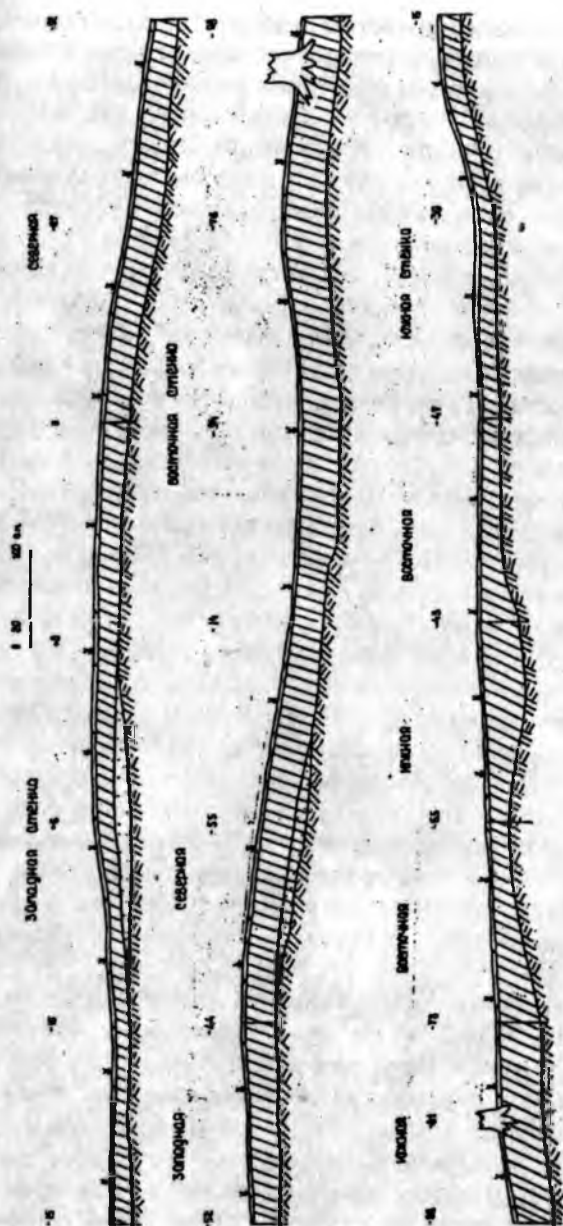

Рис. 5. Тиуновское связывание. Профили раскопа

Валун сложен мелкозернистым диабазом¹, его цвет серый, в изломе с синеватым оттенком. На поверхности камня оттенок иногда бурый. В целом он монолитен и крупных трещин не имеет. Но через восточную сторону камня проходит наклонный слой, имеющий несколько более «рыхлую» структуру (рис. 6). Эта сторона в древности представляла собой ровную плоскость, но затем она получила повреждения, о причинах которых будет сказано ниже. Угол наклона восточной плоскости от западного горизонта — 51-55 град. Южная сторона камня очень крутая и в значительной степени угловато-неровная. На большей части этой поверхности, за исключением западной, рисунки выполнить невозможно. Остальная поверхность камня хотя и имеет неровности, но они не нарушают ее куполообразности. Кроме того, на ней иногда встречаются отдельные небольшие трещины и слегка выступающие природные «швы». На ровных участках поверхности камня нанесены рисунки. Во время обнаружения святилища камень в основной своей части был покрыт мхами и лишайниками. На поверхности видны были отдельные христианские кресты и детали двух антропоморфных фигур. Остальные рисунки выявлены в течение нескольких последующих лет. Некоторые рисунки даже после тщательной расчистки видны слабо, их восприятие затруднено.

Рисунки на камень нанесены с четырех сторон и сверху (рис. 7). но сама вершина камня от рисунков свободна. Здесь имеется достаточно места, чтобы мог сидя разместиться человек. Рельеф камня удобен для сидения лицом на восток. Подъем на камень наиболее удобен с севера, здесь высота камня незначительна и имеет три углубления, напоминающие ступени (два углубления естественного происхождения, а третье, возможно, искусственного). Кроме того, при подъеме на камень с этой стороны меньше всего вероятность наступить на рисунки. Подъем на камень возможен и с запада, но «ступеней» здесь нет. С восточной и южной сторон на камень без больших усилий и приспособлений не подняться.

Восточная плоская сторона камня имеет большой сюжетный рисунок и две надписи (рис. 8). На плоскости прорисованы три длинные горизонтальные линии. На уровне немного ниже середины плоскости проведены две линии. Нижняя из них протягивается от юго-восточного до северо-восточного угла, ее длина 1,9 м. Другая верхняя линия проведена от юго-восточного угла к северо-восточному примерно на две трети стороны. Нижняя линия находилась на уровне поверхности земли. От нижней линии до верхней — около 25 см. Третья горизонтальная линия была нанесена на плоскость у самой ее подошвы, ниже

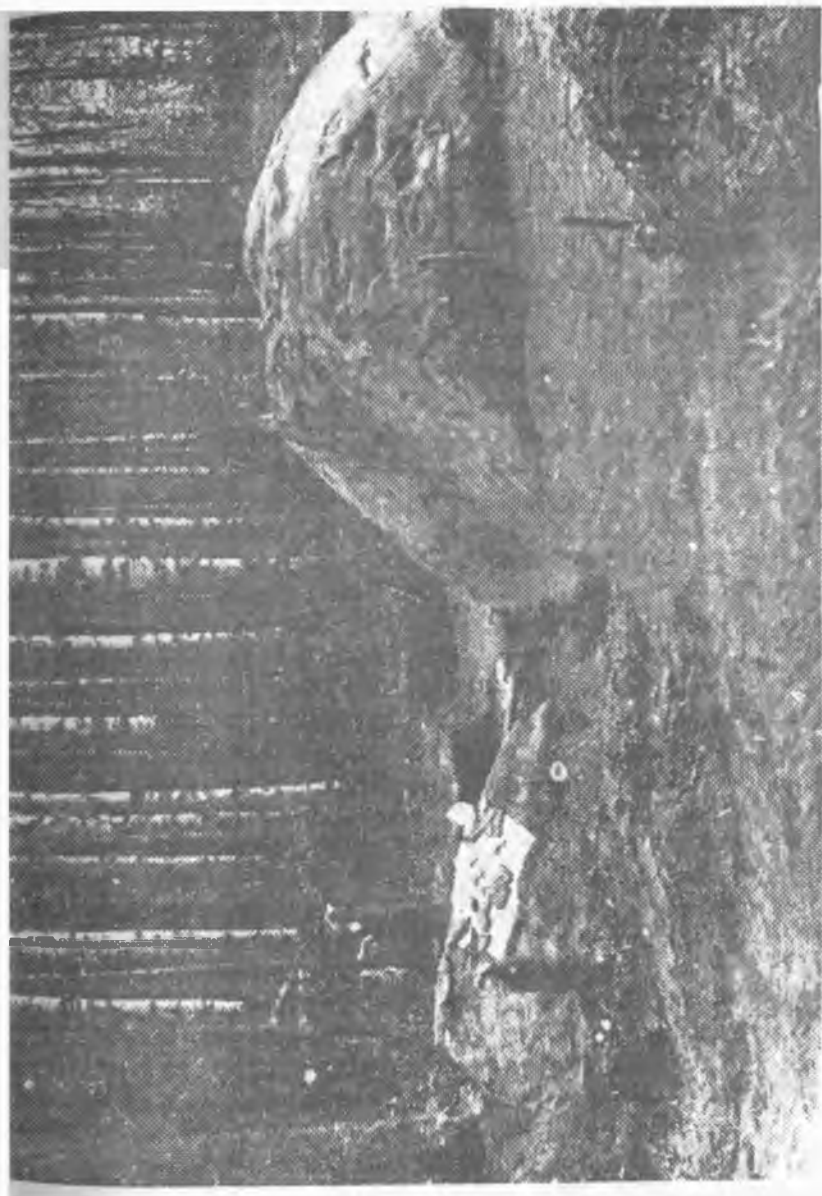

Рис. 6. Вид с севера в момент работы

Рис. 7 Размещение рисунков и надписей Тиуновского святилища

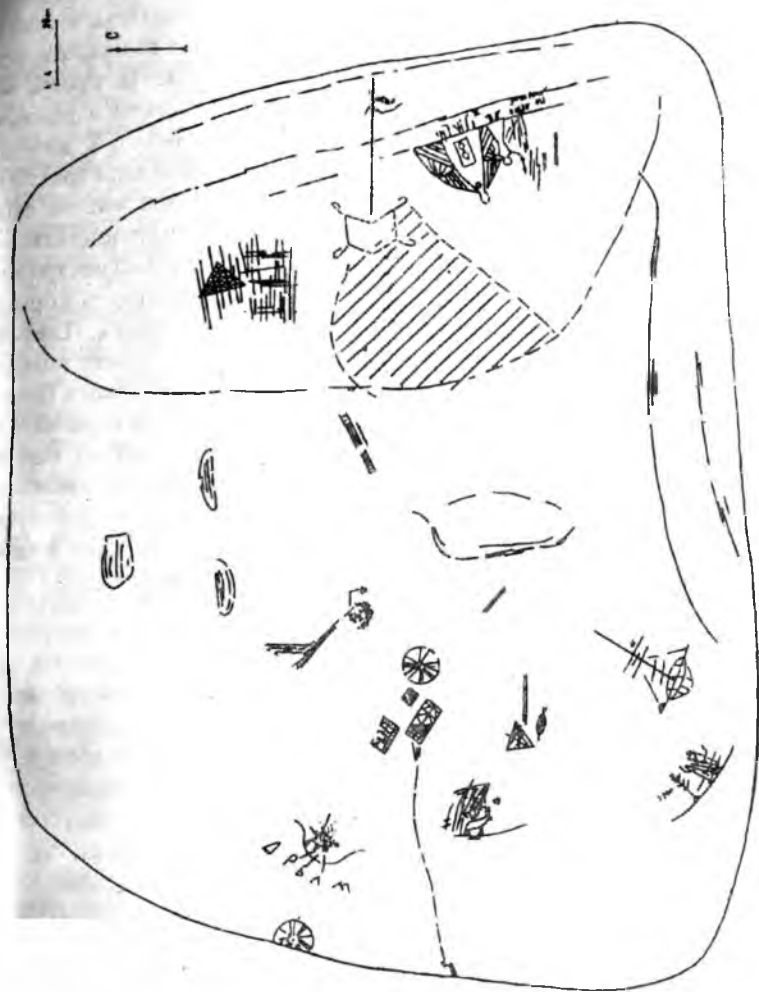

Рис. 8. Размещение языческих рисунков и надписей Тиунов-кого саятилицы.

поверхности земли, ее длина 1,1 м. В средней части плоскости имеется крупный вертикальный рисунок, изображающий стилизованное дерево. Его корни опираются на нижнюю горизонтальную линию. Ствол в виде хорошо прорисованной прямой идет вверх, выше двух верхних горизонтальных линий. Ствол венчает крона в виде шестигранника с крючками на четырех углах. Вершина шестиугольника выпуклая, основание вогнутое. Длина ствола дерева — 96 см, высота кроны — 28 см, ширина — 17,5 см. В нижней части ствола дерева в разные стороны отходят линии, которые можно считать корнями. К югу от корней в одну горизонтальную линию нанесено четыре знака (рис. 9). Каждый знак в отдельности напоминает тамгу, но все вместе они производят впечатление надписи. Длина надписи по горизонтали — около 10 см, высота — 3-3,5 см. Изображение дерева сильно пострадало в древности. К началу работ на святилище сохранились корни, почти весь ствол и отдельные фрагменты изображения кроны. Плитки камня с частями изображения кроны были собраны в грунте вокруг святилища на площади раскопа 60 кв.м. Удалось восстановить большую часть кроны. Не хватает нескольких плиток с частью вершины и низа кроны. В целом изображение дерева реконструируется почти полностью. Не совсем ясна ситуация с вершиной кроны. Возможно, какие-то рисунки были выше изображения дерева на месте довольно значительных утрат плиток поверхности камня. Здесь как раз находится более «рыхлый» его слой, о котором упоминалось выше.

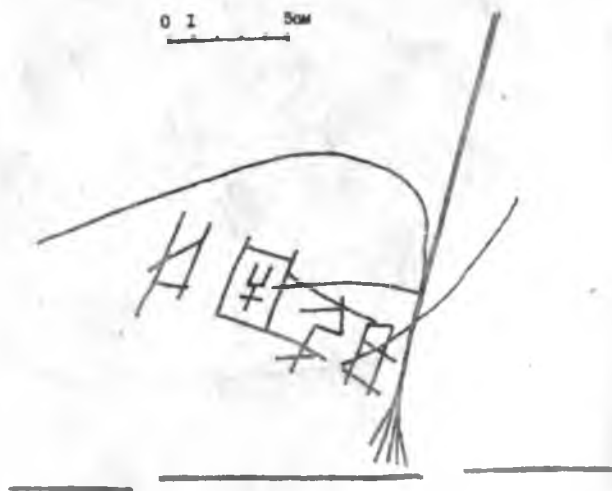

Рис. 9. Надпись в корнях дерева. Прорисовка.

Южнее, рядом со стволом и кроной дерева, имеется сюжетный рисунок и надпись (рис. 10). Сюжетный рисунок состоит из антропоморфной фигуры, наложенной на крупную сложную конструкцию. Антропоморфная фигура имеет голову, туловище, руки и ноги. Голова круглая. Лицо повреждено, на нем слабо угадываются рот, нос и глаза. Туловище состоит из двух равнобедренных трапеций вершинами встык. Прослеживаются покатые плечи. Руки изображены в виде горизонтально лежащей латинской буквы «S»: левая рука — вниз, правая — вверх. Ноги прямые, слегка расставленные, ступни носками врозь. В правой поднятой руке фигура держит ветвь. В верхней части ветви имеется по несколько отростков с каждой стороны. На лице, туловище фигуры, вокруг них и вокруг ветви видны следы точечных ударов. Некоторые удары были сильными — появились выбоины. Туловище фигуры находится выше верхней горизонтальной линии, пересекающей восточную плоскость камня. Ее ноги ниже этой линии, но не достигают второй сверху горизонтальной линии.

Крупная сложная конструкция, изображенная за антропоморфной фигурой и севернее ее, состоит из трех основных частей и более мелких деталей, в совокупности изображающих постройку, жилище, притом жилище не совсем обычное. К центральной конусовидной части с обеих сторон примыкают две симметричные фигуры, каждая из которых состоит из симметричных треугольников. Верхние и нижние треугольники разделены параллельными линиями, а средние — радиальными, исходящими из одного угла. На центральной конусовидной части постройки, имеющей горловину, изображена прямоугольная дверь и небольшое квадратное окно над ней. На двери изображены два вертикально расположенных ромба. Судя по вышесказанным деталям и общему виду постройки, это каркасное, а не срубное жилище. Постройка напоминает юрту или чум. Ее длина по горизонтали — около 40 см, высота с горловиной — 26 см. Постройка, как и антропоморфная фигура, опирается на верхнюю горизонтальную линию. Но ниже ее идут какие-то слабопрорисованные вертикальные и наклонные линии. Постройку венчают главоподобный верх и изображение христианского креста над ним. Можно определенно сказать, что крест появился позднее (о трасологических исследованиях рисунков см. далее). Когда появился главоподобный верх, сказать трудно. Южнее антропоморфного существа, выше верхней горизонтальной линии имеется серия вертикальных и слегка наклонных линий. Среди них выделяется двойная, глубоко прорисованная вертикальная линия длиной 18 см, ориентированная по линии восток-

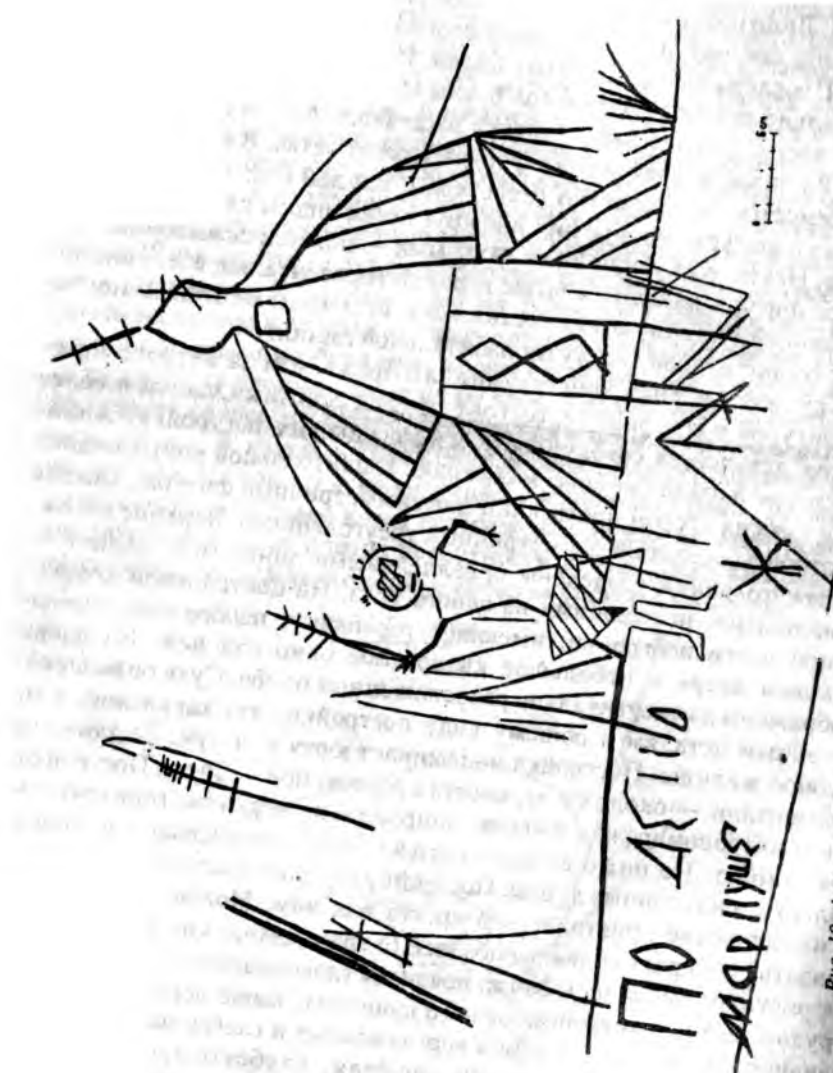

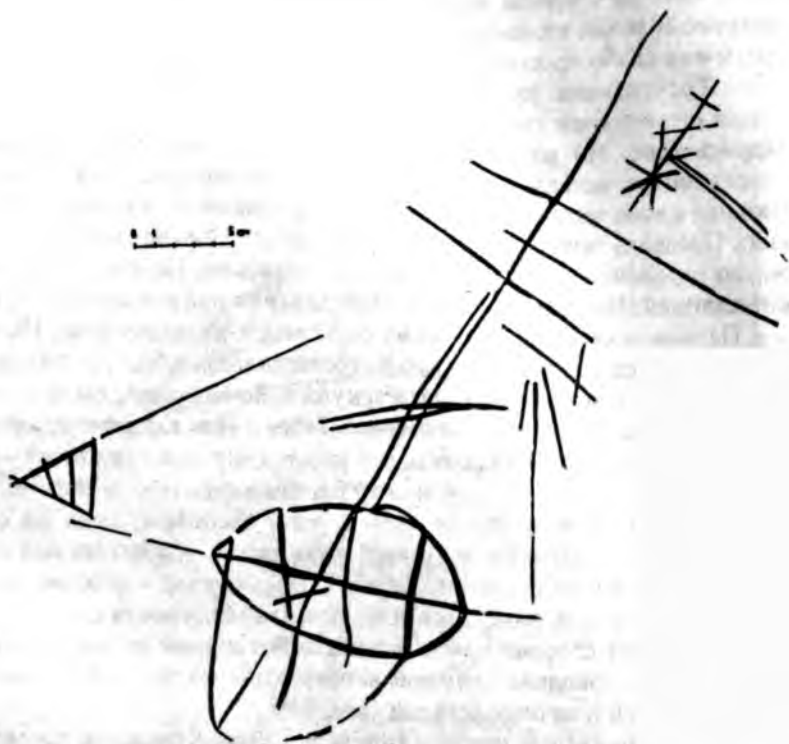
Рис. 10. Антропоморфная фигура, постройка и надписи на восточной стороне камня.

запад. Севернее кроны дерева на значительном участке плоскости нанесено большое количество вертикальных и горизонтальных линий. Среди них слабо просматривается большой треугольник одним углом вниз. Треугольник расчерчен внутри пересекающимися прямыми. Длина его верхней стороны — 15, а боковых — 13 и 12 см. Вторая надпись (рис. 10) расположена южнее антропоморфной фигуры на пространстве между двумя верхними горизонтальными линиями. Нижнее слово частично наложено на среднюю горизонтальную линию. Площадь поверхности камня, которую занимает надпись 18 и 9 см, по горизонтали и вертикали соответственно. Надпись выполнена кириллицей. На разных этапах исследования она читалась по-разному. Первоначально ее прочтение было «поде ко маркуше»². Но в результате более тщательного рассмотрения надписи был принят другой вариант прочтения — «деко по маркуше». Во внимание было принято расстояние между слогами «по» и «де», «де» и «ко» как по горизонтали, так и по вертикали. Оказалось, что расстояние между слогами «по» и «де» в два раза больше, чем между слогами «де» и «ко». Кроме того, слог «по» ниже двух слогов «де» и «ко», расположенных на одной линии, на 1/3 высоты букв. Поверхность камня между слогами «по» и «де» ровная, ничто не мешало писать здесь буквы, напротив, между слогами «де» и «ко» находится естественная неровность камня.

На южной стороне камня в западной верхней ее части имеется изображение довольно сложной конструкции, состоящей из двух основных частей и многих деталей (рис. 11).

Это, скорее всего, мачта и корпус корабля. Художник постарался изобразить набор судна и мачту в ее оснастке. В верхней части мачты с восточной стороны есть какое-то неясное изображение. Кроме того, возможно, позднее, рисунок пытались «крестить» и переделать мачту в христианский крест. Высота всего изображения — 43 см, максимальная ширина — 30 см.

На южной стороне камня, еще ближе к юго-западному углу, чем изображение корабля, немного ниже его, имеется сюжетный рисунок и надпись (рис. 12). Глубокой горизонтальной линией изображена, вероятно, поверхность земли. На ней расположена антропоморфная фигура с хорошо прорисованной головой, туловищем и руками. Голова треугольная, одним из углов вниз. Достаточно хорошо видны глаза, треугольный нос, рот и уши. Голову венчает веточка с несколькими отростками с каждой стороны. Руки у антропоморфной фигуры согнуты в локтях и подняты вверх (поза оранты). На месте кистей скол камня. Правос предплечье подчеркнуто одной горизонтальной и дру-

Рис. 11. Корабль. Прорисовка.

гой наклонной линиями, что можно объяснить попыткой «крещения» сюжета. Туловище имеет покатые плечи, прямые бока и неотчетливо оформленную нижнюю часть. Также неотчетливо переданы и ноги. Антропоморфную фигуру сверху вниз пересекает серия наклонных слабопрорисованных линий. Есть несколько подобных линий, идущих слева направо. Кроме того, эту фигуру художник изобразил стоящей перед высоким растением, в верхней части которого можно различить с обеих сторон отростки. Позднее растение было переделано в христианский крест на Голгофе. В пользу того, что растение с самого начала входило в композицию сюжета, может свидетельствовать и то обстоятельство, что оно опирается на линию, изображающую землю, и что эта линия проведена еще дальше к северу. Над окончанием линии рядом с вершиной растения имеется надпись из четырех букв, выполненных кириллицей (рис. 12). Первые две буквы читаются хорошо. Это «к» и «р». Третья буква читается менее отчетливо. Возможны

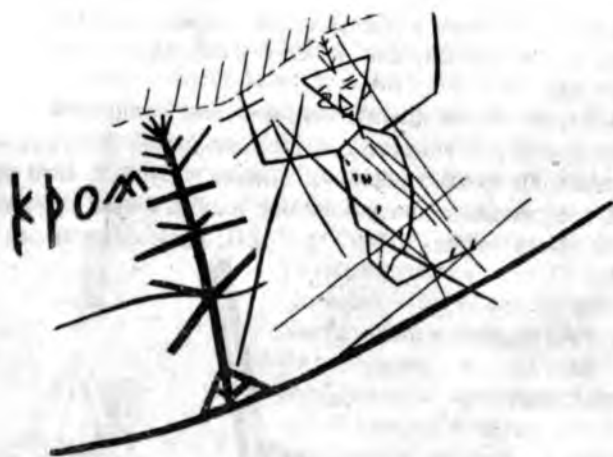

Рис. 12. Антропоморфная фигура на южной стороне камня. Прорисовка.

варианты прочтения: «о», «с», «е». Наиболее вероятный вариант — буква «о». Последняя буква читается особенно плохо. Возможные варианты прочтения: «м», «л», «я». Прочтение последней буквы осложняется наличием подстилающего букву неясного изображения. Возможные варианты прочтения всего слова: «кром», «крол», «крел», «крся». На антропоморфной фигуре видны следы ударов острым, твердым предметом. На юго-западном углу камня, чуть ниже уровня дневной поверхности, в отпечатавшемся слое угля, идущем вокруг камня, имеется несложное изображение. Похоже, что изображен глаз (рис. 13). В качестве зрачка использовано хорошо подходящее для

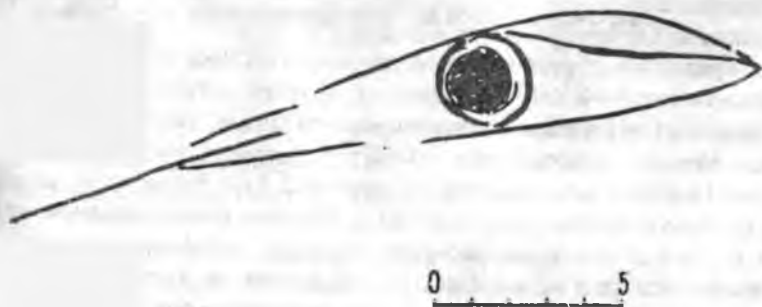

Рис. 13. Подземный глаз. Прорисовка

этой роли естественное образование камня, веки прорисованы. Диаметр зрачка — 2,5 см, длина всего изображения по горизонтали — около 20 см.

В верхней части камня, над его юго-западным углом, выше и севернее корабля и сюжета с антропоморфной фигурой и растением, есть несколько близко расположенных рисунков. Это орнаментированный треугольник, фитоморфное изображение и двойная глубоко прорисованная прямая линия (рис. 14). Равнобедренный треугольник

Рис. 14. Рисунки в верхней юго-западной части камня.

направлен вершиной на вершину камня. Длина его сторон — 12,5 см, основание — 8 см. Треугольник покрыт сложным геометрическим орнаментом, трудно поддающимся описанию. В нескольких сантиметрах южнее треугольника находится фитоморфное изображение длиной 11,5 см и максимальной шириной 2,5 см. Возможны два варианта трактовки: колос и лист растения. Вариант колоса предпочтительнее, т.к. листья наиболее распространенных растений наших широт не имеют усиков в верхней части, что, напротив, весьма характерно для колосьев. Между двумя последними рисунками и немного восточнее их находится двойная, глубоко прорисованная прямая линия длиной 16 см. Она ориентирована по линии запад-восток, угол ее наклона от

восточного горизонта — 19-20 град. На пространстве вокруг трех вышеописанных рисунков нанесено несколько христианских крестов. Кроме двух двойных глубоко прорисованных линий есть и третья, которая находится восточнее и немного севернее второй, еще выше по камню. Здесь она ориентирована с северо-запада на юго-восток (рис. 15) Длина третьей линии — 13 см.

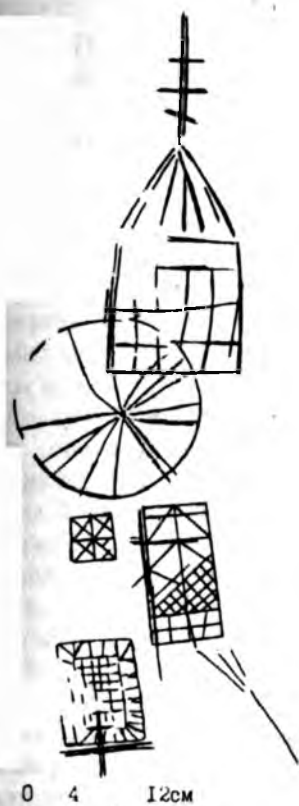

Рис. 15. Рисунки в верхней части западной стороны камня.
Прорисовка.

Трактовка двойных глубоко прорисованных линий будет дана ниже.

В центральной части западной стороны, ниже круга-солнца, в непосредственной близости от него имеется комплекс из трех орнаментированных прямоугольников. Два прямоугольника (большой и меньший) выполнены в одном стиле орнамента и исполнения рисунка.

Угол ее наклона от юго-восточного горизонта — 15 градусов. Поперек прорисованы две горизонтальные и одна наклонная линии, что в целом дает изображение христианского креста. Из нижней части креста прорисовано шесть радиально расходящихся веером лучей. Лучи опираются на небрежно прорисованный квадрат, внутри орнаментированный прямоугольниками. Сам квадрат наложен на изображение круга с радиальными лучами, исходящими из центра. Диаметр круга — около 17 см. Число лучей подсчету поддается плохо. Интерпретация этого комплекса рисунков представляет определенную трудность. Первоначальными надо считать изображение круга и двойной прямой линии. Затем были нанесены квадрат, веер и перекладины двойной линии. Автор поздних рисунков стремился, вероятно, создать образ шатровой церкви. Круг с радиальными лучами надо считать изображением солнца.

Третий от них по этим параметрам заметно отличается (рис. 15). Размеры первого прямоугольника — 13х6 см, второго — 4,5х3,5 см, третьего — 11х8,5 см. Все три прямоугольника длинными осями ориентированы с северо-запада на юго-восток, в том же направлении, что и третья, и двойная линия. Из-за рельефа камня имеются отклонения от общего направления, но незначительные. Вокруг прямоугольников нанесено несколько христианских крестов. Один из них частично перекрывает третий прямоугольник.

Еще один сюжетный рисунок находится на западной стороне камня. Он расположен в центральной ее части с незначительным смещением к югу. Здесь, как и в сюжете на юго-западном углу камня, глубокой линией изображена, вероятно, поверхность земли (рис. 16).

Рис. 16. Антропо- и зооморфные фигуры на западной стороне камня.

На этой линии стоит зооморфная фигура, предположительно, олень или лось. Ее размеры по горизонтали — до 10 см, по вертикали — до 12 см. Хорошо видны ноги, туловище, шея, несколько хуже — морда и рога. На двух вертикальных веточках рогов просматривается по несколько отростков с каждой стороны. На спине животного изображено антропоморфное существо. Его размеры по горизонтали — до 6

см, по вертикали — до 7,5 см. Тщательно прорисованы голова, туловище, две толстые, суживающиеся книзу ноги. Суля по контуру фигуры, художник, вероятно, пытался передать своеобразие костюма. Нижняя часть ног не совсем ясна, похоже, что автор рисунка пытался отобразить двух- или трехпалость этого существа. На круглом, суживающемся к подбородку лице отчетливо прорисованы прямыми линиями нос и рот, а глаза просверлены. Левая рука существа направлена к рогам оленя, а в правой оно держит какие-то предметы, трактовка которых затруднена. Это вызвано тем, что они довольно мелкие, а изобразить их надо было на твердом камне. Более всего один из предметов похож на колчан со стрелами. В верхней его части угадываются пять мелких черточек, вероятно, это стрелы. Общая длина предмета — до 2,5 см, ширина — до 0,8 см. При переходе от руки к колчану какая-то неясная деталь, возможно, это двупалая кисть. Над колчаном изображен второй предмет. Вероятно, это лук. Прослеживается дуга лука и его тетива. Длина лука — до 6 см, ширина — до 1 см. Перед и над рогами оленя, повернутого головой на юг, имеется скопление перекрещивающихся линий. Трактовать это скопление затруднительно. Над описанным сюжетом, на высоте 22-23 см от линии, изображающей землю, находится точка, из которой вниз веером расходятся линии-лучи. Их около десятка. Часть накладывается друг на друга, часть короче других. Эти линии-лучи упираются в антропоморфную фигуру оленя и линию земли. Ниже они не идут. Вероятно, это свет звезды. В трех местах лучи перечеркнуты двойными горизонтальными и слегка наклонными линиями. Они отличаются от лучей более глубокой прорезкой. На сюжете, особенно вокруг антропоморфной фигуры, видны следы множества ударов острым, твердым предметом. Отдельные удары были нанесены по самой фигуре и оленю.

Ниже описанного сюжета, почти на уровне земли, начинается и уходит под землю изображение лестницы. Лестница имеет две боковины и перекладины (рис. 17). Похоже, что она состоит из двух частей, как бы разорвана. Обе части имеют наклон к северу от вертикали 30-35 градусов. Общая длина лестницы — 35 см, ширина — 1-2 см, промежуток между частями — 7 см, длина нижней части — 22 см. Можно предположить, что художник хотел передать образ веревочной разорванной лестницы. От верхней части и лестницы вверх по камню идет слегка извилистая, прерывающаяся из-за рельефа камня слабопрорисованная линия. Она доходит до низа одного из прямоугольников с геометрическим орнаментом.

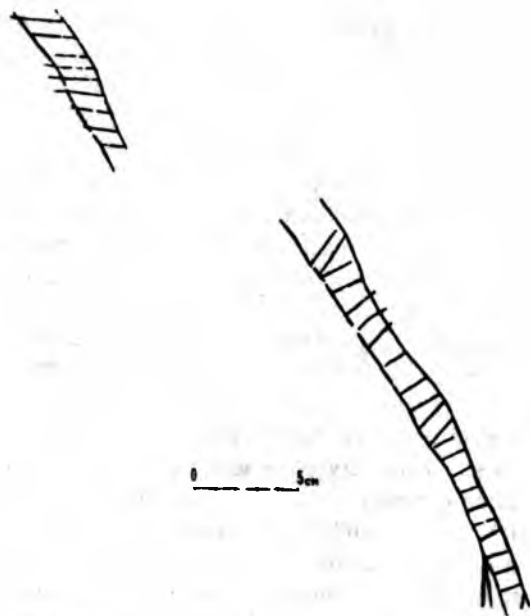

Рис. 17. Лестница под землю. Прорисовка.

На западной стороне камня, немного севернее его середины, почти на уровне поверхности земли имеется изображение круга с радиальными лучами, исходящими из центра (рис. 18). Диаметр круга — около 13 см. Скорее всего круг на уровне земли — изображение еще одного солнца, солнца на закате.

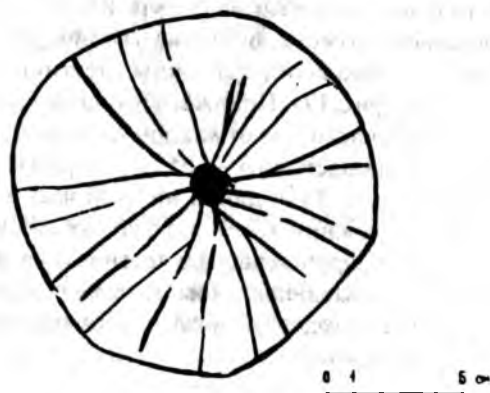

Рис. 18. Солнце на закате. Прорисовка.

На западной стороне камня, несколько выше круга, находится второй сюжетный рисунок и надпись (рис. 19). Этот участок камня

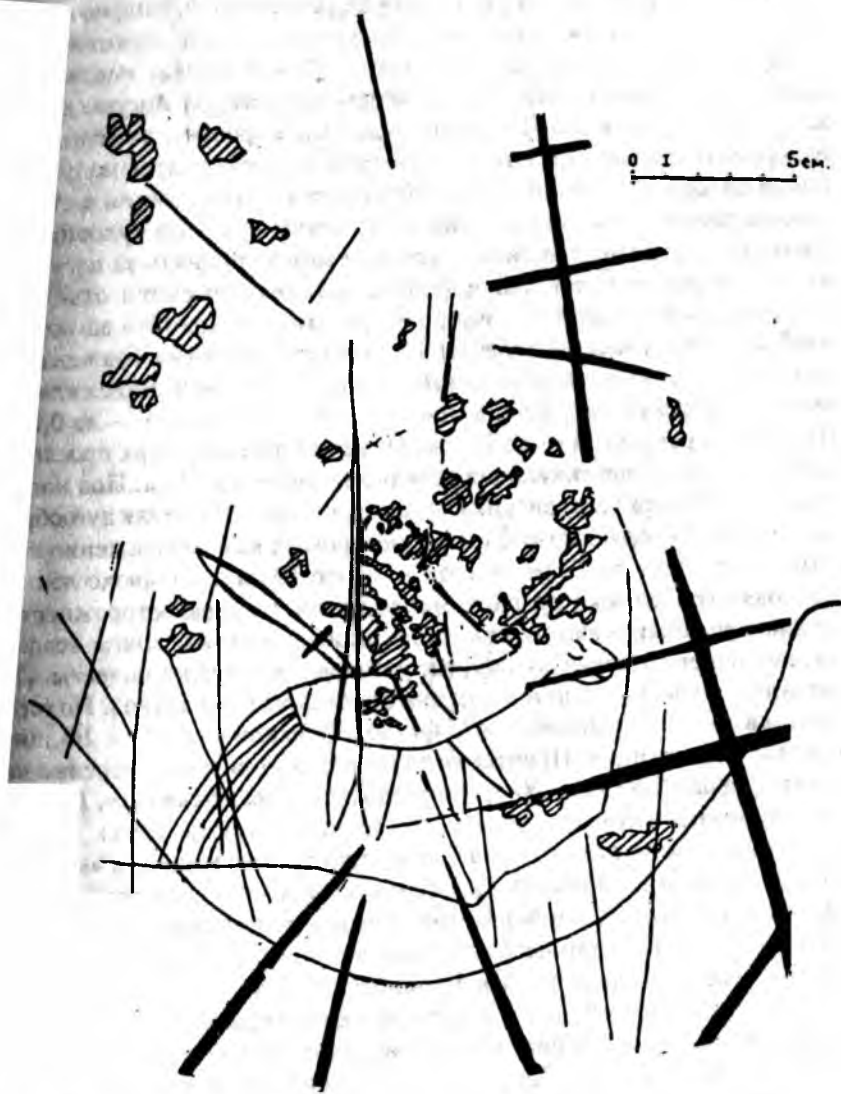
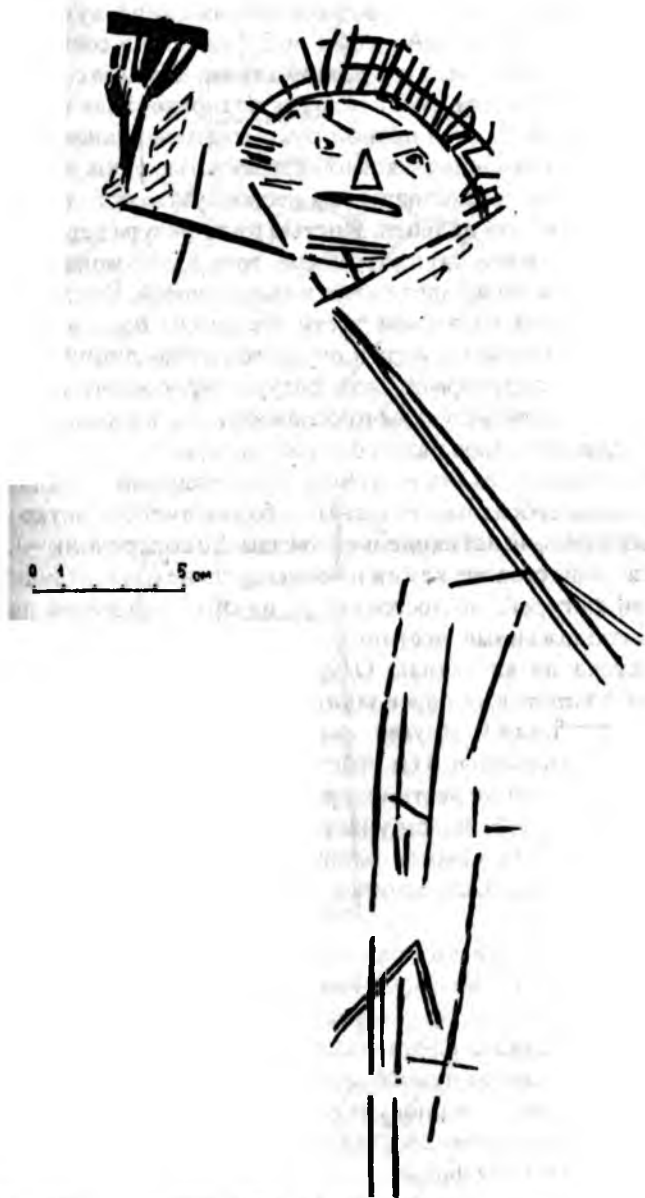

Рис. 19. Второй сюжетный рисунок на западной стороне камня.
Прорисовка.

несет особенно многочисленные следы ударов. Наибольшая их концентрация приходится на сюжетный рисунок, что сильно затрудняет его понимание. Угадывается туловище зооморфной фигуры, ее ноги, хвост, шея, частично голова. Туловище выполнено примерно в том же стиле, что и туловище оленя, но у фигуры массивные, суживающиеся книзу ноги и пышный длинный хвост. Шея длинная, массивная. В целом создается образ лошади. Размеры зооморфной фигуры по горизонтали — до 16 см, по вертикали — до 6 см. Вероятно, на лошади был изображен всадник. Но на его месте от множества ударов получилась почти сплошная выбоина. Просматривается прямая линия в сторону головы лошади, что можно принять за левую руку. На туловище лошади просматриваются линии, которые можно принять за ногу всадника. На месте туловища и головы всадника имеются отдельные сохранившиеся участки линий, которые можно принять за остатки изображения туловища и головы. Над крупом лошади изображен предмет. Довольно уверенно его можно трактовать как меч. Виден клинок, рукоять, перекрестие. Длина меча — до 6,5 см, ширина — до 0,8 см. Ширина перекрестия — до 1,3 см. От крупа лошади вверх прослеживается какая-то вертикальная деталь длиной — до 12 см. Под ногами лошади и с боков всего рисунка просматривается сплошная дугообразная линия, которую можно интерпретировать как изображение ямы. Ширина дуги — до 27 см, высота — около 10 см. Под брюхо лошади подходят три глубоко прорисованные линии. Со всюю осторожностью можно предложить вариант интерпретации сюжета как воина-всадника, попавшего в яму-ловушку, где установлено оружие-подрезы. Под сюжетом по вогнутой дуге нанесена надпись из пяти знаков. По горизонтали надпись занимает до 35 см, по вертикали — до 9 см. Надпись сделана кириллицей. Прочтение затруднено. Довольно уверенно читается первая буква «о». Уверенно читается вторая буква «р». Довольно уверенно читается третья буква «ь» (мягкий знак). Менее уверенно — четвертая и пятая буквы, трактуемые как «я» и «м». Возможны различные попытки прочтения, смысл в которых отсутствует. Мне представляется наиболее уверенным вариант прочтения надписи — «орьям». По надписи было нанесено много ударов острым предметом. Имеются следы ударов шириною до 0,7 см.

На северной стороне камня, близко к его вершине и значительно выше остальных антропоморфных рисунков, имеется самая крупная подобная фигура (рис. 20). У нее хорошо просматривается голова в пышном солнцеобразном головном уборе, правая рука и прямые ломаные линии вместо туловища. На лице видны глаза, брови, треугольный

*Рис. 20. Антропоморфная фигура на северной стороне камня.
Прорисовка.*

нос, рот. Венчающий голову убор состоит из линий-лучей. Их около трех десятков. Длина лучей — от 1 до 2,5 см. Лучи соединены тремя (одна над другой) дугами. Дуги разной длины. Нижняя самая длинная. В целом голова с убором имеет ширину по горизонтали около 10 см, высоту — до 8 см. Плечо правой руки горизонтальное, предплечье вертикальное. Предплечье заканчивается кистью руки, изображенной прямыми линиями, расходящимися веером. Кажется, художник пытался изобразить пять пальцев. Кистью руки фигура держит какой-то предмет, скорее всего двухлезвийный топор или молот. От головы фигуры на северо-запад идет пучок прямых линий. Его длина — до 16 см. От этого пучка на второй трети его длины под другим углом с большим отклонением к северу идет другой пучок линий. Их длина — до 22 см. Вокруг антропоморфной фигуры видно много следов точечных ударов. Отдельные удары прослеживаются на лице. Выделяется скопление следов ударов рядом с рукой фигуры.

В 15 см западнее от стыка пучков прямых линий антропоморфной фигуры с солнцеобразным головным убором имеется четко прорисованное изображение пятиконечной звезды. Ее поперечник — до 5,5 см.

На северной стороне камня на одном уровне с предыдущей антропоморфной фигурой, но восточнее ее изображены рядом две параллельно расположенные лестницы (рис. 21). Они ориентированы с северо-востока на юго-запад. Одна из них короткая (около 10 см) одинарная, с короткими перекладинами. Длина перекладин — от 1 до 2 см. Их число 8 или 9. Другая лестница имеет две боковины длиной до 35 см и шириной около 4 см. Число прослеживаемых перекладин — 12. В верхней половине лестницы рельеф камня неудобен для рисования. Оно здесь на небольшом участке теряется. В нижней части лестницы имеется скол камня, изображение здесь также теряется. Возможно, лестница была длиннее. На обеих лестницах имеются следы точечных ударов.

Кроме описанных выше рисунков, имеются и другие. Часть из них прорисована очень слабо и графическому копированию почти не поддается. Так на северной стороне камня при особом угле падения солнечных лучей удалось сфотографировать изображение, по многим деталям напоминающее чумообразное жилище. Четкую графическую копию этого рисунка пока получить не удалось. Уже в годы работы на святилище на камне появилось два грубых изображения христианских крестов и неприличная фраза.

Кроме работ, связанных с графо- фотофиксацией рисунков, на святилище проведены раскопочные работы, трасологические исследо-

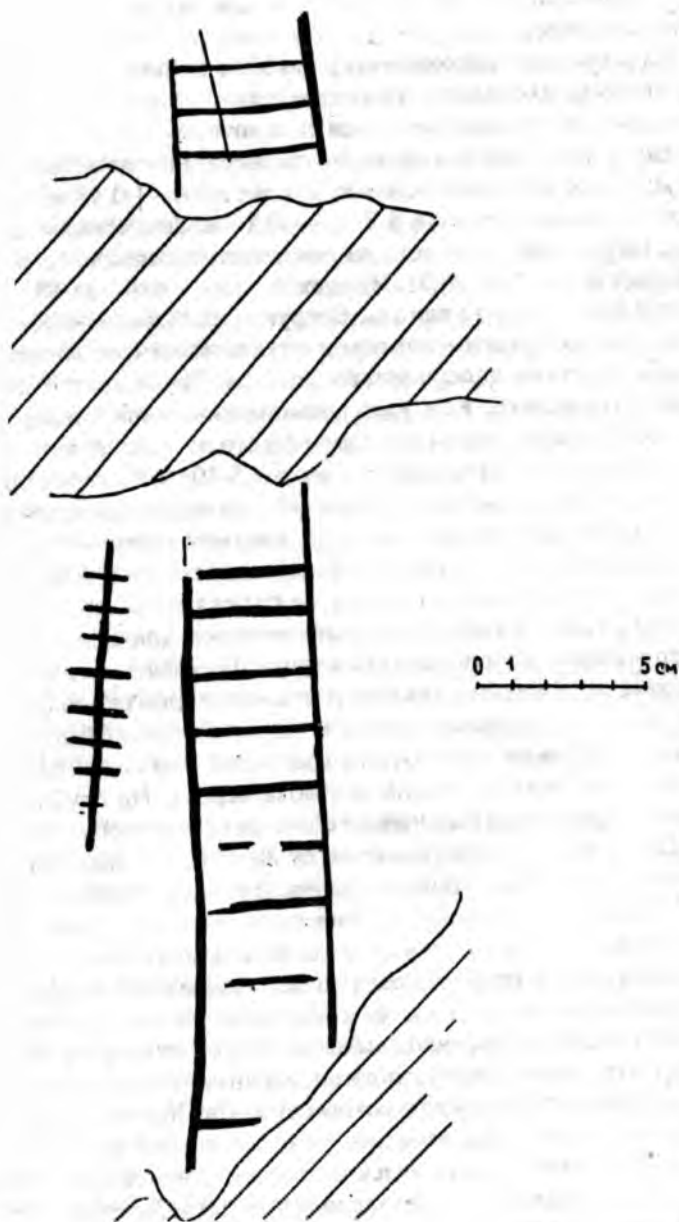

Рис. 21. Лестницы в верхней северо-восточной части камня.

вания, изыскания в области астрономии, мифологии, лингвистики, былинного эпоса.

На святилище раскопом вскрыто 60 кв.м (рис. 3). Большой камень с рисунками находился в его центре, плита у восточного края раскопа. Поскольку святилище находится на склоне, перепад высоты от северо-западного угла раскопа до юго-западного, находящегося в 8 м, был 0,15 м; до юго-восточного, находящегося в 9 м, — 0,98 м; до северо-восточного, находящегося в 8,3 м, — 0,84 м. Под тонким слоем мха и дерна (несколько сантиметров) повсеместно выявился серый гумусированный песок (рис. 4, 5). Мощность слоя — от 10 до 40 см. Похоже, что этот слой когда-то пахали. Вокруг камней и особенно между плитой и куполообразным камнем в грунте встречено много мелких и средних угольков поперечником до 4 см. Грунт вокруг камней был сильно утрамбован. Как уже упоминалось выше, между плитой и куполообразным камнем под слоем серого песка с углями — особенно им насыщенный слой грунта мощностью 5-10 см. Материк представлен желтой супесью. С западной стороны большого камня выявилась линза белого песка. Ее поперечник — до 2 м, мощность — 0,1-0,14 м. На линзе было встречено много углей и кусочки обожженной глины. Можно утверждать, что на этом месте не раз разжигались костры. Вокруг куполообразного камня прослеживается перекоп шириной до 0,5 м, интерпретация которого давалась выше. На камне чуть ниже дневной поверхности сплошным темным поясом шириной около 20 см отпечатался слой угля, вьезшегося в поры камня. В раскопе были собраны 23 плитки — обломки поверхности восточной плоскости камня с фрагментами изображения кроны и ствола дерева. На глубине 18 см от дневной поверхности был найден обломок сланцевого точильного бруска. Шесть камней поперечником от 20 до 55 см, найденных в слое, вероятно, случайного происхождения. Других находок нет.

В 1990 году проведены трасологические исследования Туиновского святилища. В них приняли участие кандидат исторических наук Н. Н. Скакун и автор. Поскольку на святилище имеются разновременные повреждения и часть изображений налагается на другие, изучение техники нанесения рисунков вызывает большие затруднения. Тем не менее, тщательный осмотр с помощью лупы с четырехкратным увеличением позволяет говорить о разных способах их нанесения.

Прежде всего надо отметить, что нет следов работы каменным резцом. В основном применялся металлический, скорее всего железный резец, оставляющий процарапанный след. Другая часть изображений сделана путем резания с помощью железного инструмента с

твердым, хорошо закаленным лезвием. Инструмент оставлял четкие, глубокие линии. Иногда две линии процарапывались или прорезались рядом, параллельно, а пространство между ними выбиралось. Незначительная часть рисунков выполнена ударной техникой. Скорее всего для этого применялся острый твердый камень. После него оставались мелкие и более крупные ячейки. Единично отмечено применение сверления, а также протирание камня в глубину.

В технике процарапывания выполнены все три длинные горизонтальные линии на восточной стороне камня, дерево, надпись в его корнях, солнце в верхней части камня и солнце на уровне земли, лестницы в небо и лестница под землю, один из прямоугольников с геометрическим орнаментом, корабль. В той же технике процарапывания выполнены и все антропоморфные фигуры с сюжетами, им сопутствующими. В технике изображения антропоморфных фигур есть усложняющие элементы. У фигуры с ветвью в руке заметно выделены многократным процарапыванием ноги. Нижняя из двух трапеций, составляющих туловище, протерта в глубину до двух миллиметров. Необходимо также отметить, что изображение этой фигуры наложено на изображение жилища. Глаза антропоморфной фигуры на олене просверлены. Остается предположить, что этим частям тела антропоморфной фигуры с ветвью в руке и органам зрения фигуры на олене придавалось особое значение. Многократным процарапыванием выполнены двойные, параллельные, глубоко прорисованные в камне линии. В технике процарапывания выполнено большинство букв надписей.

В технике резания выполнены почти все христианские кресты и изображение шатровой церкви. Но в двух случаях эта техника применена и в отношении языческих сюжетов. В сюжете с фигурой на олене на линиях, изображающих свет звезды, есть три короткие двойные резанные линии. Этот случай пока труднообъясним. Применена техника резания и для изображения двух прямоугольников и треугольника с геометрическим орнаментом внутри них. В той же технике изображен колос и пятиконечная звезда. Возможно, это последние из рисунков, связанных с язычеством, когда их вырезали уже твердым, закаленным резцом. Время появления пятиконечной звезды неясно.

В ударной технике выполнены два христианских креста, появившиеся здесь в последние годы.

Таким образом, характер техники нанесения изображений позволяет предполагать, что рисунки, сделанные процарапыванием, наиболее древние, так как они наименее четкие, хуже сохранились (орудие,

с помощью которого они наносились, не имело достаточно твердого лезвия), и, что особенно важно, именно на них накладываются изображения, выполненные в технике резания и ударной техники. Время появления рисунков, связанных с язычеством, на основе трасологических исследований назвать трудно. По крайней мере рисунки были созданы не в каменном веке и даже не в эпоху бронзы.

В процессе работы с материалами Тиуновского святилища было обращено внимание на то, что на нем имеются три двойные, глубоко прорезанные линии. Их длина — от 13 до 18 см. Условно они были названы «визирами». Первый визир находится в восточной части камня южнее антропоморфной фигуры с ветвью в руке. Он ориентирован по линии восток-запад и имеет угол наклона от западного горизонта 51-53 градуса. Также ориентирован ствол дерева, и он имеет тот же угол наклона. Второй визир находится в западной части камня, около изображения колоса и орнаментированного треугольника. Он ориентирован по линии запад-восток. Угол его наклона от восточного горизонта — 19-20 градусов. Третий визир находится в верхней части камня, неподалеку от изображения солнца. Он ориентирован с северо-запада на юго-восток с отклонением от юга и востока по 45 градусов. Угол его наклона от юго-восточного горизонта — 15 градусов. Так же ориентированы три геометрически орнаментированных прямоугольника. Можно предположить, что для создателей святилища эти два направления (восток-запад, северо-запад — юго-восток) были наиболее важными. Через все три визира можно наблюдать небо и звезды на нем. И хотя два из них имеют небольшой угол наклона (15 и 19-20 градусов), но в этих направлениях имеется значительный склон возвышенности, на которой находится святилище. Наблюдение за звездами в этих направлениях и под этими углами возможно. Чтобы проверить предположение о возможности использования святилища как обсерватории, вышеуказанные данные были предложены доктору физических наук В. П. Томанову, специалисту по астрономии (Вологодский пединститут): Ему было предложено проверить, можно ли наблюдать через эти визиры какие-либо звезды в ночи зимнего и летнего солнцестояния, а также в ночи весеннего и осеннего равноденствия, и если можно, то за какими звездами и в какие часы. Вот результаты его изысканий. В зимнее солнцестояние (22 декабря) через первый визир в 24 часа можно наблюдать звезду 2, 1 звездной величины Гамма Андромеда (Аламак). Угол ее наклона в это время — 50 градусов. Погрешность — 1 градус. Через второй визир в то же время можно наблюдать звезду 2, 1 звездной величины Бета Льва (Денебо-

ла). Погрешность — нуль. Через третий визир в то же время — звезду 2 звездной величины Альфа Гидры (Альфард). Угол наклона — 16 градусов. Погрешность — 1 градус.

В летнее солнцестояние (22 июня) в самое темное время ночи (в 1 час 10 минут) через второй визир можно наблюдать звезду 2, 5 звездной величины Альфа Пегаса (Маркаб). Погрешность — нуль.

В весеннее равноденствие (21 марта) в 24 часа через второй визир можно наблюдать звезду 2, 1 звездной величины Альфа Змееносца (Рас Альхаг). Погрешность — нуль. Через третий визир в это же время можно наблюдать звезду 2 звездной величины Альфа Гидры (Альфард). Угол наклона — 16 градусов. Погрешность — 1 градус.

В осеннее равноденствие (23 сентября) в 2 часа ночи через третий визир можно наблюдать звезду 0,15 звездной величины Бета Ориона (Ригель). Погрешность — нуль. В 23 часа через второй визир наблюдается звезда 0,85 звездной величины Альфа Тельца (Альдебаран). Угол наклона — 22 градуса. Погрешность — 2 градуса.

Есть возможность наблюдать определенные звезды в зимнее, летнее солнцестояние, весеннее и осеннее равноденствие и в другие часы темного времени суток.

Можно предположить, что Тиуновское святилище использовалось как обсерватория. Необходимость в астрономических наблюдениях могла усилиться в связи с переходом от так называемого «малого климатического оптимума» (VIII-XIII вв.) к «малому ледниковому периоду», который начинается, по мнению историков климата, на рубеже XIII-XIV вв.)³ и при некоторой специфике регионов прослеживается по всей Европе до середины XIX в. Ухудшение климата наступало постепенно. В XII в. число необычных метеорологических явлений возрастает по сравнению с XI в. в шесть раз. Но в целом климатические условия благоприятны⁴. В XIII в. климатические и метеоусловия продолжают ухудшаться. Особенно велики перепады от засух к наводнениям⁵. На 1281, 1283, 1284 гг. приходится очень сильные зимние холода. В 1322 г. зимой заморозило не только Балтийское, но и Адриатическое море⁶. Первая половина XIV в. отмечена обилием дождей и возвратом холодов, вторая и третьи четверти — засухами. Сильные морозы, холодные осени и поздние весны начинаются в последней четверти XIV вв. В 1378 г. вымерзли болота, реки и озера. Особенно жестокие зимы наблюдались в 1390-1391, 1393 гг.⁷. Изменения климата требовали астрономических наблюдений для упорядочения сроков годового цикла хозяйственных работ. Кроме того, они требовали каких-то ответных действий для того, чтобы вернуть преж-

ний нормальный порядок. По материалам Тиуновского святилища можно сделать предположение, что предпринимались попытки нагреть остывающую Вселенную путем нагревания большого камня с его изображениями ритуальными кострами. Дж. Фрезер фиксировал близкие по смыслу ритуалы у многих языческих этносов мира и называл их симпатической магией⁸. От огня костров, горевших на алтарной плите святилища, нагревалась поверхность восточной плоскости большого камня, а при остывании трескалась. В трещины попадала вода осенних дождей, и при замерзании откалывались плитки поверхности с частями изображения Мирового дерева. Сыграла свою отрицательную роль и «рыхлая» структура центральной части восточной плоскости. Надпись «деко по маркуше», вероятно, объясняет результат этого деструктивного процесса. В вологодском, архангельском и некоторых других говорах слово «дековаться» означает совершать колдовские, издевательские действия, направленные на уничтожение объекта. Маркуша в «Авесте» — персонификация сил зла, холода и разрушений.

Из-за отсутствия датирующих вещественных находок особое значение для определения времени функционирования святилища приобретают данные палеографии. Наиболее ранней из надписей, выполненных кириллицей, надо считать надпись «орьям». Академик В. Л. Янин датирует ее концом XIII-XV вв.⁹, доктор филологических наук А. А. Амосов — второй-четвертой четвертью XV вв. Надпись «кром» А. А. Амосов датирует серединой XV в. Надпись «деко по маркуше» В. Л. Янин датирует XIV-XVI вв., А. А. Амосов — серединой — второй половиной XV вв., кандидат исторических наук А. А. Медынцева — XV — XVI вв. Эта надпись святилища наиболее поздняя, что и соответствует ее роли своеобразной эпитафии всему святилищу. Связь между надписями «орьям» и «кром» с сюжетами, им сопутствующими, признают все специалисты. Связь между надписью «деко по маркуше» и причинами разрушения восточной плоскости основного камня предполагается автором. В целом данные палеографии дают основание считать, что святилище функционировало в XIV-XVI вв., притом XV в. определяется наиболее уверенно. Конечно, нельзя полностью исключать вероятность появления каких-то рисунков несколько ранее того, как появились надписи.

В связи с датировкой надписи «деко по маркуше» необходимо привести мнение историка языка, доктора филологических наук Г. В. Судакова, подтверждающие правильность этого варианта прочтения. Он считает, что в XV-XVI вв. в русском языке был более

потребителен местный, а не предложный падсж. Тогда написали бы «поде маркуше», а не «поде ко маркуше».

Вполне уверенно можно назвать рассмотренный выше объект у д. Тиуновской языческим святилищем. Первоначальный его облик, вероятно, несколько отличался от современного. Не все сохранилось до нас. В наше время святилище состоит из двух частей: основная — камень с рисунками и алтарная плита. Расположение камней, каждый рисунок святилища имеют свой смысл, также имеет свой смысл взаимное расположение рисунков на камне. На четырехугольном, куполообразном камне отображено языческое понимание мира: его трехъярусное вертикальное строение, Мировое дерево¹⁰, солнце в зените и солнце на закате. Кроме того, имеется лестница на небо, лестница под землю, вход и окно на небо, небесный корабль и пантеон богов с сюжетами, им сопутствующими. В конфигурации камня (план, близкий к квадрату, вписанный в него купол), в ориентированности его по сторонам света, в размещении богов по кругу реализуется принцип мандалы¹¹. В центре мандалы на куполе камня святилища должен был помещаться руководитель ритуалов или тот, кто хотел, чтобы на него сошел дух главного бога (демиурга), который не изображался. Следы ритуалов прослеживаются в нанесении ударов по богам и сюжетам, им сопутствующим, а также в виде угля и утрамбованности грунта вокруг святилища.

В данной публикации приведу лишь краткую интерпретацию основных рисунков. Мировое дерево — ось и опора мироздания, его главный символ. По лестнице на небо души праведников поднимались ко входу в рай, первоначально изображенному в виде орнаментированного прямоугольника, выполненного в технике процарапывания, а позднее — в виде окна и двери, выполненных в технике резания. По разорванной веревочной лестнице души грешников попадали в подземное чистилище. Корабль, вероятно, — средство переправы душ умерших или пристанище бога-громовержца на зиму. В пантеоне изображенных богов бог с солнцеподобным головным убором (громовержец) — самый главный бог. Второе по значению божество — богиня с ветвью в руке, изображенная вблизи Мирового дерева на фоне небесного жилища. Это — богиня-мать. Божество в позе оранты — бог окультуренного пространства, отграниченного от мало- или вовсе неокультуренного пространства. Божество на олене — богиня охоты и лесов. Возможно, в пантеоне святилища был бог подземного мира, и в корнях Мирового дерева написано его имя. Трактовка сюжетного рисунка, интерпретируемого как «всадник, попавший в яму», представ-

ляет большую трудность. Объяснение надписи «орьям» можно попытаться найти в западнофинских языках, где это слово — дательный падеж от «орья» — раб, пленник, несвободный человек. В целом сюжет и надпись можно расшифровать как заклинание-угрозу: «Смерть пленникам! Смерть врагам!» В местных легендах есть схожий сюжет. В летописях под 1342 г. упоминается о гибели на Ваге от волочан, ранее называемых чудью заволочской, отряда новгородского боярина Луки Варфоломеева, пытавшегося подчинить себе лично Двину и Вагу.

Изыскания в области фольклора, точнее в области былинного эпоса о Василии Буслаеве и камне-алатыре, позволяют сопоставлять Тиуновское святилище с камнем-алатырем этих былин.

Мифология, отображенная на Тиуновском святилище, в целом находит широкий круг аналогий в мифологиях позднего язычества, связанных с образом Мирового дерева. Но по степени полноты и разработанности мифологии это святилище аналогий среди известных археологических памятников Европы не имеет. Если о датировке святилища можно говорить довольно уверенно, то отнесение его мифологии к мифологиям русских, финно-угров или других каких-либо известных этносов встречает затруднения. Вероятно, в верхней части бассейна р. Кокшенги в XIV-XVI вв. существовало какое-то своеобразное, еще языческое население, оставившее после себя такие элементы культуры, как Тиуновское святилище и языческие могильники в священных рощах-кустах, исследовавшихся автором в этом регионе в последние годы¹². Конечный итог этнического процесса, имевшего место на верхней Кокшенге в это время, известен — этнографическое подразделение русского народа — кокшары. Составляющие элементы процесса, особенно на раннем этапе, пока не совсем ясны.

Более полная интерпретация Тиуновского святилища предполагается автором в последующем издании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение выполнено кандидатом геолого-минералогических наук Н. Д. Авдошенко.

² Никитинский И. Ф. Святилище у д. Тиуновской // Изучение аграрной истории Европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар. 1989. С. 10. Никитинский И. Ф. Языческое святилище у д. Тиуновской // *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum*. 2B Summaria dissertationum. Debrecen. 1990. P. 59.

³ Борисенков Е. П. Климат и деятельность человека. М.: Наука. 1982. С. 23, 25; Монин А. С., Ишкова Ю. А. История климата. Л.: Гидрометеиздат, 1979. С. 343; Бараш С. И. История неурожаев и непогоды в Европе. Л.: Гидрометеиздат, 1989. С. 95.

- ⁴ Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Экстремальные природные условия в русских летописях XI-XVII вв. Л.: Гидрометеиздат, 1983. С. 81.
- ⁵ Там же. С. 84-85.
- ⁶ Там же. С. 88.
- ⁷ Там же. С. 89.
- ⁸ Фрезер Дж. Золотая ветвь. М.; Л., 1931. Глава «Симпатическая магия».
- ⁹ Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище: космология и ритуалы // *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 4. Sessiones sectionum. Debrecen. 1990. P. 37.*
- ¹⁰ Топоров В. Н. Древо мировое // МНМ. Т. 1. М., 1988. С. 398-406.
- ¹¹ Топоров В. Н. Мандала // МНМ. Т. 2. М., 1988. С. 100-101.
- ¹² Никитинский И. Ф. Грунтовые могильники в священных рощах — «Кустах» на Кокшенге и Сухоне // КСИА, 195. М., 1989. С. 74-80.

А. В. Кудряшов

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ХРИСТИАНСТВА В БЕЛОЗЕРЬЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (по материалам археологии)

Проблемы, связанные с проникновением и утверждением христианства на Русском Севере, неоднократно поднимались в археологической и исторической литературе. Авторами археологических исследований, проводимых в Белозерье в последние десятилетия, опубликована большая часть предметов христианского культа индивидуального пользования, обнаруженных при изучении средневековых поселений и погребальных памятников. Несмотря на увеличение общего количества предметов христианского культа, они продолжают составлять крайне незначительную часть вещей, обнаруженных в процессе изучения поселений и могильников, поэтому нахождение каждого нового предмета этого типа имеет для исследователей большое значение.

Целью данной статьи является представление и краткая характеристика небольшой коллекции предметов христианского культа, полученной в результате исследований Шекснинским отрядом Севернорусской археологической экспедиции ряда средневековых памятников бассейна Шексны и прилегающей к нему территории. Представляемые материалы относятся как к начальному этапу

проникновения христианства в Белозерье, так и к тому времени, когда эта религия становилась здесь господствующей.

Наиболее ранние находки предметов христианского культа относятся к XI в. Они обнаружены на поселениях и в могильниках, где четко прослеживается присутствие элементов древнерусской культуры. К числу таких памятников относятся поселение и могильник у п. Кривец в нижнем течении р. Суды. Здесь обнаружено 4 предмета христианского культа — три креста и привеска-образок. Это свидетельствует о важном месте христианской религии в жизни населения Кривца в XI-XII вв.

Одна из находок происходит из кургана с парным захоронением, совершенным по обряду трупоположения. Погребения, находящиеся в подкурганных ямах, помещались в гробах, сколоченных гвоздями и скобами, имели западную, с небольшим отклонением к северу, ориентировку. В мужском погребении справа на поясе находился небольшой равноконечный крестик из пластинчатой бронзы (рис. 1.1). Рядом с ним обнаружены бронзовое поясное кольцо, нож, кремь. В ногах погребенного находился глиняный лепной горшок, украшенный гребенчатым штампом. Женское погребение сопровождалось двумя парами височных колец с нанизанными на них бусами и монетой — западноевропейским денарием XI в., а также ожерельем, состоящим из бус X-XI вв. и большой ширококорой подвески-лунницы. Курган сооружен в середине — второй половине XI в. и относится к числу наиболее ранних в могильнике. Крестик обнаружен лишь в одном из 13 погребений, исследованных в 8 курганах. Необходимо отметить, что практически все определимые погребения помещались в грунтовых подкурганных ямах, ориентированы головой на запад. Большая часть их находилась в гробовищах, сколоченных гвоздями и скобами, что безусловно свидетельствует о христианских традициях в погребальном обряде населения Кривца. Вместе с тем, здесь же обнаруживаются и языческие черты — погребения сопровождалось значительным количеством вещевого материала: оружием, предметами быта, украшениями, посудой.

К числу ранних христианских находок, обнаруженных в древнерусском слое на поселении Кривец, относится круглая привеска-образок с изображением Богоматери-Оранты (рис. 1.2). Она изготовлена из сплава цветных металлов, имеет ушко для подвешивания, ее диаметр 1,8 см. Изделие обнаружено в заполнении жилища. Аналогичные привески известны во владимирских курганах¹ и могут быть датированы XI в. На поселении обнаружены также два креста. Один из них

изготовлен из янтаря, имеет размеры 1,7 x 1,5 см (рис. 1.3). Аналогии таким изделиям имеются на поселениях и в могильниках, принадлежащих древнерусскому населению. В Новгороде они встречаются в слоях XI-XII вв.²

В Кривце найдена также половинка бронзового креста-энколпиона, очевидно, его лицевая сторона. Ее размеры 3,2 x 2,2 см. На кресте прослеживается изображение распятия, сделанное резцом. Над распятием видно полустершееся изображение равноконечного креста (рис. 1.4). Кресты, близкие к вышеописанному, имеются в коллекциях вещевых материалов древнего Новгорода, датируемых XII в. Подобные находки обнаружены на Киевщине, в Белоруссии, во владимирских и весьегонских курганах³.

К крестам-тельникам, распространенным в XI-XII веках, можно отнести крестик с петлей и шариками на концах, происходящий с поселения Муриновская пристань, находящегося на правом берегу р. Андоги, вблизи ее истока из Андозера (рис. 1.5). Размеры крестика 2,5 x 1,9 см. В шурфе 4 x 4 м вместе с крестом обнаружены ножи, льячка, замок, золотостеклянная буса и другие предметы. Среди керамики, обнаруженной здесь, кроме доминирующей лепной конца I — начала II тыс., имеются фрагменты древнерусской круговой посуды. Близкий по форме крестик происходит из слоев XI в. Новгорода⁴. Кресты с шариками на концах имеются также в Белоозере и в могильниках Восточного Прионежья, исследованных Н. А. Макаровым⁵. Крест-тельник с изображением распятия обнаружен при раскопках финно-угорского поселения Минино-V на берегу р. Большой Юг в 17 км от впадения последней в Шексну (Череповецкий район Вологодской области). Крест имеет овальные завершения концов, ушко для подвешивания, отлит из бронзы в двухсторонней форме (рис. 1.6). Его размеры 3,9 x 2,5 см. Аналогичный крест, происходящий из Новгорода, отнесен М. В. Седовой к середине — второй половине XII в.⁶ Кресты такой же формы происходят из владимирских курганов, аналогичный крестик обнаружен Н. А. Макаровым при исследованиях погребения XI в. в Кемском некрополе (Северное Белоозерье)⁷.

Вместе с крестами в культурном слое поселений бассейна Шексны были обнаружены привески-иконки. Кроме вышеописанного изделия, происходящего с Кривца, нами были найдены еще два образка. Один из них происходит из культурного слоя древнерусского поселения Шуклино, находящегося на правом берегу р. Шексны (Кирилловский район Вологодской области) (рис. 1.7). Иконка отлита из бронзы, ее диаметр 2,1 см. На ней изображено Успение Богоматери. Наиболее

близкая аналогия имеется среди материалов кургана 38-го могильника у с. Ненашевского Владимирской области. Большое количество образков, изображающих Успение Богоматери, обнаружено на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества. Очевидно, в его центре находились мастерские, где производились подобные вещи, распространявшиеся по всей Владимиро-Суздальской земле и за ее пределами⁸. Происходило это, по мнению М. В. Седовой, в середине — второй половине XII в., во времена Андрея Боголюбского, когда во Владимиро-Суздальском княжестве стал господствовать культ Богоматери⁹. Белозерье в это время входило в состав княжества.

Вторая находка — привески-иконки на Шексне — происходит с поселения Октябрьский мост в г. Череповце. К сожалению, она обнаружена в пересотложенном слое. Образок круглой формы, отлитый из бронзы в односторонней форме, имеет диаметр 1,7 см. На нем видно поясное изображение святого с копьем или посохом в правой руке (рис. 1.8). Вполне вероятно, что здесь изображен святой воин. Близких аналогий этому изделию неизвестно. Время распространения привесок-образков круглой формы по территории Руси — XI-XIII века.

Исследуемые средневековые поселение и грунтовый могильник XI-XIII вв. у д. Нефедово на озере Родионском (Лозско-Азатская озерная система) в 1994 г. принесли новые находки предметов христианского культа этого времени. В культурном слое поселения обнаружено три креста. Один из крестов-тельников из обожженной глины имел размеры 3,5 x 3,1 см. Первоначальная толщина его была не менее 1 см, но скол части креста повредил не только вторую его сторону, но и отверстие крепления шнура (рис. 2.1). Данный крест изготовлен, очевидно, путем оттиска глины в форме и последующего обжига изделия. На уцелевшей стороне, возможно, лицевой, в средокрестии изображен равноконечный крест. Концы креста украшены орнаментом в виде крестообразных косых насечек. Кресты из обожженной глины — достаточно распространенная находка на древнерусских поселениях, около десятка их обнаружено экспедицией Л. А. Голубевой на Белозере¹⁰. Автор раскопок датирует их, в основном, XIII в., правда, крестов с орнаментом при раскопках не обнаружено. Второй крест поселения Нефедово изготовлен из камня, по форме он близок к равноконечному, его размеры 3,3 x 3,2 см (рис. 2.2). Крест выпилен из камня и подвергался последующей обработке — стороны его закруглены, концы скошены под углом. Особенностью данного креста является то, что он не имеет отверстия для подвешивания его на шнурке. Объяснение этому может быть двояким: это могла быть заготовка креста-

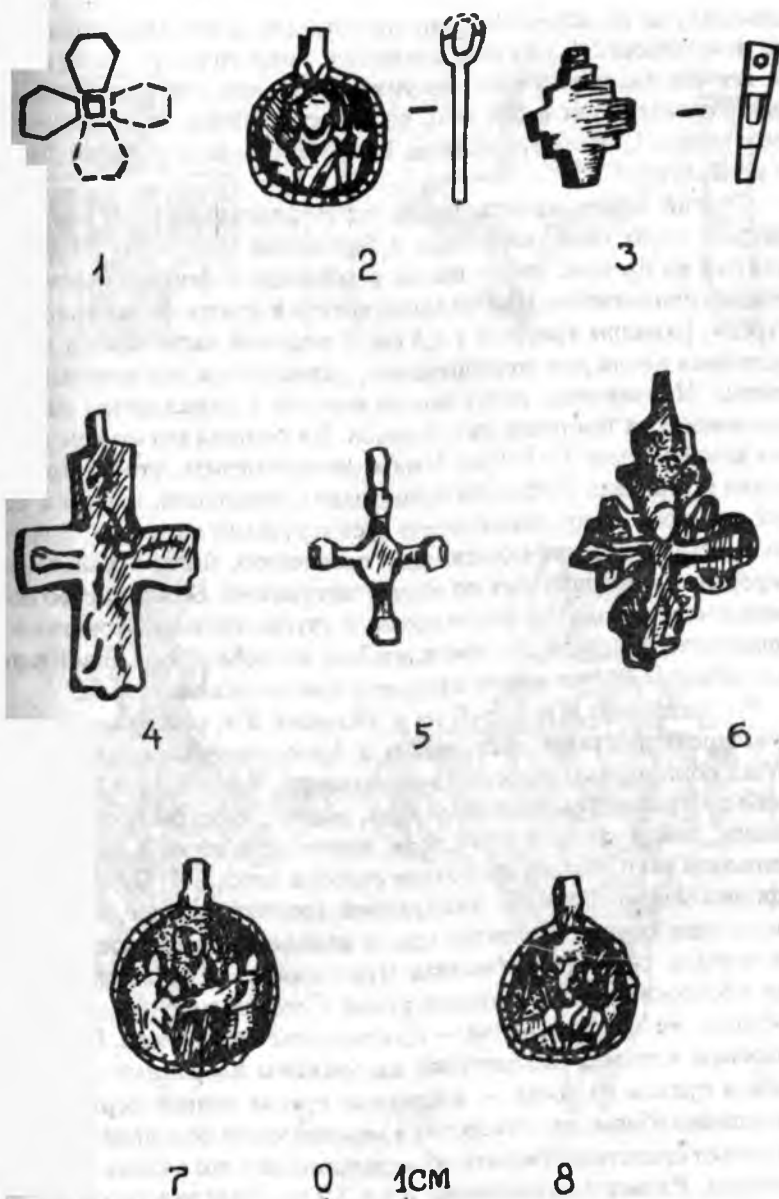

Рис. 1. 1-4 — Кривец; 5 — Муриновская пристань; 6 — Минино V;
7 — Шуклино; 8 — Октябрьский мост, г. Череповец.

тельника, но не исключено, что это готовый крест, предназначенный для помещения его в футляр или чехол. Аналогичные кресты из сланца, песчаника, известняка и других материалов, как с отверстием для подвешивания, так и без него, часто встречаются на древнерусских поселениях. Они обнаружены на Белоозере¹¹, на поселении Луковец на р. Шексне.

Третий крест, происходящий из Нефедова, отличается от всех изделий этого типа, известных в Белозерье (рис. 2.3). Этот крест, отлитый из бронзы, имеет щиток ромбовидной формы, богато украшенный орнаментом. Изображение креста в центре напоминает «розу ветров», размеры креста 6 x 4,5 см. В верхней части креста имеется массивная петля для подвешивания, украшенная ложновитым орнаментом. Несомненно, крест можно отнести к уникальным изделиям средневековых мастеров-литейщиков. На сегодня мы можем датировать данный крест XI-XIII вв. Необходимо отметить, что все предметы культа комплекса Нефедово происходят с поселения, вещевой комплекс которого имеет определенно древнерусский характер. В грунтовом могильнике, принадлежащем поселению, были исследованы 8 погребений, совершенных по обряду ингумации. Большинство погребений имело западную ориентировку и другие признаки христианской обрядности, но среди сопровождавшего погребального инвентаря не было обнаружено ни одного предмета христианского культа.

На поселении Минино-II на р. Большой Юг, основанном в конце XI в. древнерусским населением и просуществовавшим до конца XIV в., обнаружены два креста-энколпиона. Кресты находились в насыпке постройки земляночного типа, рядом с ними были обнаружены сошник, топор утяжеленного типа, другие предметы. У одного из энколпионов сохранилась оборотная сторона (рис. 2.4). Он имеет квадратную форму с квадратной средней частью и овальные завершения концов. В центре креста находится погрудное изображение святого, очевидно, Николая Чудотворца, с Евангелием в левой руке и благословляющей правой рукой. Слева от него — едва видимое изображение Христа, справа — изображение Богоматери. На верхнем и нижнем клеймах энколпиона изображены избранные святые. На левом и правом клеймах — избранные святые воины. Верхняя петля энколпиона обломана. Отверстие в верхней части половинки энколпиона может свидетельствовать об использовании его в качестве крестельника. Размеры энколпиона 7,5 x 5,7 см. Изделия такой формы и размеров в Древнем Новгороде происходят из слоя II четверти —

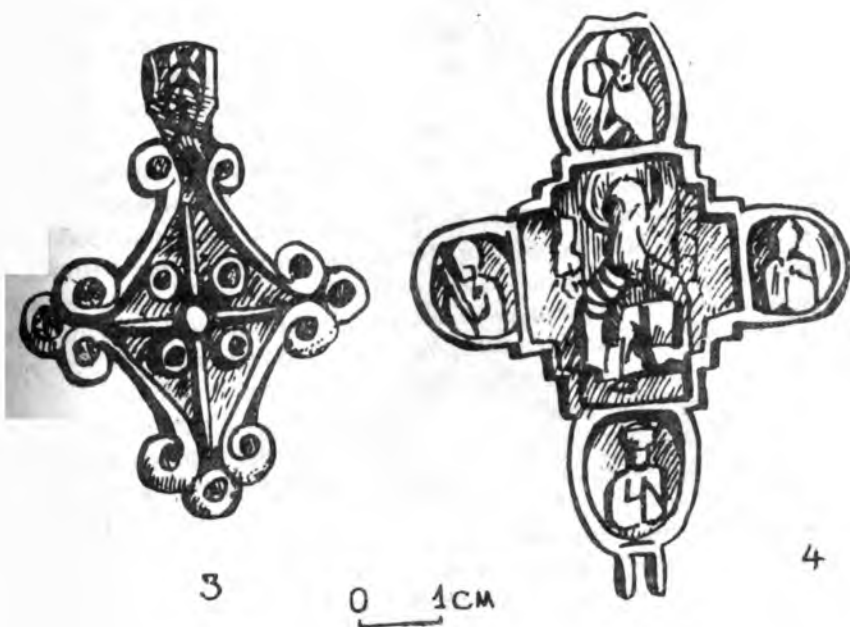
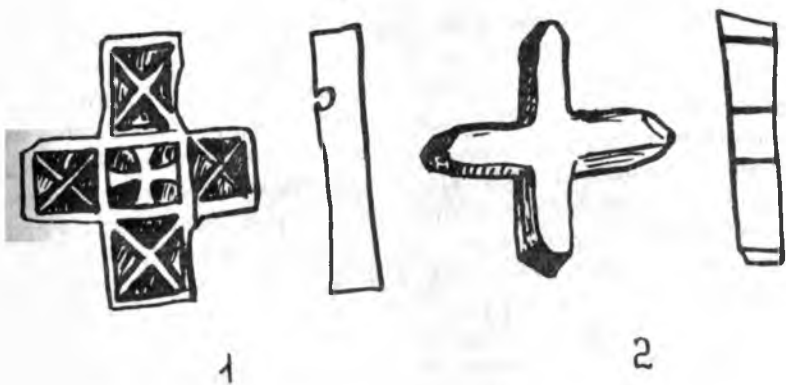

Рис. 2. 1-3 — Нефедово; 4 — Минино II;
1 — глина, 2 — камень, 3-4 — сплав цветных металлов.

середины XV в. По мнению М. В. Седовой, они появляются в Русском государстве в XIV в. и широко бытуют в XV в.¹²

Рядом с вышеописанным крестом-энколпионом находились разрозненные части другого изделия этого типа с обломанной нижней частью его оборотной стороны (рис. 3.1, 3.2). Крест изготовлен из сплава цветных металлов, его размеры 5,7 x 7,8 см. Энколпион имеет квадратноконечную форму со ступенчато-расширяющейся средней частью. На лицевой стороне креста в центральной части и на боковых клеймах изображено «Распятие Христа с предстоящими». На правом клейме изображена Богоматерь, слева — Иоанн Богослов. В верхней части, видимо, изображен Бог-Отец с жезлом, внизу херувим. На оборотной стороне энколпиона в центре помещается фигура Михаила Архангела с копьем и жезлом, по краям видны фигуры святых, сверху — святой воин¹³. Крест такого типа обнаружен в Новгороде в слое рубежа XIV-XV вв. и датирован М. В. Седовой XIV — началом XV в.

Подводя итог описанию сравнительно небольшой коллекции индивидуальных предметов христианского культа, привлекая материалы, опубликованные по этой проблематике другими исследователями, необходимо отметить преобладание находок предметов христианского культа в культурном слое поселений над находками этих изделий в могильниках. Эти предметы в средневековые не имели главенствующего значения в христианском погребальном обряде. Гораздо важнее в этом обряде были другие признаки — западная ориентировка погребений, помещение погребений в грунтовых ямах, наличие гробовища и другие. Н. А. Макаров также отмечает немногочисленность предметов культа в погребениях по христианскому обряду. Обычай помещать в могилы кресты и образки наблюдается лишь в среде христиан-переселенцев первой волны славяно-русской колонизации, а также среди вновь обращенных христиан из числа местных жителей¹⁵.

В связи с этим информация о наличии или отсутствии христианских атрибутов в погребениях не может являться определяющей при изучении механизма христианизации края. Для выяснения этого процесса необходимо использовать весь комплекс источников, связанных с этой проблемой, в том числе и географию распространения предметов христианского культа в Белозерье.

Теперь уже очевидно, что наиболее ранние из них появляются в Белозерье в XI в. Находки этого времени известны на Шексне (Белозеро, Соборная Горка в г. Череповце), на нижней Суде (Кривец), на Кемс (Никольское III) и других местах. Значительная часть ранних христианских предметов обнаружена на основных водных магистра-

1

2

0 1cm

Рис. 3. 1-2 — Мичино II; сплав цветных металлов.

лях края, там, где активно развивалась торговля и находились крупные торгово-ремесленные центры, население которых являлось полиэтническим. Носителями христианской религии на самом раннем этапе проникновения христианства были, без сомнения, выходцы из центральных регионов Древней Руси — купцы, члены военных экспедиций, представители государственной власти. С началом массовой славяно-русской колонизации Белозерья христианская идеология и обрядность активнее проникает в глубь территории края. Вместе с тем необходимо отметить, что религиозная идеология христиан-переселенцев была дуалистичной — в их погребальном обряде христианские признаки сочетаются с языческими, длительное время в среде древнерусского населения бытуют предметы языческого культа, такие, как подвески-амулеты из кости, рога, бронзы.

В XII в. география распространения крестов и образков расширяется, изделия этого времени составляют значительную часть всех коллекций индивидуальных предметов культа. Находки их имеются в районах Белозерья, удаленных от основных путей сообщения — в верховьях Андоги, на Суде, на небольших притоках Шексны, на Лозско-Азатской озерной системе. Предметы христианского культа проникают и в среду местных финно-угров, процесс ассимиляции которых шел очень быстро. Необходимо отметить, что подавляющее большинство изделий, относящихся к предметам христианского культа, имело широкое распространение практически по всей территории Руси, что свидетельствует о наличии общерусских центров производства данной продукции. Вместе с тем в некоторых изделиях уже в XII в., несмотря на их близость к оригиналу, созданному в мастерских центральной Руси, имеются своеобразные черты, свидетельствующие о том, что вещь сделана в подражательной манере. Это касается и крестов-тельников и энколпионов. Изделия вполне могут быть продуктом производства местных мастеров, уже специализирующихся на производстве этого вида продукции. Ремесленное производство в Белозерье в XII в. достигло достаточно высокого уровня развития. О существовании здесь искусных мастеров-камнерезов, например, свидетельствует находка на Белоозере неоконченного каменного образка с изображением святого¹⁶.

Появление в XIII в. в Белозерье большого количества крестов из обожженной глины и камня можно объяснить оторванностью края от центральных районов Руси и последствиями монголо-татарского нашествия. Связь с центрами, специализирующимися на производстве культовой продукции, прервалась на длительное время. Впоследствии

вии, в конце XIV — XV веках, в процессе объединения русских земель в государство с сильной центральной властью, в Белозерье возвращаются традиционные, характерные для всей Руси формы и типы предметов христианского культа того времени.

Завершая небольшое исследование, характеризующее некоторые стороны процесса христианизации Русского Севера и Белозерья в частности, хочется выразить уверенность, что дальнейшая работа археологов, историков, других специалистов, с привлечением новых источников по этой проблематике, позволит наиболее полно характеризовать этот важный исторический процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ИАК. Вып. 15. 1905. С. 143. Рис. 213.
- ² Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 173-174.
- ³ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М., 1984. С. 57. Рис. 18 (1, 2).
- ⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 50. Рис. 16 (3).
- ⁵ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. М., 1990. С. 72.
- ⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 50-51.
- ⁷ Макаров Н. А. Население... Табл. XVIII. Рис. 4.
- ⁸ Седова М. В. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси (Древности славян и Руси). М., 1988. С. 272-279.
- ⁹ Седова М. В. О двух типах привесок-иконок Северовосточной Руси // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 192-194.
- ¹⁰ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере (X-XIII вв.). М., 1973. С. 169.
- ¹¹ Голубева Л. А. Вещь и славяне... С. 175.
- ¹² Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 59. Рис. 19 (3).
- ¹³ Автор приносит благодарность за помощь в атрибуции крестов-энколпионов М. Ю. Хрусталеву, научному сотруднику Череповецкого музейного объединения.
- ¹⁴ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 59. Рис. 19 (1, 2).
- ¹⁵ Макаров Н. А. К интерпретации находок предметов христианского культа в древнерусских могильниках. (По материалам Белозерья и Каргополья) // Тезисы конференции «Новгород и Новгородская земля». Новгород, 1989. С. 101-103.
- ¹⁶ Макаров Н. А., Захаров С. Д. Древности затопленного Белоозера // Белозерье. Историко-литературный альманах. Т. 1. Вологда, 1994. С. 11-15.

МЕДНЫЕ ШВЕДСКИЕ МОНЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО СЕВЕРА В XVII ВЕКЕ

Одной из важнейших статей русского экспорта в XVII в. была медь, импортируемая из Швеции. В документах встречаются названия свыше десятка товаров, изготовленных из этого металла: от котлов до медной проволоки. Особую статью составляли шведские монеты, тысячами пудов ввозимые в пределы Русского государства.

Вопрос о торговле медью являлся краеугольным камнем русско-шведских коммерческих связей. В литературе уже получили освещение некоторые проблемы, связанные с ограничением вывоза меди и медных денег из Швеции¹. В нашу задачу входит рассмотрение вопросов о ввозе шведской медной монеты на территорию Русского государства через Архангельск и западную границу, функционирование шведской меди в сфере торговли.

Чеканка монеты из меди началась в Швеции в 1624 г. По мнению В. М. Потина, вскоре «шведские медные монеты появляются на оккупированных территориях, занятых по Столбовскому миру 1617 г.², т.е. на землях, населенных бывшими подданными России. Массивные медные «эре» вскоре стали известны и русскому населению.

В документах 30—40 гг. XVII в. появляется термин «шкилевая медь». В. М. Потин, не останавливаясь на происхождении названия, написал: «...шкилевая медь предназначалась для торговли с Россией»³.

Русские источники называют эту монету весьма определенно. В казне Заоникиевой пустыни Вологодской епархии в числе прочего по описи 1637 г. находился «шкиль»⁴. Таможенная книга Тихвинского монастыря фиксирует поступление «шкилевой меди», которую везли из Швеции русские купцы⁵.

«Шкилевую медь» измеряли пудами или бочками⁶. В 1649 г. тихвинца Осипа Белафина была «бочка медных денег», а в ней число 240 ефимков⁷. Сравнив эти сведения с материалами кладов, зарытых в приграничных русско-шведских районах в первой половине XVII в., приходим к выводу, что под названием «шкили» скрываются определенные типы шведской медной монеты достоинством в 1, 2 эре или с фракции, имеющие одно обобщенное имя. Германские и польские талеры, шведские далеры, итальянские талеры и даже испано-американские песо были на Руси ефимками. Низкопробные серебряные

шведские эре, чеканки 1604—1624 гг. и сменившие их нововые медные монеты, равные по достоинству хорошо известным русским купцам шиллингам Северной и Центральной Европы⁹, по нашему мнению, были первоначально приравнены к классу шиллингов — «шкилей». В 1644 г. в грамоте царя шведской королеве Кристине медные эре названы «меденными шиллингами»¹⁰.

Экспортное значение в России медной шведской монеты в XVII в. было велико. Это и способствовало выделению товара в особый класс — «шкилевую медь».

Первоначально медную монету вывозили беспошлинно. В 1648 г. новгородские торговые люди писали: «...имали у них. . . медные шкилевые денги, и те денги государевым торговым людем было вывозить в государеву сторону вольно. И на те их медные шкиловые денги никаких накладных пошлин не бывало»¹¹. Право беспошлинного вывоза базировалось на 14 статье Столбовского мирного договора, где говорилось о свободной и беспошлинной торговле¹².

Когда в 1632 г. новгородскому купцу Прокофию Гиблому «с товарищи» не дали вывести из Швеции «шкилевую медь», заставляя менять ее на товары, купцы послали жалобу на имя короля Густава II Адольфа, где указывали на нарушение договора, напоминали о льготах русским купцам, самолично подтвержденных королем в 1629 г. В жалобе содержалась и явная угроза прекратить торговые отношения вообще. «И коль скоро Ваше королевское величество совсем хочет запретить нам и прочим русским купцам вывозить те медные денги, которые мы получаем за наши товары и запретом вывоза таких медных денег вынудить нас покупать товары в убыток и разорение, то мы скорее перестанем впредь приезжать сюда в Швецию и в другие места в пределах шведского королевства»¹³. Ответом на жалобу можно считать решение Государственного Совета Швеции обменять медные денги на риксдалеры по курсу, т.е. 1:2. Это предложение вызвало недовольство купцов и новую жалобу, где последние писали: «Мы в России, а особенно теперь, когда его царское величество повелел перевести новгородские древние исконные права и принятую там монету из Новгорода в Москву»¹⁴, поэтому риксдалеры стали цениться в России меньше чем раньше»¹⁵.

Купцы не лукавили. При цене меди за шведский берковец (8 пудов¹⁶) в 30 рублей¹⁷ бочка «шкилевой меди» (примерно 47 пудов) стоила 177 рублей. За 240 ефимков, к которым, по приведенному выше примеру, приравнивалась в Швеции «бочка меди», в России можно было получить не более 120 рублей. Прокофий Гиблой «с товарищи»

во второй жалобе просят обменять по весу медные деньги на листовую медь: «...если бы ваши милости и сиятельства милостиво даровали нам из королевской казны плотовую медь, вес за вес, за медные деньги, то мы были бы удовлетворены»¹⁸.

По-видимому, конфликт разрешился в пользу русских купцов. Спустя пять лет мы встречаем «шкилевую медь» на тихвинской таможне. За три дня февраля 1637 г. в Россию было вывезено свыше 90 пудов медной монеты на сумму около 270 рублей¹⁹.

В 1642 г. новгородец Ф. Степанов в Швеции «товары свои продавал и менял на медные деньги и на ватчатую и на новую на всякую медь». Выплачивая в Стокгольме пошлину, он «ватчатую и всякую медь писал шкиловой медью». Следовательно, в 1642 г. «шкиловую» медь можно было свободно вывозить, не платя пошлины. Это не распространялось на другие виды меди. Поэтому действия шведской стороны были правомерны. Уличенный в обмане Ф. Степанов жаловался царю, что у него отобрали 8 бочек меди весом 130 пудов (т.е. в среднем по 17 пудов в бочке, видимо, с учетом разных сортов меди, занимающих больший объем, чем «шкили», и просил вернуть товар²⁰. Спустя два года, в 1644 г., его просьбы были удовлетворены шведской стороной с припискою царю: «...для Вашего царского величества дружбы, на ево вину не смотря»²¹.

Положение с вывозом «шкилевой меди» принципиально изменилось после 1644 г., когда в Швеции была начата чеканка плот — медных досок с надчеканкой различного достоинства. В 1648 г. новгородцам С. Кошкину и Д. Семенову шведские власти не дали вывезти из страны медные деньги. Попытка купцов обменять «шкили» на плоты также окончилась неудачей. На границе у них было реквизировано 670 ефимков медных денег, т.е. около 195 пудов медной монетой²².

В 1648—1649 гг. поступают массовые жалобы со стороны русских купцов на запрет вывоза из Швеции «шкилевой меди»²³. Во время переговоров русских послов и шведского правительства российская сторона пеняла: «...и медных денег, на которые они, торговые люди, товар свой продадут, вывозить им не велят, а велят на те их медные деньги покупать им товары». Позиция шведов была непреклонной: «Царского величества торговым людям из Свечи не повелевают вывозить медных денег..., и та заповедь учинена не для одних царского величества торговых людей, которые приезжают с товары на корабли, и продают многие товары свои на медные денги и те медные денги вывозили»²⁴.

Королевский указ о запрещении вывоза «шкилевой меди» неоднократно фигурирует в изложении в ряде документов второй половины XVII в.²⁵ Это свидетельствует о том, что он неоднократно нарушался. «Шкилевая медь» по-прежнему уходила через русско-шведскую границу в Россию. В качестве примеров можно привести следующие факты. В коллекциях музеев Вологды, Тотьмы, Великого Устюга, Ярославля и других городов, находившихся на оживленном северном торговом пути XVII в., шведские «эре» — «шкили» XVII и даже XVIII вв. встречаются в десятках экземпляров. К сожалению, у большинства находок отсутствует легенда. Часть материала, имеющая сведения о происхождении, позволяет утверждать, что это та ничтожная часть «шкилевой меди», которая по каким-то причинам не была пущена в тигль плавильщика. Наиболее распространенный тип — одиночные находки. По-видимому, это потерянная медь.

В 1944 г. в Вологде, за стеной Архиерейского подворья, при копке гряд была найдена медная шведская монета 1636 г.²⁶ В 1958 г. в р. Сухоне у берега в г. Великом Устюге была найдена монета достоинством в 1 эре 1646 г.²⁷ В. М. Потин привел аналогичный факт находки 1 эре 1648 г. при вспашке земли в поселке Ельничный Енисейской губернии²⁸. Вероятно, подавляющее большинство имеющихся в музейных коллекциях шведских монет должно иметь сходные легенды.

Стремясь прекратить отток из страны «шкилевой меди», шведское правительство приступает к выпуску плот. В. М. Потин рассмотрел некоторые вопросы «плотового импорта»²⁹. Это явление приходится в основном на вторую половину XVII—XVIII вв. Для рассмотрения полной картины присутствия шведских медных монет на территории Русского государства в XVII в. необходимо остановиться на ряде принципиальных вопросов.

Отметим, что русских купцов обменный эквивалент «шкилевой меди» на плоты в принципе устраивал. «А для нас, государевых русских людей, учинили медные досчатые денги, а весом против прежних шкилевых денег легче у всякого пуда по пяти гривенок и те свои новые легкие денги указали нам в государеву сторону меди только у королевской казны». Шведские чиновники обстоятельно обосновали новое положение: «Что касается о меди, и тот товар особой — королевской казенной заповедной, на которой королевское величество имеет мочь продавать и цену подвысить»³⁰. На возражение русской стороны, что медные деньги не товар, был получен серьезный аргументированный ответ: «А буде похотят (медные денги — А. Б.) вывести за море и они платят пошлины от весу, потому что их (медные денги) в правде

товаром можно назвать, потому как их везут в чужое государство и их за деньги не емят, но за товар»³¹.

Как мы уже отмечали, подавляющее большинство плот шло в переплавку. На территории Русского государства XVII в. известно пока лишь несколько случаев обнаружения плотовой меди. Так в д. Красная Ивановской области в 1962 г. была найдена денежная доска достоинством в 8 далеров³². Плата достоинством в 10 далеров хранится в Ярославском музее-заповеднике³³. Вероятно, это утерянный товар, проходивший по Волжскому речному торговому пути. Аналогична судьба далера 1675 г., найденного в Великом Устюге³⁴. Нами обнаружен пока единственный уникальный случай использования шведской монеты в votивных целях. В 1928 г. при разрушении деревянной Стрелицкой церкви в Тотемском уезде из-под основания извлекли медный далер 1649 г. Обычай класть деньги под первый венец строящегося здания был широко распространен на Руси. Данная находка, по нашему предположению, могла быть обусловлена следующим: далер оказался священной жертвенной монетой, как память об удачной торговой операции тотемского купца в Швеции. Возможно, далерная монета платы — это часть его вклада на построение храма³⁵.

Проанализировав все известные случаи употребления в Русском государстве шкилей и плот, мы приходим к выводу об их исключительно сырьевом значении. Мнение В. М. Потина, говорящего о платах как о товаро-деньгах и приводящего в качестве аргумента факт построения на медные шведские деньги в 1684 г. в Новгороде шведского торгового двора³⁶, есть не более чем вариант простой продажи (обмена) шведской меди на русские деньги с последующим финансированием работ уже в русских денежных единицах.

Обнаруженный нами единственный случай votивного использования медного далера, есть, по нашему мнению, не более чем пример индивидуальной воли владельца иностранной медной монеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Паскольский И. П. Об основных особенностях русско-шведской торговли в XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1956. С. 28; он же. Вопросы торговли в русско-шведских дипломатических отношениях на рубеже 20 и 30-х годов XVII в. // Скандинавский сборник. (Далее СС), Таллин, 1974. Т. XIX. С. 70—83; он же. Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.; Л., 1964.

² Потин В. М. Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI—XVII вв. // СС. Таллин, 1974. Т. XIX. С. 195.

³ Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 198.

- 4 Суворов Н. И. Владимирская Заоникиева пустынь Вологодской епархии. Вологда, 1912. С. 16—17.
- 5 Русско-шведские экономические отношения (далее РШЭО). Сборник документов. Л., 1960. С. 110—111.
- 6 Там же. С. 111, 120.
- 7 Там же. С. 147.
- 8 Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 195—198.
- 9 Зварич В. В. Нумизматический словарь. Львов, 1980. С. 80.
- 10 РШЭО. С. 123.
- 11 Там же, С. 134.
- 12 Соловьев О. М. История России. Т. V. М., 1990. С. 80.
- 13 Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Сборник документов М., 1981. Вып. I. С. 84—86.
- 14 Обращаем внимание на неучтенный современными исследователями аспект перевода денежного двора из Новгорода в Москву, когда были нарушены «новгородские древние исконные права», как еще на один факт централизации денежного дела.
- 15 Экономические связи... 1981, Вып. I. С. 88.
- 16 РШЭО. С. 150.
- 17 Временник Императорского общества истории и древностей Российских. 1850. Кн. 8. Раздел «Смесь». С. 19.
- 18 Экономические связи... С. 88.
- 19 РШЭО. С. 110—111.
- 20 Там же. С. 120.
- 21 Там же. С. 123.
- 22 Там же. С. 133.
- 23 Там же. С. 134—136.
- 24 Там же. С. 147.
- 25 Там же. С. 222, 232 и др.
- 26 Вологодский областной краеведческий музей. Акт №660.
- 27 Великоустюгский музей-заповедник (далее ВУМЗ). № 13550.
- 28 Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 209. № 13.
- 29 Там же. С. 198—200.
- 30 Там же. С. 401.
- 31 Там же. С. 360.
- 32 Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 199, 211.
- 33 Ярославский музей-заповедник. № 1675.
- 34 ВУМЗ. № 4805.
- 35 Быков А. Монета для великана? // Вологодский комсомолец. 1989. 30 марта.
- 36 Потин В. М. Скандинавские монеты... С. 199.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРЕФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В КУЛЬТУРЕ НАРОДА КОМИ

Коми народ обладает богатым культурным наследием, имеющем свои, только ему присущие, индивидуальные черты, уходящие корнями в глубокую древность к тем далеким временам, когда он стал зарождаться как этнос. Однако уклад его жизни и самобытная этническая культура, процессы формирования философско-социологической мысли не были изолированы от контактов и влияния соседей. Социальная практика со всей очевидностью убеждает, что рассматриваемый вопрос не утратил своей актуальности и сегодня. Для того, чтобы правильно понять и оценить происходящие сейчас в обществе радикальные перемены, необходимо очень хорошо знать условия возникновения старой традиционной культуры, этапы ее становления и развития. Настоящая работа является первой попыткой системного анализа конкретно-исторических предпосылок возникновения социально-философских взглядов в рассматриваемом регионе.

Современная культура использовала достижения традиционных культур, складывавшихся в течение длительного исторического периода освоения различных территорий локальными общностями, которые выработали оптимальные для своих регионов принципы взаимоотношений человека с миром, с системой его познания и формами выражения. В этом состоит непреходящее значение, неповторимое своеобразие и национальный колорит культур, апробированных веками и находящихся во взаимном соответствии с природной организацией человека. Каждое поколение создает новый, более весомый пласт материальных, духовных и нравственных ценностей путем усвоения и теоретической переработки всего многообразия культурного потенциала прошлого. Вследствие этого любая современная культура общества являет собой ярчайшее созвездие ряда культур как народов, проживающих на территории конкретного национально-государственного образования, так и сопредельных народов.

В X-XIV вв. происходит значительное углубление распада родоплеменных отношений и перехода к социальной дифференциации, а также формированию основ древнекоми-зырянской народности, известной в летописях под именем перми вычегодской. К этому периоду относятся первые упоминания в письменных источниках этнического названия пермь-предков коми, обитавших в бассейне реки Вычегды.

Слово «пермь» (перя маа) было заимствовано славянами и стало фигурировать на страницах русских летописей как этническое название народа коми. Впервые «пермь» упоминается в «Повести временных лет» — выдающемся памятнике русской письменности начала XII в.¹

Повышенный интерес современных исследователей к отечественной истории появления и развития социальной мысли высветил немало ключевых вопросов, связанных с процессом становления предфилософских идей, особенно немногочисленных народов. Между тем при изучении историко-культурного наследия общества необходимо брать в расчет все многообразие составляющих его духовный потенциал. В частности, зарождение предфилософских концепций в культуре народа коми сопряжено с определенными специфическими условиями.

Представления у древних коми о явлениях, происходящих в объективной реальности, были рассредоточены в общественном сознании, а недостаток собственно историко-философской литературы восполнялся частично наличием зарождающихся мировоззренческих представлений, символов и теорий в различных нефилософских сочинениях. Как свидетельствуют этнографические материалы, в религиозных верованиях сильны были элементы тотемизма, а также заимствования, лежавшие в основе угорских и прибалтико-финских охотничьих песен, сохранивших заметные следы медвежьего культа. В частности, среди них довольно широкое распространение получили многочисленные легенды о превращении медведя в человека и наоборот. Они полагали, что медведь обладает всеми качествами человека, в том числе человеческими чувствами, способностями и привычками. Даже существовал обычай просить прощение за содеянное у убитого медведя. С поверженного зверя снимали шкуру, вынимали сердце и крестообразно его разрезали, чтобы он не превратился в колдуна. Помимо медведя, почитались лось, олень и другие представители животного мира. Наибольшее число поверий связано с такими животными, как лягушки, коровы, лошади, отдельные виды рыб и т. д. В более поздних мифах предки коми поклонялись и различным деревьям, обожествляя их. В качестве ведущей религии теперь уже выступал анимизм, т. е. вера в духовные существа, которых коми разделяли на добрых и злых.

Мифологические сказания коми были тесно связаны с религиозными воззрениями, в свете которых обычно считались враждебными человеку лешие, водяные, русалки и др. Поэтому во избежание возможных неприятностей с их стороны жители совершали жертвоприно-

шения. Особо почитались у местного населения огонь, а позднее и кухонная печь. Коми одухотворяли не только объекты внешней природы, но и явления человеческой жизни. Не располагая научной системой аргументации в объяснении процессов психической и физиологической жизнедеятельности, таких, как бодрствование, сон, дыхание, болезнь, они наделяли их какими-то сверхъестественными силами, пребывающими в человеке.

Коми знахари очень часто использовались как «специалисты» в области народной медицины. В процессе лечения детей от «порчи» они обливали их «заговоренной» водой через решето. В целях повышения эффекта очистительных качеств воды в решето клали соль, нож или серп и точильный камень. О магических свойствах точильного бруска в системе обрядов коми писал и этнограф А. С. Сидоров².

В частности, коми считали, что олицетворением болезни являлась «шева» — нечистый дух, появляющийся в виде некоего материального тела (бабочки, жучка, червячка, волоса и т. п.), который проникал в тело человека, вызывая различные болезненные ощущения, чаще всего истерию. Вселением шевы объяснялись заболевания домашних животных. Избавиться от нечистого духа-повелителя возможно лишь с помощью самого хозяина или более сильного колдуна. После смерти своей жертвы шева, как правило, не возвращается к хозяину, а перемещается в другого человека, оказавшегося рядом с умирающим³.

В дальнейшем политеизм у коми постепенно сменяется монотеизмом⁴.

Широко были известны предания о чуде — древнем дохристианском населении края. В первоначальном виде в этих преданиях отразилась мысль о том, что в чудских ямах погребли себя те древние коми, которые не пожелали креститься; тогда в этих сказаниях коми отрицали своего родства с чудью. В частности, у древних коми существовал своеобразный погребальный обряд, сводившийся к сжиганию на кострах покойников, а оставшиеся пережженные кости и пепел сыпали в неглубокую могильную яму, по размерам соответствующую параметрам человеческого тела. Обряд сожжения умерших постепенно сменился обычным захоронением в гробах в XV в., что свидетельствовало об упрочении в Коми крае позиций православной церкви⁵.

По религиозным представлениям древних коми, бытовые вещи полагались усопшим для того, чтобы они могли продолжать безбедную жизнь в загробном мире. С этой целью в могилы, как правило, клали все необходимое для продолжения жизни в потустороннем мире, т. е.

кроме орудий труда, украшений, оружие и, конечно же, еду. По верованиям коми народа, душа продолжала жить и в загробном мире, но, перевоплощаясь, она могла появляться в реальной жизни в виде различных видов животных, например, кошки, ящерицы и т. д.

Вся жизнь коми была регламентирована правилами и требованиями официального христианства и древними поверьями. Зачастую в народных представлениях они сливались воедино. Особенно много примет и «оберегов» применялось во время свадебного и похоронного обрядов. На свадьбу даже приглашали специального колдуна для охраны от порчи. В похоронном обряде большое значение имело представление о том, что смерть является только переходом покойника в другой мир, что связь его с этим миром не прерывается, и отсюда вытекала необходимость обезопасить себя от возможных неприятностей со стороны умершего.

Археологические раскопки свидетельствуют о бытовавших у коми преданиях, согласно которым жена должна была сопровождать мужа в «загробный мир». С этой целью жена клала в могилу умершего мужа различные украшения: кольцо или серьгу, а иногда и пучок волос, символизирующие ее присутствие рядом с мужем. Наличие этих украшений определялось тем, какое место в иерархической лестнице общества занимал мужчина.

Следует подчеркнуть, что коми-зырянские легенды не всегда имеют под собой единую общенациональную историко-культурную базу, в их основании у разных этнографических групп коми лежат исторически сложившиеся региональные мировоззренческие системы⁶. Исследователь эпических форм коми фольклора А. К. Микушев выделяет этнические образования, существенно отличающиеся друг от друга по типу хозяйства, бытовому укладу, историческим судьбам. Это этнические группы коми-зырян: северная (ижмо-колвицкая), южная (вычегодско-сысольско-лузская) и западная (удорско-вымская)⁷.

Указанные различия в жизнедеятельности районов способствовали появлению самостоятельных локальных фольклорных традиций, но отнюдь не приводили их к полной замкнутости и самоизоляции. Например, до сих пор сохранилась определенная специфика в культуре и быте прилузских коми. Им присущ свой диалект, в котором содержатся прибалтийско-финские заимствования, существуют некоторые особенности в материальной и духовной культуре.

Все это свидетельствовало о том, что коми культура, а вместе с ней и общественно-политическая мысль формировались под воздействием целого ряда культур и идейно-теоретического наследия различных

народов, вбирая в себя их многие компоненты. Большие заимствования сделали коми в области культуры и быта у славян, в том числе в народном жилище, в одежде и т. д., особенно после принятия народом коми христианства, явившегося крупным событием в его жизнедеятельности, упрочившего хозяйственные и культурно-бытовые связи с расширяющим границы русским многонациональным государством, которое было заинтересовано в массовой христианизации населения, как средстве преодоления племенного сепаратизма.

Анализируемый процесс особенно интенсифицировался с конца XIV века и усилил закрепление власти Москвы над пермскими землями. Обращение народа коми в новую веру, начиная с 1379 г., осуществлялось под эгидой монаха из Великого Устюга Стефана Храпа, впоследствии ставшего первым епископом Пермской епархии. Христианский миссионер, подражая известным «просветителям славян» Кириллу и Мефодию, задумал вести пропаганду идей новой религии на коми языке, который ему был знаком с детских лет ввиду постоянных контактов устюжан с пермичами. Не исключена возможность, что кто-то из его родителей был коми. Обращение к местному населению на их родном языке в значительной мере обуславливало и создание соответствующей письменности. Это лишний раз говорит о проявлении исключительных способностей первого миссионера Коми края, умного, тонкого и дальновидного политика.

В последующие годы своей жизни Стефан, уже выступая в качестве епископа Пермского, разворачивает в Усть-Выми свою просветительную деятельность, связанную с переводом на коми язык различных богослужебных книг, религиозных песен, гимнов, молитв. Здесь была построена первая в землях Коми церковь, основан первый монастырь, при котором он открыл первую школу для обучения пермской грамоте коми детей из семей, принявших христианство. Этим было положено начало формированию кадров переписчиков религиозной литературы и появлению из коренного населения духовенства, способного осуществлять церковную службу на родном языке. В бывшем «владычном городе Устьвымском» (нынешнем селе Усть-Вымь) находилось управление Пермской епархии, служившее местом заключения мирных договоров с соседними племенами, здесь зарождалась торговля и начинались первые ярмарки, существенно изменившие социально-экономический и культурный уклад народа коми.

Создание азбуки является величайшим завоеванием человеческого разума, и оно глубже и значимее самого процесса христианизации.

ибо культура любого народа, становление его общественно-политической мысли начинается с письменности и оформления литературного языка как средства общения и передачи от поколения к поколению духовно-нравственных ценностей. Изобретение алфавита знаменовало собой не только этап в зарождении коми письменности и начало развития грамотности народа, но и существенный шаг к утверждению независимости культуры, формированию ее самобытных качеств.

Стефановский алфавит, произведения Стефана, размноженные учениками для вновь строящихся церквей на Вычегде и в Прикамье, использовались в Перми до второй половины XVI века, т. е. почти двести лет. Это богослужебные книги — учебники христианства и письменности на родном языке. Благодаря Стефану Пермскому коми письменные памятники стоят наравне с такими родственными финно-угорскими, как венгерские и карельские. Примечателен такой факт, что если у венгров сохранилось 270 слов связного текста от XII века да столько же от XIII-XIV веков, у карел — всего 15 слов от XIII-XIV веков, то у коми зафиксировано 832 слова связного текста. По мнению ученых, коми письменные памятники точнее передают язык XIV века, нежели венгерские тексты. В противном случае было бы трудно перевести священную терминологию христианства на коми язык⁸.

Язык коми принадлежит к финно-угорской группе, но в его словарный фонд вошло очень много русских терминов. Строй языка коми резко отличается от русского, вместе с тем у него есть значительное количество близких и дальних «родственников» — языков народов, проживающих на верхней Каме, средней Волге, а также среди народов стран Восточной Европы, Прибалтики, Скандинавии и других регионов. Все это является результатом давних хозяйственных и этнокультурных связей как древнего, так и современного населения.

Попутно заметим, что на хозяйственный, культурно-бытовой характер жизни народа, его мировоззрение оказал заметное влияние естественно-исторический фактор. В частности, в конце XVI — начале XVII вв. было отмечено движение по Печоре и ее притокам различного промышленного и торгового люда. Это способствовало приобщению местного населения к культуре производства других регионов, расширяло и углубляло его представления о системе материальных и духовных ценностей, политических явлениях, происходивших в обществе.

В дальнейшем анализируемый процесс усилился за счет новой миграционной волны из северо-западных и центральных районов России.

Данный феномен на этот раз был связан со старообрядчеством, как специфическим религиозным движением. Отечественная история свидетельствует, что в 60-е годы XVII в. в России возникает раскол старообрядчество, получившее широкое распространение среди крестьянства, посадских людей, стрельцов, казачества. Народные массы рассматривали отход от официальной религии и церкви как своеобразный протест против усиливающегося феодалного гнета, прикрываемого и освящаемого церковью. Однако их социальные интересы были завуалированы религиозно-идеологическими мотивами. Это массовое стихийное движение происходило с 70-х годов XVII в. вплоть до 30-х годов XVIII в., а центром старообрядчества на европейском Севере постепенно становится Усть-Цилемская слобода.

Старообрядчество — это не только своеобразная форма протеста, но с ним связана целая система строгих жизненных правил, специфических бытовых явлений. Поселившись на Печоре, старообрядцы заметно изменили самобытный колорит местного населения, придав ему черты известной обособленности «православных» русских, здесь проживающих. Взаимные хозяйственные и этнокультурные связи наложили глубокий отпечаток на политические, духовные ценности переселенцев, в том числе и на языковую практику. Последняя нашла свое отражение в переносе ударений на первый слог в словах русского и нерусского происхождения (очевидно, это влияние коми языка), резком повышении голоса в конце фразы, придающем разговорной речи неповторимое своеобразие и колорит, определенно нерусский оттенок⁹.

У древних коми, проживавших в бассейне р. Вычегда, просматриваются два этапа в развитии культуры: ранний (X-XI вв.) и поздний (XII-XIV вв.), в течение которых сложилась и оформилась относительно единая культура перми вычегодской, явившаяся основой культуры коми-зырян. Последняя вызвала к жизни изменения в экономике, прежде всего в системе земледелия. В этот период безусловную победу в материальной культуре одержало железо, которое «сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашни широких лесных пространств...»¹⁰.

Одновременно появляются различные орудия труда, широко используемые при обработке земли и, в частности, железные топоры, которые особенно были необходимы при ведении подсечно-огневой системы земледелия, сохранившейся вплоть до XVIII века. Скорее всего последнее культивировалось без применения тягловой силы животных, которые стали постепенно использоваться в земледелии (на

чая с XII в.). В этот период земледелие скорее всего представляло собой перелог, при котором участки земли обрабатывались лишь в течение нескольких лет, а затем забрасывались и использовались под пастбища или сенокос. Трехполье в Коми крае, как более высокий уровень агрикультуры, стало появляться лишь в XVI веке. Одним словом, освоение северных земель сопровождалось суровым испытанием человеческого коллективизма, с помощью последнего преодолевались многочисленные трудности, ибо природные и климатические условия не баловали жителей Коми, да и сами почвы были малопродуктивны.

Промышленный промысел в Коми крае возник позже и развивался очень медленно. Солеваренное производство в с. Серегово появилось в XVII в. (добывалось более 300 пудов соли). Во второй половине XVII века в крае создаются три металлургических (железодельный и два чугунолитейных) завода в Кожиме, Ньючмие и Ньюпасе. Основной рабочей силой на них были привозные крестьяне, а на подсобные работы привлекалось и местное население.

Историческое наследие просветителя XIV века Стефана Пермского занимает достойное место в истории возникновения и развития общественной и предфилософской мысли в Коми крае. К этому времени относится и формирование коми как этнической общности. Подвижническая деятельность крестителя коми-зырян нашла довольно рельефное отражение в Житии Стефана Пермского, написанном современником, продолжателем его идей монахом Епифанием Премудрым (конец XIV — начало XV вв.). Автор этого библиографического произведения был не только блестящим русским писателем, но и изографом. В упомянутом документе, являющемся историко-литературным памятником, содержится богатая информация о географическом положении края, социально-экономических отношениях, материальной культуре и дохристианских верованиях древних пермян, о некоторых политических событиях. «Житию» Стефана свойственны те же недостатки, что и вообще церковной литературе. В нем объективное изложение фактов и событий переплетается с описанием «чудес», тем не менее упомянутый документ содержит широкий спектр сведений о развитии хозяйственных процессов, довольно подробное повествование о верованиях и обрядах местного населения. Однако неоценимым источником по верованиям древних коми служат исследования этнографов, которые в основном стали осуществляться только с XVIII в.

Следует подчеркнуть, что Епифаний в своем произведении, несомненно, идеализирует личность Стефана, особенно его миссионер-

скую деятельность. Видимо, не случайно современными учеными имя Стефана Пермского ставится в один ряд с такими крупнейшими и выдающимися деятелями культуры и просвещения, как Иван Федоров, Юрий Крижанич, Сильвестр Медведев, Феофан Прокопович и др.¹¹ Примечателен в этом отношении и тот факт, что процесс вхождения северного края, включая и коми народ, в состав Московской Руси, был осуществлен не мечом и огнем, а книгой, просвещением. Неоценимая заслуга в анализируемом историческом акте принадлежит и создателю древнекоми письменности Стефану Пермскому и его преемникам, епископам Герасиму, Питириму, Иону.

Однако после смерти Стефана Пермского в 1396 г. уже при первых его преемниках роль древнекоми письменности в жизнедеятельности народа резко уменьшилась. Последующие пермские епископы коми язык не знали и поэтому не могли культивировать древнекоми письменность. Богослужение исполнялось на официальном церковнославянском языке, принятом на Руси, а обучение церковнослужителей коми языку прекратилось, и школа при Михаило-Архангельском монастыре была со временем закрыта. От древней коми письменности сохранилось незначительное наследство, которое состоит из нескольких списков азбуки, надписей на иконах и приписок в русских рукописных книгах XV-XVI вв., выпущенных в свет и подготовленных на основе стефановского букваря.

Среди главных причин, приведших к исчезновению древнекоми письменности, следует назвать не только ту, что пермские епископы утратили потребность в ней при исполнении своих функциональных обязанностей. По нашему мнению, ключ к разгадке следует искать в том, что к середине XVIII века древнекоми письменность устарела, хотя в разговорной практике она и использовалась среди черного (монастырского) духовенства. Этот язык перестал быть понятным для коренного населения, ибо на протяжении последних веков он в значительной мере конструктивно изменился.

Уже в XVIII в. для коми письма стали использоваться русские буквы. После закрытия школы, организованной Стефаном Пермским, обучение грамоте велось путем индивидуального ученичества. Какой-либо стройной системы образования в период XV-XVIII вв. в Коми крас не сложилось. Лишь в конце XVIII в. в Усть-Сысольске была создана группа по обучению на должности волостных и сельских писарей, которых учили грамоте, правильно составлять и оформлять канцелярские бумаги.

Между тем эти попытки до народных масс не дошли, простой людом Коми края продолжал оставаться в массе своей неграмотным. Данное обстоятельство, а также полное нежелание царского правительства России заниматься просвещением и развитием культуры народа коми привели к тому, что профессиональные формы не получили должного развития. Вместо этого широко были распространены фольклор, танцы, пляски и различные игры. В фольклоре коми имелись самые разнообразные жанры: эпические сказания и былины, сказки, легенды, песни, пословицы и поговорки, загадки. В них нашли отражение наблюдения за природой, советы по ведению хозяйства, бытовые правила и т. д., хотя многие из них не имели практического содержания.

В эпических поэмах и прозаических сказаниях коми чаще всего воспевались подвиги богатырей. В тех из них, которые отражали местную жизнь, главными героями являлись удачливые охотники, оленеводы, торговцы, крестьяне. Народ пытался воспользоваться особыми чертами своих героев для того, чтобы добиваться больших успехов в реальной жизни.

Эпос по природе своей выражает творческие начала общечеловеческого, а поэтому в его создании участвовали группы сопредельных или родственных в языковом отношении народов. В частности, среди коми были известны былины о русских богатырях, особенно о крестьянском сыне Илье Муромце. Они оказали серьезное влияние на коми эпос, ибо большинство богатырей коми народа в этих сказаниях также выступают активными защитниками Русской земли против татаро-монгольских и иных захватчиков.

В фольклорных произведениях коми отражены условия жизни, специфика быта и уровень знаний народа, в т. ч. и черты, которые характеризуют жизнь коми народа в XV-XVIII вв. Анализируемый процесс весьма динамично раскрывают пословицы и поговорки, в которых содержатся наблюдения за природой, советы по ведению хозяйства, бытовые правила.

Богатым был и песенный жанр, включающий песни обрядовые, семейно-бытовые, плясовые, игровые, хороводные, шуточные, трудовые, любовные и лирические. Песни и пляски исполнялись под музыкальное сопровождение. Коми музыкальными инструментами являлись разнообразные берестяные рожки и ивовые дудки, многоствольные флейты, многовидовые ударные инструменты.

Особое место в коми фольклоре занимали разножанровые сказки: волшебные, о животных, бытовые, шуточные. Многие из них, передаваемые из поколения в поколение, возникли в седой древности и со-

хранились до наших дней. В этих эпических сказаниях отражалась быденная жизнь населения коми, т. е. охотничьи и рыболовецкие, а также земледельческо-скотоводческие дела. Люди верили в реальное существование сверхъестественных сил — леших, водяных, домовых, злых Емы и Яг-Морта. Жанр фольклористики позволяет глубже осознать суть культурно-бытовой специфики жизни коми народа, процесс его эволюции в области мировоззрения.

Несмотря на тяжелые условия существования народа коми, его мировоззрение, духовно-нравственный потенциал в целом постепенно поднимался, и большую роль в этом сыграли постоянно углубляющиеся и расширяющиеся экономические и культурные связи с народами России. Эти контакты приводили к многочисленным заимствованиям в языке и культуре, которые не уничтожали, а развивали и обогащали основу, выступающую в качестве доминанты формирования культурно-бытовой общности коми населения. Непрерывно возрастающее русское влияние насаждалось на местные традиции, обычаи. В результате создавался индивидуально-неповторимый этнографический колорит, характерный для всего Коми края.

Праздники и обряды, тесно связанные с трудовой деятельностью, являлись одной из составляющих духовной жизни крестьянства, но при господстве религиозной идеологии. Характерно, что абсолютное большинство праздников отмечалось по календарю Русской православной церкви. При этом древние коми знали счет, например, отсчет времени у них велся по годам, дням и времени суток. Во времени и пространстве они ориентировались по луне и звездам, что свидетельствовало об уровне их знаний естественных процессов, происходящих в объективной реальности.

Культура на Руси утверждалась под религиозной оболочкой, однако это еще не дает оснований утверждать, что религия являлась единственным ее носителем. Большую роль в развитии преемственности духовных традиций коми народа сыграли и другие формы, в том числе и фольклористика. И здесь, думается, необходимо усилить исследовательскую работу, тем более, что христианских легенд у коми народа немного. Последние чаще всего рассказывают о знамениях, которые будто бы предвосхитили то или иное значительное событие в жизни народа. В легендах коми очень часто в качестве одного из персонажей фигурируют представители животного мира и знахарь.

Наука не была достоянием народных масс. Знания, полученные в результате наблюдений и накопленного опыта предшествующих поколений, служили единственным руководством в жизни и труде. Люди

лечились народными средствами, обращались за помощью к знахарям, колдунам и коновалам, а чаще всего к народной бане¹².

Поскольку религия доминировала в теоретическом мышлении, идейная оппозиция неизбежно приобретала религиозную форму, вырабатывая формы и положения, которые были отличны от религиозных догматов. Интерес к этическим вопросам привносился христианством всюду, где оно получало распространение. Благодаря тому, что христианство тесно связано с этикой, оно стало мощным социальным регулятором и воздействовало на общественную жизнь в гораздо большей мере, чем предшествующие ему языческие религии.

К сожалению, до сих пор одним из «белых пятен» в становлении цивилизации в Коми крае является то, что здесь отсутствует целостная концепция становления искусств. Между тем многовековая культурная традиция народа коми в области изобразительного искусства довольно богата своими самобытными ремеслами, представленными изделиями из дерева, железа, кости, камня. Многие из них представляли собой изображения культового характера, включающие различные образы-символы. При этом особое место занимало декоративно-прикладное искусство. Более чем 500-летняя «христианская цивилизация» у коми-зырян проявилась в том, что к двадцатому столетию работа в области деревянной скульптуры представлялась как исполнение скульптур для храмов.

Искусство народа вбирает в себя и зодчество. Здание Троицкого собора, построенного в Усть-Сысольске в 1735-1763 годах, перекликалось с формами старинных церквей Великого Устюга. Архитектура северных храмов во многом следует общепринятым правилам в церковном строительстве. Но интересно отметить, что эти строения очень удачно вписывались в местный ландшафт. Думается, особого, серьезного разговора и культурологического осмысления в сфере этногенеза и этнической истории требует оригинальное собрание образцов народного деревянного зодчества Коми края. Деревни Севера с их рублеными бревенчатыми избами, фронтоны крыш и крыльца хранят местные традиции народной культуры и неповторимое по своей оригинальности высокохудожественное мастерство, представляющее интерес для творческого изучения.

Развитие русской философской мысли оказывало непосредственное влияние на развитие предфилософской культуры народов нашей многонациональной страны, в том числе и Коми края. Многовековые контакты коми и русского населения способствовали духовному взаимодействию и взаимообогащению обоих народов, служили хорошим

подспорьем в приумножении общечеловеческих ценностей, вынесенных народами из глубины веков и внесших достойный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Однако неравномерность всемирно-исторического процесса привела к огромным различиям между народами в их экономическом и культурном развитии, а следовательно, оказала влияние на динамику и масштабы прогресса сопредельных этносоциальных образований. Анализируя проблему общего и особенного применительно к объекту исследования, следует постоянно иметь в виду эти взаимные воздействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. С. 19.
- ² Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми. Л., 1928. С. 107-126.
- ³ Гагарин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М.: Наука, 1978. С. 37-38.
- ⁴ Савельева Э. А. Пермь вычегодская. К вопросу о происхождении народа коми. М.: Наука, 1971. С. 129-130.
- ⁵ Королев К. С. Новый район обитания вычегодских пермян. Сыктывкар, 1979.
- ⁶ Коми легенды и предания. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. С. 11.
- ⁷ Микусев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л.: Наука, 1973. С. 4.
- ⁸ Жеребцов Л. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1985. С. 13.
- ⁹ Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. С. 91.
- ¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 163.
- ¹¹ Сухов А. Л. Русская философия: пути развития. Очерки теоретической истории. Отв. ред. Н. Ф. Уткин. М.: Наука, 1989. С. 79.
- ¹² Ильина И. В., Шабает Ю. П. Баня в традиционном быту коми // Вопросы этнографии народа коми. Труды института языка, литературы и истории. КОМИ филиал АН СССР. Вып. 32. Сыктывкар, 1985. С. 109-119.

СЕВЕРНОРУССКИЙ СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД XVIII ВЕКА: пространство, населенность, клир

Сельский православный приход Русского Севера¹, к сожалению, исследован неравномерно и недостаточно. Популярной темой исторических сочинений он был лишь в последние десятилетия XIX — начале XX века, т. е. в период известного оживления приходской жизни и набиравшего силу движения за реформирование традиционного приходского устройства. Изучение приходской истории Севера шло тогда двумя направлениями: путем подготовки фундаментальных университетских монографий и средствами местного историко-церковного краеведения.

Наиболее яркими итогами первого направления стали работы А. А. Папкова, М. М. Богословского, В. Верюжского и С. В. Юшкова². Каждым из авторов была найдена своя грань проблемы: А. А. Папков рассмотрел средства и методы правительственного воздействия на сельские приходы, взяв во внимание весьма длительный исторический период с XI по XIX век; В. Верюжский предпринял попытку выяснить состояние внутприходских отношений и их эволюцию в связи с образованием на Архангельском Севере самостоятельной епархии в 1682 году; М. М. Богословский тщательно обрисовал роль северного православного прихода в системе «волость — приход — община» — традиционной сельской триаде земского самоуправления допетровской Руси; С. В. Юшков дал анализ различным линиям правоотношений, возникающих в связи с функционированием прихода. Итогом их усилий стало формирование общей концепции становления, функционирования и эволюции сельского прихода на Севере России. Мысль о генетическом единстве земского и приходского устройства в регионе, где абсолютно и относительно доминировало черносошное крестьянство с известной степенью личной свободы и автономией самоуправляемых сообществ, была положена в ее основу. Однако очевидно, что эта концепция строилась преимущественно на материалах XV-XVII веков. Развитие же прихода в XVIII веке очерчивалось лишь в общем плане.

Второе направление реализовывалось через статьи в северной провинциальной периодике³, издание отдельных брошюр по истории наиболее известных приходов⁴, а также специальной серии книг.

систематизировавшей собранные по определенной программе исторические сведения о каждом приходе⁵. Как правило, эти сочинения содержали добросовестный пересказ древнейших сведений о строительстве и последующих перестройках приходских храмов, публикации хранящихся в храмах старинных грамот, описание приходского пространства и его святынь, прихожан и их традиций, легенд и преданий, упоминали наиболее значительные события в истории прихода (приезды епископа, открытие школы и библиотеки, уникальные явления природы, чудеса и знамения и т. п.). Постепенно создавался корпус базовых знаний по истории севернорусских приходов. Вместе с тем, местные исследования в ряде случаев страдали некритическим отношением к источникам, дилетантизмом и беспроblemностью исполнения, узким взглядом на предмет изучения. Можно считать, что второе направление развивалось, как бы минуя концепции и наблюдения первого, так же, как первое редко пользовалось достижениями второго. Не вызывает сомнений, что логика познания темы в конце концов сомкнула бы усилия исследователей, но потрясения 1917 и последующих лет фактически прервали эту тенденцию и надолго вычеркнули историю прихода как самостоятельную тему из сферы допустимого в российской исторической науке.

Неудивительно, что достигнутое дореволюционными историками имело свои пределы. Проблемы эволюции севернорусского сельского прихода XVIII века в полной мере так и не были поставлены, а выявление и осмысление источников остановилось в самом начале⁶. Между тем не вызывает сомнений особая значимость XVIII столетия для судеб православного прихода на Русском Севере. Помимо воздействия изменений в правовом и общественном статусе Церкви, вызванных известными реформами Петра I и Екатерины II, приходы Севера испытывали влияние ряда региональных факторов, из коих на усиление правительственной регламентации всех сторон жизни государственных крестьян⁷ и учреждение самостоятельных севернороссийских епархий с центрами в Холмогорах и Великом Устюге, а также на умаление деятельности и роли знаменитых северных монастырей⁸ следует обратить отдельное внимание.

Статусные, структурные и функциональные изменения в сельском приходе могли обернуться на Севере куда более серьезными последствиями, чем где бы то ни было. Это предположение исходит из признания органичного слияния прихода с жизненно важными институтами местного крестьянства и утвердившейся в XVI-XVII веках особой системы взаимоотношений деревенского мира с клиром. Неи-

зученность конкретно-исторической картины таких изменений мешает дальнейшему осмыслению и других сторон истории и культуры Севера.

В послереволюционной историографии истории Севера XVIII века отдельные изменения в религиозной жизни региона фиксировались⁹, однако до специального изучения прихода дело так и не доходило. И тем не менее возобновление прерванной когда-то темы — как это ни парадоксально — может ныне произойти на заметно обогащенной историографической и источниковой основе. Циклы работ по истории северного крестьянства¹⁰, исторической географии и демографии региона¹¹, достижениям и традициям народной культуры и ее семиотике¹², эволюции крестьянских настроений и правосознания¹³, а также издание ряда массовых источников по истории Севера XVIII века¹⁴ позволяют реконструировать состояние и жизнедеятельность приходских сообществ с более полным, нежели ранее, учетом всех факторов конкретно-исторической среды¹⁵.

В рамках данной статьи предпринимается попытка реконструировать количественные параметры севернороссийского сельского прихода. Именно эта задача представляется нам первоочередной, поскольку призвана заложить базовые данные для дальнейшего исследования приходских сообществ и их эволюции в XVIII столетии.

Документальная основа для решения поставленной задачи вполне достаточна. В архивах Вологодской, Великоустюгской и Архангельской консисторий сравнительно полно и в хорошей сохранности находятся такие массовые церковные источники XVIII века, как исповедные и метрические книги¹⁶. Известные в качестве ценнейшего источника по демографии¹⁷, они дают и ряд сведений по интересующему нас вопросу (состав клира, количество поселений в приходе, границы прихода, сословный состав прихожан и т. д.). Все это существенно дополняется корпусом многочисленных и информативно насыщенных служебных документов внутриепархиального управления: рапортами благочинных, списками священно- и церковнослужителей и их семей, делами о назначениях и перемещениях и пр. Имелась также возможность сопоставить получаемые наблюдения с некоторыми данными ревизий¹⁸. Большую ценность для пространственных характеристик приходов имели экономические примечания к Генеральному межеванию земель, а также планы и карты уездов¹⁹.

Взятые в комплексе, источники восстанавливают количественные, пространственные и структурно-иерархические параметры сельского прихода XVIII века. Из них в первую очередь рассмотрим

массовые сведения о размерах и людности. Подвергнем эти сведения выборочному анализу, используя общепринятое природно-географическое и хозяйственно-экономическое районирование Европейского Севера России²⁰. С этой целью выделим те группы приходов, которые несут в себе типичные черты церковно-приходского устройства различных зон Севера. В общей сложности было отобрано 186 приходов, т. е. около 25% их общего количества в Архангельской и Устюжской епархиях: 1) из северо-западной зоны избрано 6 кольских приходов, существовавших в прибрежной полосе Крайнего Севера, где занятия морским промыслом сформировали особый тип поселений и культурно-хозяйственного быта; 2) из северо-восточной зоны избраны 10 мезенских и 27 усть-сысольских приходов с их спецификой охотничье-промыслового и земледельческого кустового приречного расселения в необъятных лесных массивах; 3) из зоны нижнего Подвинья подвергнуты специальному рассмотрению 33 холмогорских прихода, располагавшихся в наиболее развитой и населенной округе; 4) из зоны Центрального Поморья учтены три группы приходов — 39 шенкурских, 35 красноборских и 36 тотемских — места старого крестьянского заселения в бассейне среднего Подвинья и Присухонья, древнейший земледельческий очаг Европейского Севера.

В таблице 1²¹ приведена группировка приходов в зависимости от количества населенных пунктов и численности населения. Полученные результаты позволили выявить некоторые общие для XVIII века параметры сельских приходов Севера: явно преобладали приходские сообщества с количеством деревень от 4 до 30 (80%) и численностью населения от 300 до 1500 прихожан обоего пола и всех возрастов (73%). Подобные пределы создавали вполне оптимальные условия для выполнения православных обязанностей всеми — паствой и пастырями, разумеется, на уровне их осмысления в XVIII веке и с учетом традиций региона. Последнее обстоятельство обязывало подвергнуть полученную информацию более детальному анализу и очертить типологию сельских приходов.

Тип I составили крупные приходы, населенность которых превышала 1000 человек. Для них церковные власти разрешали иметь «усиленный» клир — 2-х священников, 2-х диаконов, 2-х дьячков, 2-х пономарей и т. д., т. е. создавали двухприходской, а то и трехприходской клир. Тип этот имел свои варианты.

IA — крупный приход, состоявший из большого села и примыкавших к нему нескольких мелких поселений. Таких приходов было немного, и они встречались на Кольских берегах, по рекам Мезени и

Печоре (Варзуга, Кереть, Усть-Цыльма, Ижма, Койнас), т. е. на крайнем северо-востоке и северо-западе региона.

I Б — крупный приход, состоявший из большого числа деревень, размещавшихся в непосредственной близости друг от друга. Примером был Никольский Зачаческий приход Холмогорского уезда. По данным исповедной книги 1793 года, в его состав входили 44 деревни, проживало 1,5 тыс. прихожан²². Приход располагался по реке Чаче, впадающей в Емцу (левый приток Северной Двины). Четыре деревни располагались в непосредственной близости от приходских храмов, а остальные находились по обоим берегам Чачи, но не далее 5 верст. Сообщение с приходскими храмами оценивалось как беспрепятственное. Такие приходы встречались в районах относительно плотного заселения по приречьям северных больших рек — Нижнего и Среднего Подвинья, в Устюжских землях вдоль Сухоны, в Тотемских — по некоторым притокам Сухоны, в Сольвычегодских — вдоль Вычегды.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ
80 — 90-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Населен- ных мест	Население						Итого
	до 300 чел.	301-500 чел.	501- 1000 чел.	1001- 1500 чел.	1501- 2000 чел.	свыше 2000 чел.	
1-3	$\frac{10}{\text{к-4 х-1 ш-1 т-4}}$	$\frac{4}{\text{с-2 т-2}}$	$\frac{4}{\text{м-1 с-3}}$	$\frac{1}{\text{с-1}}$			19
4-7	$\frac{11}{\text{м-1 ш-4 кр-1 т-5}}$	$\frac{12}{\text{с-2 т-3 х-1 ш-3 кр-1}}$	$\frac{9}{\text{к-1 т-1 м-1 с-4 кр-2}}$	$\frac{5}{\text{к-1 с-4}}$			37
8-10	$\frac{2}{\text{кр-2}}$	$\frac{9}{\text{х-4 ш-3 т-2}}$	$\frac{10}{\text{м-3 с-3 т-2 х-1 ш-1}}$		$\frac{1}{\text{с-1}}$		22
11-15	$\frac{1}{\text{т-1}}$	$\frac{7}{\text{х-2 ш-3 кр-1 т-1}}$	$\frac{21}{\text{с-2 х-5 ш-7 т-7}}$	$\frac{7}{\text{м-2 с-3 х-2}}$	$\frac{1}{\text{кр-1}}$	$\frac{2}{\text{м-2}}$	39
16-20		$\frac{1}{\text{кр-1}}$	$\frac{14}{\text{ш-3 х-5 кр-4 т-2}}$	$\frac{6}{\text{с-1 х-3 кр-2}}$	$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{1}{\text{кр-1}}$	25

Населен- ных мест	Население						Итого
	до 300 чел.	301-500 чел.	501- 1000 чел.	1001- 1500 чел.	1501- 2000 чел.	свыше 2000 чел.	
21-30		$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{8}{\text{ш-6 х-2}}$	$\frac{8}{\text{с-1 х-2}}$ кр-2 ш-3	$\frac{5}{\text{х-2 т-1}}$ кр-2	$\frac{2}{\text{кр-2}}$	26
31-40			$\frac{3}{\text{кр-3}}$	$\frac{2}{\text{х-1 ш-1}}$	$\frac{1}{\text{т-1}}$		6
св. 40				$\frac{3}{\text{х-1 х-1}}$ кр-1	$\frac{4}{\text{х-1 т-3}}$	$\frac{5}{\text{ш-1 т-1}}$ кр-3	12
Итого	24	36	69	32	15	10	186

П р и м е ч а н и е: над чертой указано суммированное количество приходов, под чертой — количество таких приходов по каждой из зон: к — кольские, м — мезенские, с — усть-сысольские, х — холмогорские, кр — красноборские, ш — шенкурские, т — тотемские.

І В — крупный приход, состоявший из большого количества деревень, разбросанных на значительном расстоянии. Примером был Дмитриевский Устьянский приход, где 24 деревни (1600 прихожан) растянулись по реке Устье на 125 верст²³. Такие приходы можно было встретить в зоне Центрального Поморья, там, где население обживало водоразделы и лесную целину и где была самая низкая плотность населения — Красноборские, Никольские, Тотемские земли.

Тип ІІ составили приходы среднего размера с населением от 500 до 1000 человек. Это самый распространенный тип северных сельских приходов XVIII века. Рассмотрим его варианты.

ІІ А — средних размеров приход с компактным размещением деревень. Так, Благовещенский Вожбальский приход (Тотемский уезд) включал в начале 80-х годов XVIII века 17 деревень с общим населением около 700 человек. Деревни размещались не далее 5 верст от храма²⁴. Такие приходы были распространены повсеместно, за исключением зоны Крайнего Севера.

ІІ Б — среднего размера приход с поселениями, разбросанными на значительные расстояния. Такой вариант встречался заметно реже, главным образом, в местах сравнительно позднего заселения и продолжавшихся миграций.

Тип ІІІ составили малые приходы, в коих прихожан было менее 500. Они встречались повсеместно, но имели очевидные различия.

III А — малый приход, учреждаемый в XVIII веке на месте бывшей пустыни или небольшого монастыря. Чаще всего им был небольшой куст деревень с населением в 150-250 человек. Так, в Двинской трети Красноборского уезда после закрытия Троицкой Соезерской пустыни на ее месте был учрежден небольшой приход — 8 деревень с 215 жильцами²⁵, которые и продолжали содержать храм и клир — попа и дьячка. Все деревни были поблизости от храмов. Добрую службу такому малому приходу оказывала популярность бывшего монастыря, еще долгое время притягивавшая к нему прихожих богомольцев. Такие приходы встречались редко, но повсеместно — там, где накануне секуляризации или во время оной (1764 г.) закрывались малые монашеские обители.

III Б — малый приход, отделявшийся по просьбе прихожан и особому разрешению епископа от разросшегося большого прихода. Такие приходы были невелики по населенности, но плотны по расселению. Примером был Ваенгский приход, затерявшийся среди лесов и топких болот, в стороне от дорог. В него входили 7 деревень с 400 прихожанами. До XVIII века все они состояли в Усть-Ваенгском приходе (Шенкурский уезд), но неудобства сообщения с приходским храмом подтолкнули местных жителей на строительство — сначала часовни во имя Николая Чудотворца, а затем (вероятно, в конце XVII века) церкви. Имея свой храм, они какое-то время продолжали входить в Усть-Ваенгский приход, а в 1705 году выделились в самостоятельное приходское сообщество²⁶. Такие приходы встречались в местах недавнего расселения и на путях продолжавшихся в XVIII веке миграционных потоков (реки Луза, Юг, Мезень, в глухих уголках Тотемского, Вельского, Устюжского, Яренского уездов).

III В — малые приходы, имеющие богатых покровителей. Обычно состояли из одного-двух селений. Таким был, например, Вавчугский приход Холмогорского уезда. Приходская церковь была устроена здесь в 1708-1710 гг. владельцем первой корабельной верфи купцом Никифором Бажениным. Он и его семья в течение длительного времени фактически содержали церковь, поскольку приписных к верфи крестьян не насчитывалось и 200 человек²⁷. Такая же история была и на Кажемском железном заводе Усть-Сысольского уезда, где рядом с предприятием была построена церковь на средства купцов Курочкиных и Юринских²⁸. Для малых приходов поморских сел Беломорья подобными покровителями выступали монастыри (Соловецкий, Николо-Корельский и пр.), а также артели поморов-промышленников. Так, в Понойском приходе в 1785 году числилось лишь 20 прихожан.

Однако здесь возвышалось два храма, чтимых и популярных, в одном из которых хранилось Евангелие, подаренное еще Никоном — будущим патриархом²⁹. Лишь покровительство поморских артелей, управлявшихся отсюда на океанский промысел и творивших здесь молебны, да помощь Соловецкой обители поддерживали существование прихода.

В целом на Русском Севере абсолютно и относительно преобладали приходы II и III типа. Но в то же время очевидно, что в различных зонах региона от 42% до 64% крестьянского населения проживало в приходах I типа — таблица 2³⁰. Одним словом, несмотря на численное преобладание средних и малых приходов, все же для большей части северных крестьян привычными были условия крупной приходской общины.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (в %) ПО ТИПАМ СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ В XVIII ВЕКЕ

Уезды, по которым проведены подсчеты	Тип I	Тип II	Тип III
Северо-западная зона: Кольский, Кемский уезды	41,9%	26,9%	31,2%
Северо-восточная зона: Мезенский, Усть-Сысольский, Яренский, Печорский уезды	59,5%	32,8%	7,7%
Нижнее Подвинье: Архангельский уезд	64,0%	20,5%	15,5%
Центральное Поморье: а) Тотемский, Красноборский, Шенкурский, Холмогорский уезды	56,8%	28,7%	14,5%
б) Устюжский, Никольский, Сольвычегодский уезды	55,1%	36,8%	8,1%

Какова внутренняя структура приходского сообщества, ее количественные характеристики? Прежде всего ей свойственно постоянство состава прихожан. Таковыми являлись все люди православного вероисповедания, проживающие на территории данного прихода, зафиксированные здесь ревизскими сказками и другими учетно-фискальными документами государства³¹. Их поименный список в XVIII веке — яркая примета времени — стал строго фиксироваться специальной документацией (исповедными книгами, например). Можно

считать, что проведенная Петром I податная реформа, сопровождавшаяся уточнением сословных границ и более жестким, чем прежде, прикреплением населения к месту жительства, способствовала и предельно конкретному оформлению состава прихожан.

Сельские приходские сообщества, как правило, были сословно однородны. В то же время отдельные представители других сословий в минимальном количестве были почти в каждом приходе — таблица 3³².

Таблица 3

**ВАРИАНТЫ ТИПИЧНОГО СОСЛОВНОГО СОСТАВА
СЕЛЬСКИХ ПРИХОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
в 90-е годы XVIII в.**

Приход	Всего прихожан и в каком году	Из них			
		крестьян	посад- ских или купцов	отстав- ных военных с семьями	солдаток и солдат- ских детей
Николаевский приход в Дравяновской кулиге Красноборского уезда	467 в 1790 г.	457		2	8
Воскресенский приход Верхнематигорской волости Холмогорского уезда	1230 в 1793 г.	1212		2	16
Благовещенский Старототемский приход Тотемского уезда	289 в 1790 г.	270	10	9	

Однако, с точки зрения Церкви, подобные различия не имели решающего значения. Приход был призван консолидировать всех. Как прихожане все постоянно проживающие на приходской территории, независимо от своего статуса, составляли «народ Божий», объединенный вокруг храма и нуждающийся в духовном пастыре.

Если структурообразующими элементами волости и общины были двор (дворовладение) и ревизская душа, то в сфере религиозно-духовного бытия такими элементами являлись православная семья и каждый из ее членов. В православном понимании приходское сообщество также уподоблялось большой семье во главе с отцом-пастырем. И как

в семье есть дети и родители, старшие и младшие, сильные и слабые (т. е. взаимоотношения и весь уклад определялся иерархией возраста, пола, родства), так и в структуре приходского сообщества принципиальное значение имели аналогичные различия. Именно ими определялось место человека в повседневном и праздничном течении приходской жизни, православной обрядности и тайносовершительстве.

Попробуем представить такую структуру сельского приходского сообщества на примере трех приходов различного типа — таблица 4³³.

Таблица 4

**ВАРИАНТЫ ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ПРИХОЖАН
В НИЖНЕДВИНСКИХ ПРИХОДАХ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА**

Приход, количество деревень и дворов	Общее количе- ство прихожан, в т. ч. мужчин и женщин	Возрастные группы						
		до 7 лет м/ж	от 7 до 15 м/ж	от 16 до 20 м/ж	от 21 до 40 м/ж	от 41 до 60 м/ж	от 61 до 80 м/ж	св. 80 м/ж
Кивокурский Вознесенский, 30; 116	1056 496/560	83/95 16,9%	106/95 19,0%	41/50 8,6%	120/151 25,7%	95/121 20,4%	50/47 9,2%	1/1 0,2%
Дмитриевский Николаев- ский, 26; 143	1699 843/856	179/173 20,6%	219/199 24,6%	89/90 10,4%	212/244 26,8%	124/129 14,8%	20/21 2,0%	
Нижнемати- горский Богослов- ский, 6; 86	471 208/263	28/36 13,6%	37/41 16,5%	19/24 9,1%	58/77 28,6%	53/62 24,1%	10/19 6,1%	3/4 2,0%

Как видно, наибольшую группу прихожан составляли мужчины и женщины в возрасте от 21 до 60 лет, т. е. взрослые, самостоятельные, как правило, семейные люди: от 45% до 52%. Именно на их плечи ложилось содержание храма, воспитание детей и передача новым поколениям приходских традиций. Среди них возникали малочисленные, но крайне ценные группы прихожан — книжники, паломники, вкладчики и пр. Из этой возрастной группы избирался приходской

актив. В крупном приходе насчитывалось 700 и более взрослых, в средних — до 450-500, в малом — до 200-250.

Вторую группу составляли дети и подростки до 15 лет — от 30% до 45%. Своеобразным рубежом внутри этой группы был 7-летний возраст, по достижении которого родители обязывались регулярно приводить детей на исповедь, что и учитывалось в исповедных книгах. Дети и подростки должны были учиться отвечать за свои проступки, соизмерять их с нормами народно-христианской этики. В крупном приходе насчитывалось 800 и более детей и подростков, в среднем — до 350-400, в малом — до 150. В каждом случае дети до 7 лет составляли половину указанной численности.

Группа 16-20 лет — женихи и невесты³⁴ — составляла от 8% до 10% прихожан: в крупных приходах — 170-180 и более, в средних — до 80-90, в малых — до 40-50 человек. Весьма значительной в приходских делах могла быть роль стариков, чья доля колебалась от 3% до 10%. Советы стариков по соблюдению тех или иных поведенческих установок, обрядовых действий имели большое влияние на прихожан. Они чаще, чем в прежние периоды жизни, бывали в храме, тщательно и задолго готовились к смерти.

Отдельные демографические группы составляли холостяки, старые девы и сироты. Их доля в приходском населении не превышала 3-6%, однако и к ним приходские обычаи вырабатывали свое отношение³⁵.

В завершение попытаемся выяснить реальную укомплектованность сельских приходов церковно- и священнослужителями. При этом будем иметь в виду, что приходская практика той эпохи знала три допустимых варианта комплектования клира: 1) 4-членный — священник, диакон, дьячок, пономарь; 2) 3-членный — священник, дьячок, пономарь; 3) 2-членный — священник, дьячок (пономарь). Первый вариант в наилучшей степени способствовал уставному богослужению и правилам православного благочестия, но был весьма дорог для прихода. Третий вариант рассматривался как крайний случай из разряда допустимого, но был самым дешевым.

Источники позволили выяснить состояние приходских штатов за различные десятилетия XVIII века — таблица 5³⁶. Нет сомнений — в целом штаты священно- и церковнослужителей были укомплектованы вполне достаточно. Отдельные случаи отсутствия священника или наличие лишь его одного объяснялись временными обстоятельствами.

Таблица 5

ПРИХОДСКОЙ КЛИР СЕВЕРНОРУССКИХ УЕЗДОВ XVIII ВЕКА
(реальная укомплектованность)

Состав клира	Уезды						
	Вологодский 1723 г. 123 прихода	Яренский 1723 г. 61 прих.	Тотемский		Двинский Холмогорский*		Красноборский 1790 г. 45 прих.
			1736 г. 45 прих.	1790 г. 43 прих.	1745 г. 75 прих.	1793 г. 35 прих.	
4-членный	43 прих. 34,9%	2 прих. 3,3%	7 прих. 15,6%	11 прих. 25,6%	13 прих. 17,3%	11 прих. 31,4%	14 прих. 31,1%
3-членный	48 прих. 39,0%	59 прих. 96,7%	27 прих. 60,0%	31 прих. 72,1%	30 прих. 40,0%	20 прих. 57,1%	31 прих. 68,9%
2-членный	25 прих. 20,3%	—	9 прих. 20,0%	1 прих. 2,3%	21 прих. 28%	3 прих. 8,5%	—
один священник	4 прих. 3,3%	—	1 прих. 2,2%	—	6 прих. 8%	1 прих. 2,9%	—
все должности вакантны	3 прих. 2,5%	—	1 прих. 4,3%	—	5 прих. 6,7%	—	—

* В ходе екатерининской губернской реформы Двинский уезд был окончательно расчленен на Архангельский и Холмогорский.

Но очевидно и то, что чем севернее располагался приход, тем чаще встречался вариант малочисленного клира. И тем не менее, общая тенденция развития приходских штатов состояла в постепенном переходе к стабильному 3-членному клиру, а там, где можно, — к 4-членному. В немалой степени это объяснялось усилиями учрежденных в 1682 году северных архиерейских кафедр и деятельностью образованных в 1720-30-е годы семинарий — вологодской, великоустюгской и холмогорской³⁷.

Известно, что священник должен был вести по жизни своих духовных детей от их рождения до зрелости и кончины. Правила 1667 г. указывали епископам — «священникам оставаться по смерть свою там, где посвящен»³⁸. Документы свидетельствуют, что приходские клирики XVIII века, как правило, соответствовали этому требованию. К такому выводу приводят наблюдения, сделанные при изучении перемещений приходских церковно- и священнослужителей в середине

столетия (таблица 6)³⁹. Очевидно, что лишь 13% перемещений сельских священников и 12% перемещений причетников было вызвано административно-церковным регулированием (переводом в другой приход, отстранением, запрещением священнодействовать, переводом в подушный оклад и пр.). Все остальные случаи были вызваны естественными причинами — смертью, вдовством, дряхлостью. Таким образом, еще в середине века в приходском клире Севера царила обстановка «кадровой» стабильности и доминировала практика долголетнего, пожизненного служения на одном месте. Многолетнее и многопоколенное служение на одном месте было сродни самому понятию пастырства и способствовало установлению взаимного понимания и доверия клира и мирян.

Таблица 6

**ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПРИХОДСКИХ КЛИРИКОВ
в 1745-1755 гг.**

Епархия и уезд	Общее количество оставивших свои места свящ./прич.	Из них по причине							
		смерти	старости	вдовства	перехода в другой приход	отстранения за проступки	возведения в священ-ный сан	отлучки	перевода в подушный оклад
Вологодская еп., Вологодский уезд, 95 приходов	54/66	30/28	2/23	16/4	6/3	0/2	0/4	0/2	0/0
Архангельская еп., Двинский уезд, 72 прихода	39/35	19/21	2/3	12/0	5/3	1/2	0/4	0/0	0/2

Подведем некоторые итоги. Анализ количественных параметров сельских приходов Севера позволяет думать, что в век значительных перемен в жизнедеятельности церковных институтов русского Православия они в своей основе оставались прежними, сохраняли принципиальные характеристики предыдущих столетий.

Было сохранено главное достоинство пространственной и структурной организации прихода — его многовариантность. В условиях огромного региона с редким населением и растянутыми коммуникациями такая гибкость приходского устройства оставалась важным гарантом православно-культурного единства Русского Севера. Церковь хорошо осознавала, что только таким образом она сможет исполнить здесь пастырскую и душепопечительскую миссию. Весьма показательна в связи с этим безрезультатность попыток светских властей в XVIII веке установить своего рода приходские стандарты. В ответ на требования к архиереям о «выравнивании» числа прихожан в каждом приходе⁴⁰ ни один из епископов в Вологде, Архангельске и Устюге даже не приступал к ломке системы, давно сложившейся «снизу» и так органично совпадавшей с духовными потребностями крестьян.

В крестьянстве бытовали сложившиеся представления, почти интуитивные, о допустимых пределах приходского сообщества: в слишком большом приходе «родившиеся младенцы без молитвы и без получения святого крещения пребывают по нескольку недель, другие, равно как и болящие, без всякого христианского напутствования умирают.., а старые и нездоровые слышания церковного славословия лишаются»⁴¹, в слишком малом — была угроза храмового неустройства и обнищания клира.

Продолжающееся и в XVIII веке учреждение новых приходов оставалось в рамках этих традиций.

Во многих исторически сложившихся территориях многовариантность приходских сообществ вела к складыванию своего рода межприходской иерархии. Большой («материнский») приход мог покровительствовать соседним, малым («дочерним»), практиковать выезды клириков для литургического единения, совместных молебнов, крестных ходов, обмена пастырским опытом. Такие межприходские связи, постепенно преобразовывавшиеся в благочиния, сглаживали неизбежные издержки изоляции малых и средних приходов.

В каждом крестьянском приходском сообществе Севера наблюдалась схожая внутренняя среда: однотипные демографические пропорции и относительная однородность сословного состава. Издавна это задавало функциональную роль каждой из групп прихожан. Распыленность населения по малодворным селениям, его многочисленность в большинстве случаев затрудняла исполнение пастырских задач, особенно — в сфере душепопечительства. Традиционно часть этой задачи поневоле перекладывалась на самих прихожан. И в этом случае опре-

деленное — всеми понимаемое и признаваемое — ролевое назначение различных внутриприходских групп существенно восполняло недостаток прямого пастырского воздействия, как бы компенсировало его.

Опыт самоорганизации общественной и духовной жизни Севера, не нарушая канонов Православия и во многом под их воздействием, нашел всем свое место и всех включил в качестве объектов и субъектов в различные формы приходской жизнедеятельности.

Что же касается известных новаций в приходской жизни XVIII века — усиление епархиального контроля, изменение роли церковных старост, введение новой документации, учет исповеди, введение официоза в богослужения и пр., — то они лежали главным образом в сфере функциональных характеристик, что заслуживает отдельного и самостоятельного изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В данном случае под Русским Севером понимается территория, составляющая ныне Архангельскую, Вологодскую и Мурманскую области, республики Коми и Карелию. С 1682 года и до конца 1780 годов эти земли находились в церковной юрисдикции Холмогорских (с 1730-х гг. — Архангельских), Устюжских, Вологодских и Новгородских архиереев.

² П а п к о в А. А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России. М., 1898; В е р ю ж с к и й В. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии. СПб., 1908; Б о г о с л о в с к и й М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. I-II. М., 1909, 1912; Ю ш к о в С. В. Очерки истории приходской жизни на Севере России XVI-XVII вв. СПб., 1913.

³ Приведем примеры некоторых интересных публикаций по периоду XVIII века. Так, «Архангельские губернские ведомости» еще в 1840-70-е гг. опубликовали исторические сведения о некоторых древнейших приходах края: Лявленском (1845, №28; 1878, №28, 29), Ижемском (1846, №24), Лямецком (1869, №56-59), Шеговарском (1869, №103, 105), Ухтоостровском (1875, №60-63), Вознесенском (1877, №95, 97, 98, 103). «Архангельские епархиальные ведомости» опубликовали списки храмов, в т. ч. возведенных в XVIII веке (1898, №1), работу И. Сибирицева «Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века» (1893, №9, 15, 16, 18, 20, 21; 1894, №1, 2, 4, 8, 11). «Вологодские епархиальные ведомости» знакомили читателя с историей становления проповеди в XVIII веке (1889, №16), историческими сведениями М. Н. Мясникова о Кокшеньге (1905, №10, 15) и др.

⁴ Эта традиция получила свое развитие главным образом в Вологде. Т о к м а к о в И. Ф. Сборник материалов для исторического и церковно-археологического описания Вологодской губернии. Вологда, 1889; Описание Тиксненской Преображенской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1903; Б у р ц е в Е. Спас на Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии. Вологда, 1912; Н е п е и н А. Церковь Святые Живоначальные Троицы что в Сегоже Вологодского уезда Вологодской епархии. Вологда, 1914. Регулярно уделяли внимание церковно-историческим проблемам выходившие в Вологде, Архангельске и Петрозаводске «Памятные книжки».

⁵ В пределах Архангельской епархии при непосредственном участии приходских священников, получивших подробное указание к действию, было подготовлено и издано 3 тома истории приходов — Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I-III. Архангельск, 1894-1896. Был также издан Атлас с картами всех благочиний.

⁶ Это не означало, что церковно-историческая мысль России вообще проходила мимо проблем и истории приходской жизни XVIII века. См., например: З на м е н с к и й И. Положение духовенства в царствования Екатерины II и Павла I. М., 1880; С е м е в с к и й В. И. Сельский священник во второй половине XVIII века // Русская старина. 1877. №8. С. 501-538; В е р х о в с к и й П. В. Очерки по истории русской церкви в XVIII и XIX вв. Варшава, 1912; З на м е н с к и й П. В. Податные элементы среди духовенства России в XVIII веке // Известия Российской Академии Наук. 1918. №5-7, 13, 14. Однако в них все же доминировала тема приходского духовенства.

⁷ История северного крестьянства. Т. I. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 262-347; Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981; К а м к и н А. В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. Вологда, 1990.

⁸ Покровский И. М. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 2. Казань, 1913; В е р ю ж с к и й В. Афанасий, архиепископ Холмогорский...; К а м к и н А. В. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.

⁹ Мильчик М. И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971; Гагагин Ю. В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978; У ш а к о в И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972; З а й ц е в В. А. Беломорский Север: религия, свободомыслие, атеизм. Архангельск, 1983; К о п а н е в А. И. Волостные крестьянские библиотеки XVI-XVIII веков // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983; История северного крестьянства...; Б а ц е р М. Выгорейца: исторические очерки. Петрозаводск, 1986; Холмогоры — центр художественной культуры Русского Севера. Архангельск, 1987; Б е р н ш т а м Т. А. Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. №1.

¹⁰ История северного крестьянства...; Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976; Б а к л а н о в а Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976; В л а с о в а И. В. Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII-XVIII вв. М., 1984. Значительная работа по изучению истории крестьянства в XVIII веке проведена в рамках Вологодского проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера России. — П р о с и р и н а Г. И., К у р а т о в А. А. Некоторые итоги деятельности Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР // Крестьянство Севера в XVI веке. Вологда, 1984. С. 3-19.

¹¹ В л а с о в а И. В. Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII — первой четверти XX вв. М., 1976; Колесников П. А. Северная деревня...; В и т о в М. В., В л а с о в а И. В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI-XVIII вв. М., 1984; Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII-XIX вв.). Сыктывкар, 1985; История природопользования в условиях Севера Европейской части СССР. Вологда, 1988; Проблемы создания историко-культурного атласа «Европейский Север Российской Федерации». М., 1991; Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992.

¹² Наиболее полно исследования последних десятилетий представлены в изданиях: К у р а т о в А. А. Историография истории и культуры Архангельского Севера. Вологда, 1989; Историко-культурное наследие Русского Севера: аннотированная библиография

1976-1986 гг. М., 1989. Укажем еще ряд работ, не вошедших в эти издания. Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988; Культура Русского Севера России (дооктябрьский период). Вологда, 1989; О п о л о в н и к о в А. В. Сокровища Русского Севера. М., 1989; Г р о м ы к о М. М. Мир русской деревни. М., 1991; У г р ю м о в А. А. Кокшеньга. Историко-этнографические очерки. Архангельск, 1992; Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991; Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб., 1992; О в с я н н и к о в О. В. Средневековые города Архангельского Севера. Архангельск, 1992.

13 Социально-правовое положение северного крестьянства... К а м к и н А. В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII в. // История СССР. 1987. №2.

14 Весомую роль в издании источников по истории Севера XVIII века играет Северное отделение Археографической комиссии Российской Академии наук. См. библиографический обзор — К а м к и н А. В., К о л е с н и к о в П. А. Юбилей Северного отделения Археографической комиссии АН СССР // История СССР. 1985. №2. См. также: Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992; Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Ч. I-II. Вологда, 1989.

15 Важно и то, что появились первые исследования приходской истории XVIII века по смежным регионам — З о л ь н и к о в а Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

16 Государственный архив Архангельской области (далее — ГААО). Ф. 1. — Канцелярия Архангельского гражданского губернатора. Ф. 29. — Архангельская духовная консистория. Ф. 1025. — Канцелярия Холмогорского архиепископа; Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 496. — Вологодская духовная консистория; Великоустюгский филиал ГАВО (далее — ВУФ ГАВО). Ф. 363 — Великоустюгская духовная консистория.

17 К а б у з а н В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963.

18 ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Дд. 3824, 3825 (ревизские книги за 1745 г.), 6009а, 6009б, 6010, 6011, 6234 (ревизские сказки за 1762 г.). ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Дд. 3, 4, 28, 66 (ревизские сказки за 1782, 1795 гг.).

19 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 84, 86, 87, 92, 94, 96, 104, 110, 112, 127-130, 136, 137, 138, 147-150, 157-162, 167-170, 176-179, 186-189, 857, 865, 875, 878, 879, 884, 885, 889-891, 896-899, 905-907, 910, 911, 914, 915, 917, 918, 921-923.

20 К о л е с н и к о в П. А. Северная деревня... Очерк 2.

21 Источниками таблицы стали: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии... Архангельская губерния по статистическому описанию 1785 года (итоги подворной переписи). Архангельск, 1916; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4013; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 168, 177; ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9.

22 ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 398 об. — 421.

23 ГААО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 146. Л. 13-13 об.

24 РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 168, дача 164.

25 ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 341-345.

26 Краткое историческое описание... Вып. II. С. 151-154.

- ²⁷ ГААО. Ф. 29. Д. 64. Л. 199-203. Краткое историческое описание... Вып. I. С. 286.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 176. Л. 17-17 об.
- ²⁹ Краткое историческое описание... Вып. III. С. 233-242.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Дд. 177, 187; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4013. Л. 1-33; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390; РГИА. Ф. 796. Оп. 58. Д. 26. Краткое историческое описание... Вып. I — III; Архангельская губерния по статистическому описанию...
- ³¹ Сложную и самостоятельную проблему представляет численность раскольников в приходах. В некоторых из них складывалась система сокрытия и утаивания данных о раскольниках. Не затрагивая здесь эту тему, ограничимся лишь указанием на необходимость ее углубленного изучения.
- ³² ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 155-164; ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 88 об.; Д. 469. Д. 351, 469.
- ³³ ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 9. Л. 58-63, 175-190 об.; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390. Л. 346-375 об., 429-448, 634-662.
- ³⁴ Вологодский епископ Амвросий в 1737 г. запретил женить раньше 15 лет, выдавать замуж раньше 13 лет. — ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 793. Л. 71. О. Б. Кох установила, что среди крестьян Подвинья наиболее распространенными были браки с 17-18 лет и старше. — Крестьянская семья в государственной деревне начала XVIII века // Исследования по истории крестьянства Европейского Севера России. Сыктывкар. 1980. С. 138.
- ³⁵ О положении таких групп прихожан имеются интересные наблюдения. — Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян в XIX веке. М., 1986; Она же. Мир русской деревни. М., 1991.
- ³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Д. 390, 469, 754; ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 514; 2. Л. 204-211.
- ³⁷ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России. С. 102-106.
- ³⁸ ПСЗ. Т. 1. №412.
- ³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3827; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 1929.
- ⁴⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. №756.
- ⁴¹ ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2. Л. 8-10 об.

С. В. Жарникова

ОБРАЗЫ ВОДОПЛАВАЮЩИХ ПТИЦ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ (истоки и генезис)

Образы водоплавающих птиц — уток, гусей и лебедей — играют в русской фольклорной традиции исключительную роль. Зачастую именно утица, лебедь или гусь маркируют собой сферу сакрального в обрядовых песнях календарного цикла. Так, «уточка полевая» или

«утка луговая» — характерные персонажи песен масленицы — праздника, связанного с культом предков и заклинанием плодородия грядущего земледельческого года. В одной из масленичных песен масленицу называют «белой уткой», в другой, сибирской, «гусляную» масленицу провожают своими криками летящие гуси, в третьей — веселыми криками призывают ее, когда до масленицы остается один день¹. Но в действительности в это время на данных территориях нет и не может быть гусей, — их весенний прилет происходит значительно позднее, так же, как нет и не может быть гусей-лебедей перед Рождеством. Однако в песне, записанной П. В. Шейном в Псковской губернии, поется:

Приходила Коляда наперед Рождества,
Виноградье красно-зеленое мое!
Напала пороша снегу беленького:
Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели — коледовщики, недоросточки².

Ей вторит виноградье из деревни Евсеевская Тарногского района Вологодской области, записанное Д. М. Балашовым, Ю. И. Марченко и Н. И. Калмыковой:

Ще-то припевка про гуся, ой
С виноградьем да и вся, да
Виноградиѣ, ой
Красно-зеленовое³.

В волочечных пснях, имевших также ритуальное значение и считавшихся способом магического подчинения человеку сил природы, довольно часто фигурируют гуси-лебеди. Так, в одной из песен, записанных П. В. Шейном в Псковской губернии, есть исключительно интересное противопоставление:

Не гуси летят, не лебеди,
Христос воскрес на весь свет!

Имеет смысл в этой связи вспомнить, что и колядовщики, и волочечники воспринимались в народной традиции как воплощение душ предков, которым подавалось ритуальное подаяние, и связь их с гусями-лебедями, судя по всему, была не случайной. Об этом свидетельст-

вует концовка зачина вышецитированной волочебной песни Псковщины:

Не гуси летят, не лебеди —
Христос воскрес на весь свет!
Идут-бредут волочебники,
Волочебники-полуночники⁴.

О связи водоплавающих птиц с тем светом, со смертью свидетельствуют также русские народные загадки:

На море, на окияне,
На острове Буяне
Сидит птица Юстрица;
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала, всего много едала,
Видала царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье, дитя в колыбели,
А того не едала, что чего в море
недостала.

(Смерть)

Сидит утка на плоту,
Хвалится казаку:
Никто меня не пройдет,
Ни царь, ни царица,
Ни красна девица.
(Смерть)

В таком последнем весеннем обряде, как «Похороны Костромы», также целиком связанном с заклинанием плодородия, обращением к предкам — подателям плодородия, во Владимирской губернии к главному персонажу обряда обращались следующим образом:

Костромушка моя, Костромушка.
Моя белая лебедушка.
У моей ли Костромы много золота-казны,
Костромушка-Кострома, лебедушка-лебедя!⁵

В песнях святочных гаданий, предвещающих свадьбу, именно гуси-лебеди летят через сад-виноград и роняют золотые обручальные кольца⁶. Особенно широко распространены образы серых гусей и белых лебедей в русских народных свадебных песнях, где постоянно сравнение невесты с «лебедью белой», плавающей по «моря Хвалынскому», по «Дунаю», восклицаящей «на тихих заводах», «отстающей

от стада лебединого», с серой утицей или с павой, которая, судя по всему, также мыслилась в русской народной традиции водоплавающей птицей (утицей или лебедью). О том, что пава и лебедь в народном представлении одно и то же и что образ павы имеет мало общего с павлинами, свидетельствует песня, записанная в 1958 году в Архангельской области, т.е. там, где, как и в бывшей Вологодской губернии было широко распространено изображение пав на свадебных полотенцах, сарафанах, подолах рубаш:

Что на тихой на тишине,
Да на тихой лебединю
Да тут не паванька⁷ плавала,
Да не пава перья ронила...

В то же время жених, как правило, сравнивается с серым гусем. Интересно, что стадо гусей, к которому принадлежит гусь-жених, связано в одной из песен свадебного цикла, записанной в 1929 году в Архангельской области, со следующим кругом образов:

Из-за гор, гор высоких,
Да из-за лесу, лесу темного,
Да из-за садику зеленого.
Из-за садику зеленого,
Да из-за моря, моря синего,
Да поднималась туча грозная,
Да со громами со громучима,
Да с молоньями со палючима,
С молоньями со палючима,
Да с крупным-то частым дождиком,
Со крупным -то частым дождиком,
Да с бурею — со падерой.
Да со тяжелой-то заметелицей.
Да из-под той-то тучи грозной
До из-под той-то непроносной
Вылетало-то стадо гусей
Да стадо гусей — серых утичек.
Да во черных гусях — серых утицах.
Во черных гусях — серых утицах,
Да замешалась лебедь белая...⁸

В этой свадебной песне имеется полный набор сакральных символов пространства и природных стихий. В пространственные характеристики включаются и горы, и лес, и сад зеленый, и море синее, т.е. все то, с чем в песнях свадебного цикла связано продвижение свадебного поезда, переход из одного рода в другой, смена невестой своего социального статуса. Гусиное стадо, членом которого является жених, соотносено в этой песне с целым комплексом природных явлений, сакральный характер которых очевиден. Это одновременно и крупный частый дождичек, и буря, и «грома громучие», и «молоньи палючие», и метель, которые приносит с собой гусиное стадо в образе «тучи грозной». Гуси — туча, гром, молнии, буря — взаимосвязаны.

Можно предположить, что столь серьезное отношение к образам гусей-лебедей в народной песенной традиции, имеющее достаточно аналогов в русских народных сказках, может быть объяснено тем, что эти образы сложились в глубочайшей языческой древности. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Еще на праславянских украшениях встречаются многочисленные изображения лебедей. Они расположены по сторонам женской фигуры с поднятыми руками на бронзовом браслете VII в. до н.э. из клада в Радолинке близ Познани. На древнеславянских зольниках, местах ритуальных костров, археологи находят вырытые в земле гигантские фигуры лебедей. Древнегреческая мифология связывает лебедей — священных птиц Аполлона — с северной окраиной Ойкумены, куда они ежегодно уносили бога к берегам холодного Кронийского океана, в земли гипербореев. Вероятно, прав Б. А. Рыбаков, считая, что «солнечных лебедей праславянского мира мы должны рассматривать не как механическое заимствование античного мифа, а как соучастие северных племен в каком-то общем (может быть, индоевропейском) мифотворчестве, связанном с солнцем и солнечным божеством»⁹. Он отмечает также, что образ женщины, воздевшей руки к небу, с птицами-утицами по сторонам, очень архаичный, дожил в северорусской вышивке до конца XIX века¹⁰. Привески в виде утицы, гуся и лебедя доживают в славянской традиции до XII в. А. В. Чернецов отмечает, что «образы двух птиц наряду с растительным декором (чаще всего по сторонам деревца) — это традиционная в древнерусском искусстве идеограмма райского сада. Это связано с дохристианским представлением о том, что рай (ирий) — место, куда улетаю птицы»¹¹. Что касается ковшей-скопкарей, налипок, чарок, солониц, охлупней изб и т.д. в форме утки-лебедя, то все это сохранялось на Русском Севере вплоть до рубежа XIX-XX веков.

Надо заметить, что в приведенной выше свадебной песне можно найти довольно прозрачную аналогию древнегреческому мифу о браке Зевса и Леды, только там бог-громовержец, уже обретший антропоморфный облик, в силу своего каприза становится лебедем, а в восточнославянской (конкретно севернорусской) традиции мы сталкиваемся, думается, с более архаическим мифологическим пластом, когда жених и его род — стая гусей и туча, буря, гром, молния одновременно. Таким образом, со стаей гусей, а значит и с самим женихом, ассоциируется весь набор тех сакральных атрибутов, которые станут впоследствии принадлежностью только одного бога-громовержца — обожествленного неба. Так как, судя по всему, у образов гусей-лебедей общие индоевропейские истоки, необходимо обратиться к древнейшим памятникам индоевропейской мифологии — «Ригведе» и «Авесте», которые, быть может, объяснят нам истоки культовой, обрядовой роли этих птиц в восточнославянской традиции.

Общеизвестно то огромное значение, которое придается гусю-лебедю в индийской мифологии, теологии и натурфилософии, где он — символ солнца, Вселенной, света и неба, вселенской и индивидуальной души, определенного музыкального лада — музыки Вселенной. Ю. А. Рапопорт приводит данные «Чхандогья — упанишады» и «Пуран», где гусь — воплощение высшего существа и Вселенной. Исследователь отмечает, что в хорезмийской концепции происхождения Вселенной есть свидетельство того, что «изначальное божество, заключавшее в себе части мироздания, представлялось в образе водоплавающей птицы»¹². Имя этого божества, объединяющего в себе мужское и женское начала, небо и землю, огонь и воду, свет и мрак, — Зарван. Но именно Зарваном в согдийских текстах буддийского характера именуется Брахма — творец Вселенной ведического пантеона, которого в легендах нередко олицетворяет гусь, являющийся постоянным спутником Брахмы и его «носителем» — *vaṇaṇa*¹³. «Не исключено, — считает исследователь, — что образ водоплавающей птицы отражает представление об изначальности водной стихии, которую в авестийском пантеоне олицетворяла богиня, чье древнейшее имя, как полагают, было скрыто за тройным эпитетом Ардви Суры Анахиты»¹⁴. Здесь уместно также вспомнить о том, что спутником великой водной богини ведической эпохи Сарасвати был гусь, который олицетворял собой всеохватывающее небо¹⁵. Е. Е. Кузьмина также отмечает, что в индоиранской мифологии водоплавающая птица выступала олицетворением и спутницей богини-матери, связанной с водой, которая часто изображалась в виде «мирового дерева» с сидящими на нем птицами,

а пара уток была в фольклоре всех индоевропейских народов символом супружеской любви¹⁶.

Весьма значительную роль играли изображения водоплавающих птиц (уток, гусей, лебедей) в скифском искусстве. Д. С. Раевский отмечает, что эти изображения, как правило, встречаются на предметах явно культового назначения, и образ водоплавающей птицы был в скифском мире устойчивым религиозным символом, а в сценах инвентитуры он являлся знаком богоданности царской власти¹⁷.

На вопрос о том, почему именно образ водоплавающей птицы стал в иранской и скифской мифологиях образом телесного мира, Д. С. Раевский отвечает, что этот представитель земной фауны обладает способностью передвигаться во всех трех стихиях — по земле, по воде, наконец, по воздуху: «Показательно, что в «Ахтарваведе» отражено представление о «тройном» или «утроенном» гусе. Это скорее всего также связано с толкованием водоплавающей птицы как символа трех зон мироздания¹⁸. В. И. Козенкова отмечает, что на позднем этапе кобанской культуры (VII — нач. IV вв. до н. э.) на Северном Кавказе появляются многочисленные подвески на длинных цепочках с коньками, оленями, утицами, которые считаются специфическим привнесением скифо-савроматов¹⁹. Эти примеры можно было бы продолжить, но для того, чтобы найти истоки такой древней цивилизации, вероятно, необходимо обратиться к древнейшим изобразительным памятникам, в которых уже в той или иной мере отразилось новое отношение к гусю, утке или лебедю, как к священной птице. Опускаясь в глубь тысячелетий, мы обращаемся к археологическим памятникам эпохи неолита на Севере Европейской части России. Именно здесь, на рубеже мезолитической и неолитической поры, в период климатического оптимума голоцена, когда среднелетние температуры были выше современных в среднем на 3-4°С²⁰, а лесная зона вышла к побережью Полярного бассейна, и полоса широколиственных лесов, составляющая сегодня 200-400 км, была равна 1200-1300 км, на скалистых берегах Онежского озера и Белого моря появляются изображения, свидетельствующие о древней сакрализации образов водоплавающих птиц, присутствующих постоянно в сценах, имеющих мифологический ритуальный характер. Это сцены, связанные с оплодотворением, рождением и смертью, небесными светилами — солнцем, луной и звездами. Исключительный интерес представляют композиции, в которых эти птицы связаны с антропоморфными персонажами. Такова распластанная в позе роженицы антропоморфная фигура, нога которой перерастает в тело гуся, и уникальное изображе-

ние огромного (главного в композиции т.н. «Бесовых следков» на Белом море) рогатого фаллического персонажа, большой палец громадной ступни которого соединен с фигурой лося, а мизинец — с группой из трех водоплавающих птиц (гусей или уток). Образ водоплавающей птицы, наряду с образом человека и лося, ведущий в неолитическом пантеоне жителей севера Восточной Европы и зафиксированный в петроглифах Онежского озера и побережья Белого моря, вероятно, вошел в этот пантеон не только потому, что утки-гуси-лебеди могут существовать в трех сферах, но еще и потому, что с их прилетом весной и отлетом осенью приходило и уходило теплое время года. Кроме того, и утки, и гуси, и лебеди именно здесь, на реках и озерах Севера, выводили свое потомство, и именно здесь эти хитрые и осторожные птицы, охота на которых довольно трудна, становились во время линьки совершенно беспомощными и беззащитными.

О том, какое огромное количество водоплавающих птиц слеталось на Русский Север еще в конце XIX в., свидетельствуют многие источники. Так известно, что западная часть южного берега острова Новая Земля (между 71-72° с.ш.) из-за обилия там гусей носила название «Гусиная земля»²¹. На острове Колгуеве (в Баренцевом море) в огромных массах собирались водоплавающие птицы — гуси, утки всевозможных видов, лебеди, которые прилетали с юго-запада в конце июня и оставались до середины сентября. Одна охотничья артель из 10 человек легко могла добыть в период линьки (за месяц) до 3,5 и даже 5 тыс. гусей и лебедей. В XIX в. ежегодно с острова вывозилось 6400 кг перьев и пуха и 12 000 кг лебединых шкур²². Вероятно, именно эти птицы в самое тяжелое время года, в межсезонье весны и лета, были для древних жителей побережья Беломорья, Онежского и других озер и рек Русского Севера основным источником мясной пищи, что сыграло не последнюю роль в сакрализации гуся, утки и лебедя. Вероятно, сохранившаяся у индигирщиков — русских старожилов Устья Индигирки — традиция при добыче линной птицы («гусеванье») оставлять в живых и выпускать на волю последнего гуся, попавшего в сеть, к которому обращались с просьбой на следующий год привести побольше своих товарищей, уходит корнями в глубочайшую неолитическо-мезолитическую древность Восточной Европы. Хотелось бы отметить, что за гусями индигирщики ездили только весной, когда кончались другие припасы. Гусеванье велось только на молодого гуся, и никогда объектом охоты не были гуси с выводками²³. Может быть, потому, что такая жестокая охота была вызвана крайней необходимостью для человека спасти свою жизнь и жизнь своих близких (в противном случае была

бы неизбежной голодная смерть многих), люди, осознавая, что, спасая себя, убивают совершенно беззащитных птиц, чувствовали свою вину перед ними, и потому еще в XIX веке в Каргополье считалось грехом есть гусяное мясо просто так — в обычные дни.

Поклонение священному гусю-лебедю и утке, сложившееся в глубочайшей индоевропейской древности, отразилось в гимнах Ригведы и Авесты, ассоциирующих гуся-лебедя и бога-творца, гуся-лебедя и Вселенную, гуся-лебедя и свет, разум, душу, гуся-лебедя и определенный музыкальный лад — ритм Вселенной. Но и для восточнославянской фольклорной традиции, исследователи которой неоднократно отмечали, что для нее характерна консервация рудиментов архаичнейших явлений, порой не нашедших отражения даже в Ведах, характерно такое же отношение к гусям-лебедям. И так же, как ведическая традиция связывает водоплавающую птицу с верховным существом — Творцом мира, так и записанная в середине XX в. в Русском Устье космогоническая легенда о сотворении земли связывает образ творца с уткой-гагарой, причем эта легенда удивительно близка к ведическому представлению об акте творения:

«Перво никто не был, ни людей, никого. Был только дух на небесах, и от этого духа основался человек, и он там жил, на небесах. Когда он посмотрел вниз, он увидел море, а на море плавающую утку-гагару». Когда этот дух-человек стал разговаривать с этим гагарой, который тоже был святым, то тот ему рассказал: «Я стал от белой пены, от морского наводнения, а ты от чего стал?» — спрашивает. На что получает ответ: «На небесах есть дух — я от того духа». Дух спросил гагару, где земля. Гагара ответил, что земля глубоко в море, и попробовал ее достать, но ему не хватило силы. Тогда дух дважды прибавил гагаре силу, и он достал на своей спине землю. Эту землю дух раздул по свету, так появились горы, суша и осталось море. Затем дух предложил гагаре строить престолы. Дух стал строить свой, а гагара — свой. Но апостолы, которые появились у них, «чтобы послать куда», сообщили духу, что престол гагары выше, чем престол духа. Дух посылал к гагаре одного за другим двух апостолов с просьбой строить престол не выше своего, но гагара не согласился. Тогда дух пошел к нему сам и стал просить гагару о том же, но гагара вновь отказал. «Я, — говорит, — землю на то поставил». Дух поспорил с гагарой и, разозлившись, сдул его престол в море, а сам гагара превратился в Сатанаила²⁴. Мы видим в этом тексте и древнее, известное еще Ведам, представление о творении божественного начала из морской пены, появившейся от волнения (пахтания) моря, и христианские привнесения, превра-

тившие святую птицу в Сатану. И так же, как ведическая традиция связывает гуся-лебедя-утку с музыкальным ладом, с сакральными музыкальными ритмами, так и в восточнославянской традиции гуси-лебеди тесно связаны с гуслиями (часто крыловидными), с «гуслиной» масленицей, с пением. Эта связь хорошо прослеживается в одной из предсвадебных песен — песен девичника, записанной в Архангельской губернии:

Вы где, гуси, были?
Вы где побывали?
Где спали, ночевали?
Мы были у княгини,
Побывали у первобрачной,
Еще что княгиня делает?
Во гусли играет,
Дары снаряжает...²⁵

Интересно, что в ритуальной народной пляске, сохраняющейся до наших дней на Русском Севере (в частности, в Нюксенском районе Вологодской области), основной шаг (частый, как бы притопывающий по земле) называется «уточка». В такой пляске, благодаря постоянным повторам ритмообразующих движений, создается ощущение некоего пространства-времени, вне контекста обыденности. И здесь вновь хотелось бы обратиться к ведическим аналогиям, где: *hansa* — гусь, лебедь, душа, познавшая высшую истину, высший дух, стихотворный размер; с этим термином связаны и такие понятия, как: *hansa* — *paksa* — крыло лебедя, название определенной позиции руки в ганце, и *hansa pada* — киноварь. Имеет смысл вспомнить, что рабочая часть ткацкого стана, создающая узор ткани, носит название «утка» (уток). В ведической традиции понятие «утка» ткацкого стана связывается с представлением о мироздании, где нить утка, не прерываясь, переплетается с основой и образует узор ткани, в которой основа — субстанционально-качественная (энергетическая) нить, а уток расцветчивает основу природы, осуществляет разнообразие узора ее необъятной, но единой ткани. Зная о том, что в древнейшей традиции музыкальный лад, связанный с гусями-лебедями, творит музыку Космоса, что игра на гуслиях сравнима в этом мифо-поэтическом ряду с тканьем «мировой гармонии», можно понять, почему автор «Слова о полку Игореве» связывает в единый образ «стадо лебедей», поющих хвалебную песнь старым богатырям и героям, и «живые струны» гусей, по которым

передвигаются пальцы Бояна, как по нитям основы уток, творя «ткань» эпической песни. О единстве понятий «узор ткани» и «узор песни», «ткать ткань» и «слагать песню» свидетельствует другое индийское слово *grastava*, имеющее аналогию в севернорусском диалектном — «прастава», «праставка» (вышитая или заполненная ткацким узором полоса, украшающая рубаху, полотенце и т.д.). Санскритское «*grastava*» означает «хвалебная песнь»!

О том, что древнейший языческий культ водоплавающей птицы сохранял на Руси свое религиозное значение достаточно долго и был хорошо знаком православному духовенству, свидетельствует то, что еще в XIV-XV вв. монахи Муромского монастыря на Онежском озере высекли христианский крест не только на главном в композиции «Бессова Носа» изображении Беса, но и на находящемся на значительном расстоянии от него изображении лебедя.

Утицы, гуси и лебеди русской народной вышивки, уткообразные притужалники ткацких станов, солоницы, скобкاري и братины в форме утки или лебедя, утицы, венчающие крыши домов, крыловидные гусли и гуси-лебеди, утицы народных обрядовых песен — все это свидетельствует об огромной древности и важности этих архаических языческих образов в народном мифо-поэтическом восприятии мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981. С. 100, 165.
- ² Поэзия крестьянских праздников. Л. 1970. С. 56.
- ³ Балашов Д. М. и др. Русская свадьба. М. 1985. С. 261.
- ⁴ Поэзия крестьянских праздников... С. 322.
- ⁵ Там же. С. 132.
- ⁶ Там же. С. 132.
- ⁷ Русская народная поэзия. Л., 1984. С. 193.
- ⁸ Там же. С. 268.
- ⁹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. С. 344, 365.
- ¹⁰ Там же. С. 342.
- ¹¹ Чернецов А. В. Одекоре купола Большого Сиона 1486 г. СА. №3. 1985. С. 104.
- ¹² Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 67.
- ¹³ Там же. С. 68.
- ¹⁴ Там же. С. 68.
- ¹⁵ Там же. С. 61.
- ¹⁶ Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царицы // СА. 1979. №1. С. 44.
- ¹⁷ Раевский Я. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.: Наука, 1977. С. 59-60.

- 18 Там же. С. 63.
19 К о з е н к о в а В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. №5. С. 84.
20 Палеогеография Европы за последние 100 тысяч лет. М.: Наука, 1982. С. 121.
21 Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. IX А. С. 923, 934.
22 Там же. Т. XV А. С. 665-666.
23 Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. С. 344.
24 Там же. С. 212.
25 Русская народная поэзия. Л., 1984. С. 240.

М. А. Вавилова

**КРЕСТЬЯНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ
КАДНИКОВСКОГО УЕЗДА
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
(по материалам коллекции А. А. Шустикова)**

Идея изучения фольклора в этнографическом контексте не нова, хотя в практике собирательской и исследовательской работы учитывается далеко не всегда. Зачастую наши представления о характере бытования фольклорных жанров складываются на основании региональных сборников, которые чаще всего демонстрируют методику работы собирателя, его вкусы и пристрастия, но не отражают реальную картину бытования фольклорных жанров, их трансформацию, функциональное назначение.

В этом плане бесценным источником изучения эволюционных процессов в устной поэтической традиции являются фольклорно-этнографические коллекции местных краеведов, работавших по программам Русского географического общества (далее — РГО), «Живой старины», «Этнографического бюро» Тенешева.

Фольклорно-этнографическое собрание кадниковского краеведа А. А. Шустикова (1859-1929 гг.) уникально и неповторимо. Его бесспорная ценность не в большом количестве разнообразного материала¹, а в принципах его освещения: крестьянин по происхождению, большую часть жизни связанный с деревней, он сам был носителем крестьянского фольклорного сознания. Этот факт определяет уровень научного доверия к его материалам и позволяет зафиксировать не просто набор фольклорных жанров, характерных для региона, а

восстановить, что особенно важно, естественный процесс бытования фольклора в эпоху ломки общественных отношений конца XIX — начала XX вв. (1883-1914 гг.), в период революции и гражданской войны.

СобираТЕЛЬСкая работа в Кадниковском регионе просматривается с 60-х годов XIX в. и четко разделяется на два периода по принципам отношения к материалу. Первый, связанный с именами В. Кичина, Е. Кичина, Н. Попова, П. С. Воронова, П. М. Шайтанова, отмечает субъективность отношения к материалу, фрагментарность записей — уровень «краелюбия». Второй период начинается примерно с 80-х годов. В основе его лежат принципы демократического народоведения-краеведения. Это время Н. Иваницкого, П. Дилакторского, М. Ордина, М. Едемского, А. Шустикова.

В материалах Шустикова зафиксирован почти полувековой фольклорный слой культуры, в котором закреплена характерная для этого региона иерархия жанров, отражающая процесс переработки предшествующей фольклорной традиции, ее оформление в новую систему.

По активности бытования на первом месте стоит несказочная проза (предания, былички, бывальщины), отдельные обряды аграрного характера и лишь на третьем — песни, частушки (таратушки, голосянки, сбирок). Ниже мы рассмотрим комплекс календарных обрядов, особенность их функционирования и специфику в Троищине и Тавренге Кадниковского уезда.

1. Все обрядовые действия, связанные с севом, жатвой, уборкой урожая носят гиластический (умиловительный) оттенок: «При посеве озимого не едят в поле ничего», «В начале пахоты и сева едят толокно с квасом», «Яровое сеют с просфорой», «Саломат не едят, пока не поставят первый зарод сена» — стараются, как объясняет Шустиков, «разжалобить землю бедностью». В Тавренге и Троищине «хлеба своего не хватает, хотя земли много», а «урожаи бывают один раз за десять лет», «сена не хватает».

Трудность обработки земли, мелкополосица, чересполосица, неурожаи определили особый характер контактов с природой, духами — покровителями земли, лесов и рек, породили огромное количество обрядов, заговоров, заклинаний, поверий, гаданий. При начале косьбы, точа косу, заклиная: «Коси, коса, гладко. (люби, коса, лопатку), лопатке — песок, косцу — пирожок» (Троищина, с. 121). Когда горюдят осек для скота, не едят весь день (чтобы не съел медведь коровы), не борются (чтобы не было борьбы коровы с медведем), не дерут коры (чтобы медведь не задрал корову) и т. д. (Троищина, с. 121-122).

Основным действием дожиночного обряда было завивание пожинальной бороды для Ильи. Слово в этом обряде обретало предметную ценность и значимость: «При окончании жатвы овса оставляется на последней полосе часть, с один сноп, не более, несжатою, и к концу жнива вся семья приходит дожинать эту полосу, храня гробовое молчание и оставляя недожатыми несколько волокон, которые берет наибольший из семьи и, закручивая их, не срывая, говорит: «Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего дорогого коня» (Троицина, с. 123). Таким образом участники обряда как бы выкупали себе будущий урожай. Формула-благодарность обретает предметность, обозначает состоявшийся контакт с Ильей. Обычай хранить молчание во время завивания бороды таит в себе следы магии подобия: «Чтоб скотина зимой не ревела». Сноп, принесенный с этой полосы, хранится до Покрова, а потом скармливается скоту, чтобы «скот не околел с голоду и холоду во время зимовки» (Троицина). Следы симпатической магии видны в обрядах катания с гор в масленицу, когда женщины старались прокатиться на корежках (санках) как можно дальше и прямее, чтобы лен длинный рос; поднимали сноп над головой во время жатвы: «уродись вот такой»; чтобы спорился хлеб, кладут в амбар какую-нибудь глиняную чашку или горшок, наполненный всяким житом, при настилании потолка к матице привязывали каравай хлеба и соль, чтобы «жилося сытнее» (Троицина, Тавреньга).

2. Архаический компонент в обрядах довольно устойчив. Весь уклад крестьянской жизни определяли нормами общения с природой, под влиянием которых формировался и этикет поведения во время полевых и домашних работ. В системе обряда сохранились следы мифологических представлений, связанных с почитанием древнего божества — Солнца. Шустиков пересказывает (не комментируя) бытующее в уезде предание о женщине, которая нарушила этический кодекс: во время жатвы, в полдень, когда нещадно палило солнце, она грубо крикнула ему, чтобы оно ушло. И женщина превратилась в каменную бабу.

Этот пример интересен сохранностью своей исходной формы (запрет — нарушение запрета — последствия), не утратившей к концу XIX века своего первоначального смысла.

Попутно можно заметить, что мифологический компонент ощущим не только в календарно-обрядовых действиях, но и в быту: Шустиков отмечает, что некоторым крестьянам-охотникам фамилии заменяют прозвища: Олень, Волк, Лисич; у крестьянина сгорел дом, потому что он неуважительно относился к огню; во время обряда

опахивания деревни женщины были простоволосы и распускали волосы и т. п.

3. Календарно-обрядовые действия в Тавренье и Троиchine отличаются узкосемейный, а не коллективно-общинный характер. В этнографических заметках Шустикова можно найти убедительное объяснение: это не следы угасания обряда, а результат приспособления его к новым бытовым условиям: «С отменой крепостного права крестьяне на работу вместе не собираются, работают в одиночку, на своих полосах, за 10-15 верст от дома» (Троичина, с. 75).

4. Как региональную особенность необходимо отметить стойкую тенденцию к переосмыслению трудовой аграрно-магической основы обрядов в празднично-игровую. В зимне-весеннем цикле обрядов, несмотря на сохранность некоторых архаических форм типа хождения со звездой, величаний-колядок («хозяину с хозяйкою...»), сохранившихся от времен формирования большой патриархальной семьи, остатков женской братчины, похорон жировки, архаических масок на святках («предки») — отмечается трансформация обрядовых форм в «игрища», «катанья», «хороводы», то есть в празднично-увеселительный комплекс. Наглядное тому подтверждение — обряд Масленицы в Троиchine. Празднично-игровой характер определяет его ритуал, где обрядовые действия оттеснены на второй план. Традиционное сжигание чучела Масленицы заменено окуриванием вересом дома, построек, скотины и «очищением домочадцев» (перешагиванием через сковороду с горячим вересом), сжиганием на реке Кубене накопившегося за год мусора.

Все это — результат ослабления аграрного начала в обряде и свидетельствует о перекодировке старой фольклорной традиции в этнографическую реальность. Собранный Шустиковым материал позволяет судить о характере изменяемости традиционного обряда на определенной исторической стадии. Обряд сохраняет синкретическую структуру, внетекстовые связи, но утрачивает цельность и законченность цикла, теряет отдельные обрядовые звенья, фольклорный текст. Происходит сужение сферы функционирования традиционного обряда, претерпев определенную эволюцию, обряд продолжает жить, впитав в себя нефольклорный по своему происхождению материал. Возникает региональный вариант коллективного обряда аграрного типа приуроченный к христианскому календарю, но своими корнями уходящий в дохристианскую древность.

Речь идет об особенно почитаемых в Кадниковском регионе христианских праздниках, которые разделяются на две группы: Рождест

во, Пасху и те, «в которые варят пиво». Это 18 августа (Фрола и Лавра), 20 августа (Ильи Пророка), 1 октября (Покрова Богородицы). Реже в качестве «пивных» фигурируют зимний и вешний Никола Чудотворец (6 декабря и 9 марта), Рождества Богородицы и другие. Подробно описаны лишь два: Фрола и Лавра и Ильи Пророка.

В этнографической литературе эти праздники не связывают с аграрной тематикой и календарем, а рассматривают изолированно, как трансформированные архаические дохристианские обряды общественных трапез и обрядового жертвоприношения². Никаких возражений против этих утверждений нет и не может быть. Материалы Шустикова позволяют рассматривать их в обрядовой структуре, где эти праздники логически вписываются в календарный обряд как его логическое завершение или как составная часть.

Праздник в честь Фрола и Лавра — в просторечии «Фроленье», «Хроленье», «У нас сегодня Фролят» — записан Шустиковым в двух вариантах в Тавренье. В Троищине его уже не отмечали, хотя Шустиков вспоминает, что раньше он был известен и там.

Основными компонентами «Фроленья» были конский молебен и состязания на быстроту езды. В конском празднике принимают участие люди всех возрастов — мужчины, подростки, женщины. Последние — непременно с распущенными волосами. Крестьяне съезжаются в село со всего прихода. После заутрени все участники «чуть не бегом», «опрометью, невзирая на падения» бросаются к своим коням, верхом подвезжают к церковной паперти, священник плескал на лошадей первого ряда святой водой, хозяин старался обмыть голову коня, особенно глаза и уши, после чего вставали в задний ряд. По окончании «конского молебна» все участники устремлялись «на буево» (площадь), и начиналось соревнование в быстроте езды. В этом обряде важен темп езды, искусство верховой езды и качество коня.

Второй вариант обряда отличается от первого четкой ориентированностью на игру-соревнование, в котором принимают участие только молодые мужчины.

Приведенные выше описания — яркий пример контоминации языческих и христианских представлений, имевших место в процессе христианизации Северной Руси, реликты которой сохранились и в XIX — начале XX вв.

Связь сельскохозяйственных обрядов с именами святых Николы, Фрола и Лавра, Власия отражают следы культа Велеса (Волоса) — «скотьего бога», покровителя домашних животных — и имеют не только скотоводческую, но и земледельческую направленность. (В приво-

димом выше обряде завивания бороды для Ильи святой выступает в несвойственной для него функции, так как Илья — христианский заместитель Перуна, а не Велеса).

В контексте обряда есть весьма характерная деталь: «буево проезжали только взад и вперед». Аналогичный эпизод встречается и в других регионах (пропускание скота, коней через ворота, теснину), но имеет более четкую символику, которую можно интерпретировать как акт повторного рождения и связанного с ним обновления. С кругом идей, вытекающих из культа Велеса, необходимо связать и участие в обряде женщин с распущенными волосами. В народных верованиях образ волос отождествляется с богатством и достатком, а также с народной этимологией имени «скотьево бога» Волоса. Известны многочисленные обряды, в которых волосы (аналог: шерсть, нить, пряжа), мохнатость, волосатость, косматость выступают в ряде сельскохозяйственных примет, связанных с плодородием, цветением, размножением³: «сколько волос — столько и хлеба», невесту сажают за стол на вывернутую шубу (шерсть), молодые проводят первую ночь в скотьево избе, мотив чудодейственных волос встречается в былинах и сказках. Мохнатая рука как признак богатства фигурирует в гаданиях и т. п.

По христианским православным представлениям, простоволосость — грех, вызывающий гнев и навлекающий падеж скота, неурожай, простоволосую женщину может убить гром, ее можно подозревать в связи с нечистой силой (распускание волос во время гадания).

Большое место в обрядовой жизни кадниковских крестьян занимают «пивные» праздники, бытующие как органическая часть обрядовой структуры. Шустиков описывает очень подробно обряд пивоварения в день Ильи Пророка 20 июля. Обычай, отмеченный Шустиковым, по основным характеристикам совпадает с братчиной, в которой отчетливо выражены архаические дохристианские элементы общественной трапезы. К концу XIX века произошла трансформация обряда, и братчина превращается в складчину, посвященную почитаемому святому. Совместные трапезы устраивались повсеместно, обычно в летнее время. В качестве коллективной ритуальной еды во времена Шустикова в Троицине и Тавренье готовились в большом количестве ячневая каша, сыр, творог — в больших формах, хлеб — каравай в пять-шесть пудов весом (раньше), «сейчас — в два-три пуда», «припечи» — один каравай большой, один меньше — «под Богородицу», или один каравай большой и двенадцать маленьких «под Христа и апостолов». Приготовленная в складчину еда после молебна

съедалась на улице «всеми крещеными». В складчину варилось пиво и также выпивалось на улице. Шустиков различает два типа «пивных» праздников: частные и приуроченные к обряду — «мирское пиво». Обряд варения пива в день получения первого хлеба отмечен у многих народов мира⁴. Особенностью кадниковского обряда является его связь с легендой о жертвоприношении, объясняющей его происхождение. Обряды жертвоприношения генетически восходят к эпохе тотемизма и зоофагическим праздникам. В кадниковском варианте наличие древних корней очевидно, но они растворяются в христианском контексте, а сам обряд переводится на язык фольклора, этнографический факт превращается в фольклорный сюжет.

Во времена Шустикова обряд состоял из коллективной трапезы, мирского пива, молебна, кропления святой водой скота и сопровождался воспоминаниями (преданиями), как он проходил в «досюльные времена». «...В досюльное время накануне этого праздника (20 июля — М. В.) ежегодно прибегал к церкви олень и прилетал гусь (варианты: глухарь, тетерев — М. В.), которых убивали и жарили» ... и угощали всех, пришедших на праздник. «... Но вот, как однажды, не дождавшись оленя и гуся, убили взамен их священного быка», «...вдруг прибегает олень и прилетает гусь и, увидев, что в жертву вместо них принесли быка, осердились, и когда хотели их поймать, то они исчезли совсем, как и не бывало их совсем. С тех пор олень и гусь больше ни разу не показывались, но колоть быков ко дню этого праздника вошло в обычай, и лишь в последнее время священник запретил им делать это, и теперь варится одно лишь пиво» («По деревням Олонецкого края», с. 101-102).

Варианты легенды о жертвенном олене, записанные в Вологодской губернии, широко представлены в этнографической литературе⁵, но от шустиковского варианта их отличает мотивировка исчезновения обряда коллективного поедания жертвенного животного. Олень — дар божий или дар апостола Петра — посылался людям до тех пор, пока они жили по заветам отцов, «а потом по людям пошел разврат, грех... и перестал апостол Петр высылать свое праздничное угощение...» (Снегирев, с. 64-65).

В варианте обряда, записанного Шустиковым, зафиксирован процесс вытеснения языческой символики христианской. Структура обряда сохранила и тесную связь с мифом, и трансформацию мифа. Схема обряда выглядит примерно так:

1. Добровольный приход диких животных (оленя) на заклание.
2. Подразумевается запрет на замену жертвенного животного.

3. Происходит нарушение запрета (в жертву приносится бык вместо оленя, и эта жертва связана с просьбой к пророку Илье о ясной погоде на сенокос и уборку хлеба).

4. Последствие нарушения запрета, табу — исчезновение навсегда появлявшихся животных.

5. Замена жертвоприношения (оленья) домашними животными, коллективная еда.

6. Церковный запрет заклания домашних животных.

7. Замена жертвенных животных приготовлением мирского пива, больших караваев хлеба, припечи.

Таким образом, из этой схемы отчетливо видно, как происходил процесс вытеснения языческой символики, по-видимому, связанной с охотничьей магией, христианской, в основе которой лежит обряд причащения хлебом и вином — пивом. Здесь мы сталкиваемся с контаминацией двух обрядовых структур. Во-первых, языческий обряд принесения в дар божеству животного-тотема — обряд явно не славянского происхождения, так как олень никогда не был ни тотемом русских, ни животным, характерным для крестьянского хозяйства русских. Объяснение этому явлению можно найти в этнических контактах с финно-угорскими племенами, аборигенами данного региона. Во-вторых, совпадение христианских и языческих праздников не в одном уезде (обряд записан в Тотемском, Вельском, Кадниковском уездах Вологодской губернии и в соседних: Белозерском, Каргопольском) дает возможность предположить, что это не дело случая, а сознательно проводимый акт христианизации края. Не случаен и тот факт, что эти праздники проводились часто в лесу, на поляне, у озера, то есть на месте бывших языческих капищ.

Рассмотренный выше обряд интересен не только своей этнографической сюжетикой, но также и тем, что позволяет увидеть механизм превращения этнографической реальности в реальность фольклорную, переход одного текста (этнографического) в другой, переход из одной среды бытования в другую. В фольклорном тексте, в рассказе об обряде мы имеем расшифрованный обряд.

В качестве заключения можно сделать следующие выводы: для кадниковского региона конца XIX — начала XX веков характерна деформация календарно-обрядового цикла, изменение акцентов того или иного календарного праздника, замена традиционных коллективных действий индивидуальными, гиластический характер всего обряда, преобладание этнографической сюжетики над фольклорной, в вытеснении языческой символики христианской.

В конце XIX — начале XX веков в Троицине и Тавреные Кадниковского уезда Вологодской губернии обряды утрачивают свою утилитарную сущность и воспринимаются как этикет.

Перечень работ А. А. Шустикова по фольклору и этнографии

- 1883 Троицина Кадниковского уезда. Этнографический очерк. Вологодские губернские ведомости (далее — ВГВ). 1883. №11-13. Живая старина (далее — Ж. ст.). 1892. Вып. 2, 3. С. 71-91, 106-138.
- 1885 Предания, обычаи, заговоры. Суеверия и ворожба в среде населения Кадниковского уезда (этнографические материалы). ВГВ. 1885. №52; 1886. №2, 3. 26. Волог. сб., 1887. Т. V. С. 219-234.
- 1887 Охотничий промысел в Кадниковском уезде. ВГВ. 1887. №1-2.
- 1890 Тавреньга. Этнографические материалы из Тавреньги Вельского уезда. Русское географическое общество (далее — РГО). VII. №78. 5 тетр.
- 1891 Троицина. Лирические песни, частушки, пословицы, поговорки, приметы, словарь местных слов. РГО. VII. №63.
- 1892 Косметические средства в местечке Троицина. РГО. VII.
(1894) №94. Ж. ст. 1892. Вып. 2.
- 1893 «Речи дружки» в Тавреные Вельского уезда. (Л. 52-55) ГЛВО. Ф. 4389. №47 (в матер. 1920 г. Прилож. к Кадн. уезду).
- 1893 О развитии лесопромышленности. (Письмо из Кадникова). Русская жизнь. 1893. №304

- 1894 Кое-что по этнографии Кадниковского уезда. РГО. VII. №67. (Свадебные причитания в Ильинской и Михайловской волостях и некоторые элементы свадебных обрядов; чем питаются крестьяне в Троицине; предания, обычаи, суеверия, гадания, свадебные песни, припевки в Троицине, шуточные песни — «сбирхи»).
- 1895 Народные игры в Кадниковском уезде. Ж. ст., 1895. Вып. 1. С. 86-100.
- 1895 Сказания и сказки Вельского уезда. Ж. ст. 1895. Вып. 2, 3, 4. С. 203-211, 419-127.
- 1895 Тавреньга Вельского уезда. (Этнографический очерк). Ж. ст., 1895. Вып. 2, 3, 4. С. 171-191, 359-375.
- 1895 Модели и вещи по этнографии Вельского уезда Вологодской губернии к очерку «Тавреньга». РГО. VII. №100. (РГО. VII. №78).
- 1896 Материалы для изучения великорусского говора Кадниковского уезда Вологодской губернии. Известия ОРЯС АН. 1896. Т. I. Кн. IV. №26.
- 1898 Перегудки. Зап. Н. А. Иваницким и А. А. Шустиковым. Ж. ст., 1898. Вып. 2. С. 237-243.
- 1899 Несколько слов о молочном хозяйстве в Кадниковском уезде. Северный край. 1899. №267.
- 1899 На мирском переделе земли (Очерк из севернорусской жизни). Ж. ст., 1899. №1.
- 1899 Прозвища крестьян д. Хмельской Бережковской волости Кадниковского уезда. Ж. ст. 1899. Вып. IV. С. 526-528.
- 1900 Темные и светлые уголки нашего севера (эпн. мат.). Емба. Северный край. 1900. №178.
- 1900 Плоды досуга. (№№1, 2, 5, 8 — публ. в «Орловском вестнике» в 1886-1887 гг.) Ярославль, 1900. 218 с.
- 1901 Простонародное лечение болезней в Кадниковском уезде. РГО. VII. №93; Ж. ст., 1902. Вып. 2.

- 1902 Записка в Кадниковский уездный комитет по вопросу о нуждах с/х промышленности. РГО. VII. №92.
- 1903 Общинное земледелие. Ж. ст., 1903. Вып. 1-2. С. 241-246.
- 1903 Общинное землевладение. Вопросы и ответы (письмо из Кадникова). РГО. VII. №91.
- 1907 Взгляд крестьян Кадниковского уезда на земельную собственность. Ж. ст., 1907. Вып. 1. С. 27-32.
- 1909 Право семейной и личной собственности среди простого народа Кадниковского уезда. Ж. ст., 1909. Вып. 1. С. 46-62.
- 1913 По деревням Олонецкого края (поездка в Каргопольский уезд). Известия. Вып. 2. Вологда, 1915. С. 89-119.
- 1913 «Святое письмо». Список письма, которому приписывается целительная сила. РГО. VII. №80.
- 1913 Хулиганство в деревне и его поэзия. Вологодский листок. 1913. №559. 13 июля. №563. 23 июля.
- 1915 К вопросу об исчезновении дичи. Вологодский листок. №№858, 866, 867.
- 1915 Предсказания и приметы из мира животных. Поверья крестьян Кадниковского уезда. Известия Вологодского общества изучения северного края (далее — Известия ВОИСК). Вып. IV. 1917. С. 94-99.
- Неопубликованная часть материалов «Предсказания и приметы из жизни человека» (17 л.). ГАВО. Ф. 4389. №145.
- «Предсказания и приметы из жизни животных» (№23).
- 1917 Виноградь. Старинная величальная песня. Известия ВОИСК. 1917. Вып. IV. С. 105-106.
- 1919-1920 Сказки Кадниковского уезда Вологодской губернии. РГО. VII. №113. 90 л., 27 сказок.
- 1919-1920 По захолустьям Вологодской губернии (лето — осень). Кадниковский, Кирилловский, Вельский уезды. ГАВО. Ф. 4389. С. х. 146.

- 1919-1920 Песни и частушки Вологодской губернии. 154. ГАВО. Ф. 4389. лхр 313.
- 1919-1920 Сказки Кадниковского уезда Вологодской губернии, 319 л. ГАВО. Ф. 4389. №382.
- 1919-1920 Пословицы и поговорки. ГАВО. Ф. 4389. Ед. хр. 315 (612 номеров).
- 1919-1920 Свадьба и свадебные причитания в Ухтомской волости Кадниковского уезда. ГАВО. Ф. 4389. Ед. хр. 147.
- 1919-1920 Загадки в Кадниковском уезде. ГАВО. Ф. 4389. Ед. хр. 316.
- 1925 Народное питание в Кадниковском уезде. РГО. VIII, №114, 116. Без дат.
- Заговор — рукопись XVIII в. (подлинник). ГАВО. Ф. 4389. №313.
- Состояние народной песни и обряда в д. Большемедежевской Вельского уезда Волог. губернии. РГО. VII. №104.
- Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Колл. 103. №15).
- Архив музея этнографии. (Бюро Тенешева, №1779). Ф 7. Оп. 1. Д. №104. Л. 8-9.
- 1924 Собрание произведений устного народного творчества, собранное учащимися Троицко-Енольской волости школы 2-й ступени Кадниковского уезда Вологодской губернии под руководством М. А. Шустиковой (дочери?) в 1924 году. 33 л.
- ГАВО. Ф. 4389. Д. 313. (Заговоры, игорные песни, похоронные песни, частушки, сказки, пословицы, загадки, предания и поверья, словарь местных слов).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шустиков А. А. Троицина Кадниковского уезда: Бытовой очерк // Живая старина. 1892. Вып. 2-3. С. 71-91, 106-138; Тавреньга Вельского уезда: (Этнографический очерк) // Живая старина, 1895. Вып. 2, 3, 4. С. 171-191, 359-375; По деревням Олонецкого края: Поездка в Каргопольский уезд // Известия ВОИСК. Вып. 2. Вологда. 1915. С. 89-119.

В тексте ссылки на эти издания.

² Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

³ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 46.

⁴ Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1986. С. 67, 121, 450-451.

⁵ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 84-85.

Н. И. Голикова, Т. Н. Рубцова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЛОГОДСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСТВА ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ (1870-1917 гг.)

Отличительной чертой общественно-культурной жизни первых пореформенных десятилетий было распространение просвещения. В стране развернулось широкое движение за создание народных школ, за изменение методов преподавания в них, за предоставление права на образование женщинам.

В 60-е годы правительство провело реформы в школьном деле. В изданном в 1864 г. «Положении о начальных народных училищах» провозглашалась бессословность школы, предоставлялось право открытия начальных школ общественным организациям (земствам, органам местного городского управления); женщины получали возможность преподавать в школах. Наиболее распространенным типом начальной школы в пореформенной России стали земские школы, обязанные своим появлением общественной инициативе.

Народное образование в Вологодской губернии до открытия земских учреждений характеризовалось невысоким уровнем развития. Для примера приведем данные по Вологодскому уезду. «Земство застало в Вологодском уезде четыре мужских школы — Прилуцкую, Борисовскую, Высоковскую и Домшинскую, и одну женскую — в с. Прилуки... Кроме этих школ имелись еще частные школы: Кокинская в селе Турундаево, содержавшаяся на средства завещателя купца Кокина, в ней было 12 мальчиков и в с. Турундаево женская школа купца Сорокина, в ней было 20 девочек и были еще приходские школы при церквях, открытые по «Положению» 4 июля 1861 г.» В 1870 г. число учащихся в Вологодском уезде было незначительно. По данным уездной управы, «в пяти волостных школах обучалось 183 мальчика и 43

девочки, в итоге при цифре населения в 120 тыс. человек одна школа приходилась на 24 тысячи жителей, один учащийся приходился на 83 неучащихся, что составляло 1,2% учащихся детей школьного возраста... В поистине плачевном состоянии находилось дело народного образования в Вологодском уезде до введения земства...»².

Из таблицы 1 видно, что и в остальных уездах наблюдалась подобная картина.

Таблица 1

**СОСТОЯНИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
НАКАНУНЕ ОТКРЫТИЯ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

Уезды	Численность населения, тыс. чел.	Число школ на 6 копеечный сбор с гос. крестьян	Численность учащихся		Церковно-приходские школы	Численность учащихся		Учащихся всего	Число уч-ся на 1000 населения
			мальчики	девочки		мальчики	девочки		
Вологодский	118	4	183	43	87	— 905 —		1131	9
Грязовецкий	83	4	102	18	40	352	26	498	6
Кадниковский	150	8	— 295 —		62	— 890 —		1185	7
Тотемский	112	12	425	23	59	483	43	974	8
Вельский	76	9	248	14	41	337	78	677	9
Устюжский	95	7	142	13	51	418	31	604	6
Никольский	127	9	—	—	29	—	—	560	4
Сольвычегодский	86	7 1 образц. однокл. учи- лище	— 200 —		35	352	51	658	7
Яренский	33	6	— 265 —		21	— 208 —		473	14
Усть-Сысольский	68	10	302	16	32	427	11	756	11

Источник: Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады управы по народному образованию за 1870 год. Вологда. С. 173-174.

По числу школ, открытых на сборы государственных крестьян, на первом месте стоял Тотемский уезд — 12, за ним следовал Усть-Сысольский — 10, Вельский и Никольский — по 9 школ. На последнем месте находились Вологодский и Грязовецкий уезды — по 4 школы. По церковноприходским школам лидировал Вологодский уезд — 87, за ним Кадниковский — 62 и Тотемский уезд — 59. Самое меньшее количество церковноприходских школ приходилось на Яренский уезд — 21.

Охват населения школами в губернии был чрезвычайно низок: на одну тысячу жителей самое большое число учащихся состояло в Яренском уезде — 14 человек и Усть-Сысольском — 11 человек. Далее следовали Вологодский и Вельский уезды — 9 учащихся на одну тысячу населения. В худшем положении находился Никольский уезд, где на одну тысячу жителей приходилось 4 учащихся. Таким образом, перед земством стояло одновременно несколько задач: организация школьного дела в сельской местности, определение оптимального типа школы, соответствующего местным потребностям и местным средствам, подготовка учительских кадров.

Значительным вкладом земских учреждений было открытие новых школ. В деятельности большинства земств устанавливалось следующее распределение расходов на школу между крестьянскими обществами и земствами: крестьяне строили, приспособляли или нанимали помещения, содержали сторожей; земства снабжали школы учебными пособиями и руководствами, устраивали библиотеки, а позднее стали принимать участие как в содержании педагогического персонала, так и в строительстве школьных зданий.

Земская трехгодичная школа по сравнению с другими начальными школами, существовавшими в то время в России (министерскими, церковноприходскими), отличалась лучшей постановкой обучения; помимо чтения, письма, четырех правил арифметики и Закона Божьего, здесь преподавались природоведение, география, история.

Приемы, методы преподавания обсуждались на съездах учителей начальных земских школ. Здесь же вырабатывались основные рекомендации для педагогической работы и использования учебной литературы. Особой популярностью у учителей начальных народных школ пользовались «Родное слово» и «Детский мир» К. Д. Ушинского, «Книга для первоначального чтения» В. И. Водовозова, «Азбука и уроки чтения» Н. Ф. Бунакова, «Наш друг» Н. А. Корфа, «Методика арифметики» В. А. Евтушенского. Особенно широкое распространение получает звуковой метод обучения, в основу которого было положено

изучение звуков речи и их письменного обозначения — букв. На первом же съезде учителей начальных народных школ в 1872 году в г. Вологде на теоретических занятиях состоялось «знакомство со звуковым способом обучения Стефани, Золотова, Главинского, Бунакова»³.

Земская школа все более приобретала авторитет, и крестьяне охотно шли на помощь земству в открытии начальных школ, численность которых постепенно увеличилась с 73-х в 1871 году до 249 — в 1898⁴. Рост земской школы происходил и в дальнейшем. По данным школьной статистики, в 1903 году в десяти уездах Вологодской губернии насчитывалось 312 школ, а в 1913 г. — уже 1092⁵. Соответственно в земских школах значительно возросло число учащихся (табл. 2).

Таблица 2

**РОСТ ЧИСЛА УЧАЩИХСЯ В ЗЕМСКИХ ШКОЛАХ
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА ПЕРИОД 1903-1913 гг.**

Годы	Численность учащихся к началу учебного года		
	Всего	Мальчиков	Девочек
1903	19236	15040	4196
1904	17382	13312	4070
1905	21607	16349	5258
1906	—	—	—
1907	22794	17298	5496
1908	—	—	—
1909	27684	20939	6745
1910	32177	23754	8423
1911	35943	—	—
1912	40866	—	—
1913	44063	31396	12667

Источники:

Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. Вологда, 1904. С. 4; 1905. С. 7; 1906. С. 4; 1908. С. 6; 1910. С. 6; 1911. С. 6; 1912. С. 5; 1913. С. 6; 1914. С. 6.

Как показывают данные таблицы 2, число учащихся постоянно растет. Если в 1903 году количество учащихся составляло по губернии 19236, в 1909 году — 27684 учащихся, то к 1913 году — 44063 учащихся.

ся. Наблюдается также, что мальчиков обучалось больше, чем девочек. Например, в 1903 году в губернии обучалось 15040 мальчиков и 4196 девочек, т. е. мальчиков обучалось на 10844 больше, чем девочек, в 1909 году — на 14194, в 1913 году — на 18729 больше, чем девочек. При этом число обучающихся девочек по сравнению с предыдущими годами росло и к 1913 году составляло 12667 человек. Преобладание среди учащихся мальчиков объяснялось тем, что крестьяне не осознавали значения грамотности для женщин, считая, что главное для них — домашнее хозяйство.

Несмотря на постоянный рост числа учащихся, в среднем по губернии они составляли лишь 46,8% детей школьного возраста, а 53,2% оставалось вне школы⁶. Объясняя такое положение дел, земская губернская управа называла следующие причины: «...несвоевременный отпуск казной денег на выполнение школьной сети, затруднения в поиске школьных помещений, экономическое состояние населения, не позволяющее всем детям школьного возраста посещать училища (отсутствие одежды, обуви, нужда в заработке)»⁷.

За все годы существования земства отмечалось неудовлетворительное положение со школьными помещениями. Это было связано с тем, что собственных зданий, специально предназначенных для обучения детей, земства имели недостаточно, а наемные помещения не отвечали требованиям школы.

Например, в Вологодском уезде из 104 земских училищ только 20 имели собственные здания, остальные 84 помещались в наемных квартирах⁸. Из всех зданий, занимаемых земскими училищами, 51 более или менее удовлетворяло педагогическим и санитарно-гигиеническим требованиям, предъявляемым к благоустроенным школьным помещениям. 44 здания относились к удобным отчасти, так как имели малое количество света, недостаточную площадь учительской квартиры и т. д. Чаще всего это были крестьянские дома. Девять земских училищ помещались в зданиях, совсем не приспособленных для школьных целей, или же имели такие существенные недостатки, которые не могли не вредить успешности занятий и здоровью учащихся и учителей. «Помещения эти низки, тесны, с малым количеством света, холодны...»⁹. Подобная картина наблюдалась и в других уездах. В докладах губернской земской управы отмечалось, что к 1917 году собственных зданий имелось примерно 23,6%, а 76,4% училищ пользовались наемными помещениями, большая часть которых совершенно не была приспособлена для школьных помещений¹⁰.

Если в вопросе обеспечения земской школы специальными помещениями губернское земство не смогло предпринять решительных действий, в первую очередь из-за финансовых затруднений, то в области подготовки народных учителей оно достигло больших результатов. Деятельность земства осуществлялась по трем направлениям: поддержка создания стационарных учебных заведений для подготовки учителей, организация педагогических курсов, проведение учительских съездов по обмену опытом.

До открытия учительских семинарий губернское земство признавало, что «лучшими и желательными учительницами в начальной школе являются окончившие курс в восьмом классе женской гимназии, поэтому земство субсидировало частично женские гимназии в губернии»¹¹. Например, за 1905 год расходы на содержание женских гимназий со стороны земства составили¹²:

Вологодская Мариинская женская гимназия — 3000 руб.,

Великоустюгская женская гимназия — 2500 руб.,

Яренская женская гимназия — 200 руб.

В целях повышения уровня подготовки учителей, Вологодское земство поднимало вопрос о необходимости краткосрочных педагогических курсов. В докладе губернской управы за 1902 год отмечалось, что «педагогические курсы преследуют цели учебно-педагогические по отношению к самим учителям... Слушатели курсов являются учениками, проходящими известный цикл теоретических и практических занятий. Слушатели курсов выбираются из числа наименее опытных учителей»¹³. Педагогические курсы организовывались в летнее время сроком на четыре-шесть недель при гимназиях, городских училищах и других учебных заведениях, имевших необходимые для курсов учебные пособия. При курсах устраивалась образцовая школа для проведения практических занятий. Расходы на организацию летних курсов брало на себя земство: средства на оплату руководителей, на учебные пособия, на образцовую школу вносились губернским земством, а проезд и содержание слушателей курсов оплачивались уездными земствами.

Если педагогические курсы должны были, по мнению губернского земства, охватывать наименее подготовленную часть кадров, то съезды учителей, «должны были состоять из наиболее опытных учителей, обсуждавших на основе своих знаний и опыта вопросы школьного преподавания»¹⁴. Но оба эти учреждения, по мнению земства, были необходимы, «так как имели общую задачу: улучшение школьного преподавания»¹⁵.

Несмотря на активное участие земства в подготовке преподавательских кадров, оно вынуждено было отмечать ее невысокий уровень, связанный с недостатком в губернии специальных учебных заведений (табл. 3).

Таблица 3

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНЗ УЧИТЕЛЕЙ
НАЧАЛЬНЫХ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ**

		1910 г.	1916 г.
1.	Общее число учащихся — всего	1163	2011
	в т. ч. со специальной подготовкой	456	821
2.	Учителя — всего	431	524
	в т. ч. со специальной подготовкой	317	372
3.	Учительницы — всего	732	1487
	в т. ч. со специальной подготовкой	139	449

Источники:

Ежегодник Вологодской губернии. Вологда, 1911. С. 151; Доклады Вологодской губернской земской управы по народному образованию. Вологда, 1917. С. 7.

На основании данных таблицы 3, видим, что процент учителей со специальной подготовкой составлял менее половины общего числа учителей. Уровень специальной подготовки был выше среди учителей-мужчин, так как в губернии имелись для них специальные учебные заведения. К 1915 году в губернии было 3 мужских учительских семинарии: Тотемская, Никольская, Усть-Сысольская и только одна женская — в Великом Устюге. Учительские кадры в большой степени комплектовались за счет выпускниц гимназий.

Немаловажное влияние на состав учителей начальных школ оказывала материальная обеспеченность. «Материальная жизнь сельского учителя до такой степени обставлена плохо, что трудно себе представить, каким образом учитель, получающий 95 рублей в год, может существовать на такие деньги. А между тем это факт»¹⁶. К 1911 году в некоторых уездах губернии учительские оклады составляли 180 рублей в год, кроме того, наблюдались задержки жалованья¹⁷. На такой оклад, безусловно, невозможно было пригласить лиц со специальной подготовкой. Низкие оклады влияли и на контингент учительских кадров, среди которых преобладали женщины. Поэтому Вологодская губернская земская управа признала необходимым: «ввести во всех уездах за счет земств основные учительские оклады до 360

рублей; ввести периодические прибавки за выслугу лет, выдавать особое вознаграждение за заведывание училищами и ночлежными приютами»¹⁸.

По размерам окладов учителя народных училищ Вологодской губернии к 1916 году распределялись следующим образом¹⁹:

Получающие от 50 до 100 рублей — 385 чел.

от 100 до 150 рублей — 307 чел.,

от 150 до 200 рублей — 125 чел.,

от 200 до 300 рублей — 32 чел.,

от 300 до 400 рублей — 1020 чел.,

от 400 до 500 рублей — 665 чел.,

более 500 рублей (в год) — 306 чел.

Средний оклад учителей составлял 360 рублей в год. Управа отмечала, что данный оклад «ничтожен в современных условиях, так как жизнь дорожает»²⁰.

С целью улучшения быта, материального положения учителей, закрепления их в земских школах, поднятия авторитета среди местного населения земство добилось наделения учителей земских начальных школ участками земли.

Этот вопрос был поднят на губернском собрании в 1873 году губернским гласным В. Т. Поповым (Тотемский уезд), который предложил «возбудить ходатайство перед правительством о предоставлении в постоянное пользование земства, для учителей сельских училищ от 5-ти до 10-ти десятин усадебной, пахотной и сенокосной земли, лежащей вне крестьянских наделов, по возможности, вблизи училищ... уступленная земля будет поступать в пользование приглашенного земством учителя, в дополнение к назначенному ему жалованию»²¹.

В 1875 году управой был получен ответ Министерства государственных имуществ на ходатайство губернского земства по возбужденному вопросу. «...Ходатайство земства встретило в министерстве полное сочувствие, но не представляется удобным установить по этому вопросу какое-либо общее правило, так как размер отвода участка должен в каждом случае зависеть от местных условий»²².

В 1876 году последовал ответ департамента уделов по тому же вопросу. В ответе «было выражено желание, чтобы земская управа к своим ходатайствам прилагала списки училищ, при которых они находят необходимым сделать нарезку земли»²³.

В 1889 году вопрос о наделении школ участками земли вновь был поднят на губернском собрании, где было решено: «предоставить уез-

дным земствам, если они пожелают, самим ходатайствовать через губернское собрание о наделении народных училищ землей»²⁴.

12 мая 1897 года вышел закон об отводе сельским начальным училищам земельных участков от казны и о безденежном отпуске этим училищам казенного леса.

Необходимо отметить, что на земских собраниях обсуждались и другие вопросы, связанные с состоянием народного образования в губернии: посещаемость учащимися занятий, причины их пропусков, и здесь же намечались меры для их предотвращения²⁵.

Таким образом, несмотря на то, что вологодское земство не смогло решить все вопросы в области народного образования в губернии, заслуга его состоит в том, что оно положило начало созданию системы начальной народной школы, подготовки учительских кадров для нее, заложило основы для перехода ко всеобщему начальному образованию в губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов А., Полиевктов Н. Материалы для истории земской деятельности по народному образованию в Вологодской губернии // Вологодский сборник. Вологда, 1879. С. 3.

² Там же.

³ Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады управы по народному образованию за 1873 год. Вологда. С. 37.

⁴ Начальное образование в Вологодской губернии по сведениям 1889-1899. Т. 2. Вологда-Ярославль, 1902. С. 72.

⁵ Текущая и школьная статистика Вологодского губернского земства. Вологда, 1904. С. 1; 1914. С. 3.

⁶ Ежегодник Вологодской губернии. Вологда, 1911. С. 148-149.

⁷ Там же. С. 149.

⁸ Пшеницын В. А. Народное образование в Вологодском уезде в 1911-1912 учебном году. Вологда, 1912. С. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады управы по народному образованию. Вологда, 1916. С. 114.

¹¹ Там же. Вологда, 1910. С. 68.

¹² Текущая школьная статистика Вологодского губернского земства. Вологда, 1906. С. 20.

¹³ Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады земской управы по народному образованию. Вологда, 1902. С. 143.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 144.

¹⁶ Там же. Вологда, 1895. С. 67.

¹⁷ Ежегодник Вологодской губернии. Вологда, 1911. С. 152.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Журналы Вологодского губернского земского собрания. Доклады земской управы по народному образованию. Вологда, 1917. С. 9.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Вологда, 1910. С. 7.

²² Там же.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же.

²⁵ Л о с е в С. О низших учебных заведениях Вологодской губернии за 1911 год. Вологда, 1912. С. 73.

ПУБЛИКАЦИИ

1672 г. — Вотчинные переписные книги дворцовых Мунской и Роксомской волостей Чарондской округи переписи П. И. Юрлова

Материалы государственного писцового делопроизводства давно и широко используются в отечественной исторической науке. В то же время материалы частного (внутривотчинного и внутриволостного) писцового делопроизводства до последнего времени привлекались историками явно недостаточно, хотя многие из них содержат уникальные сведения по самым разным вопросам отечественной истории и культуры*. Таким уникальным источником являются и публикуемые далее «Вотчинные переписные книги Мунской и Роксомской дворцовых волостей...»

Чарондская округа в XVI-XVII вв. — это группа черносошных волостей, находившаяся между озерами Белым и Лаче, в основном вокруг озера Чаронда (Воже), от которого и получила свое название**

Видимо, около 1665 г. две волости округи, Мунская и Роксомская, были переведены в разряд дворцовых***, изъяты из ведомства приказа

---

* См.: Васильев Ю. С. Некоторые источниковедческие проблемы материалов писцового делопроизводства XVI-XVII веков // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. Вологда, 1992. С. 21-37.

** См.: Мюллер Р. Б. Крестьяне Чарондской округи в XVII в. // Аграрная история и социалистические преобразования северной деревни. Вологда, 1973. С. 278-298.

*** В переписной книге отмечается, что крестьяне этих волостей участвовали в белозерском окладе 173 (1664-1665) года.

Устюжской четверти, подчинены приказу Большого Дворца и непосредственно белозерскому воеводе*.

По переписи 1672 г. в волостях отмечены жилые и пустые дворы, все мужское их население. Затем по каждому крестьянскому хозяйству отмечаются номенклатура и объем высеянных зерновых культур, льна и конопли, наличие скота (лошадей, коров, овец, свиней), домашней птицы, рыболовецкой снасти (мережи), сельскохозяйственных орудий (сохи, косули, косы, серпы, топоры), верхней одежды (кафтаны шубные и сермяжные), запасы наличного зерна, муки, соли.

Такие уникальные подробности переписи дают возможность видеть материальную основу каждого индивидуального крестьянского хозяйства и волостного крестьянского общества в целом. При знакомстве с материалами переписи поражает бедность крестьянских хозяйств. В Мунской волости из 44 наличных дворов 7 дворов числятся пустыми, т. е. не несущими тягла. Жильцы их «скитаются в мире» или «сошли безвестно», пашня не пахана. Из остальных тяглых дворов 7 семей также бродят по миру, небольшие земельные наделы их засеяны лишь частично, да и те — выпрошенными в миру или занятыми в долг семенами. Одно хозяйство было безлошадным, 17 — имели по одной лошади, 18 хозяйств имели по одной корове.

Переписные книги Мунской и Роксомской волостей дошли в сборнике XVII в. (ОР ГИМ, собр. Черткова, №323). Сборник хорошей сохранности, в кожаном переплете, на 739 л., в 4^о, ряд листов чистых. Материалы сборника относятся к деятельности Белозерского государева рыбного двора. Среди них: отводные и отказные на сенокосные угодья (1595 г. — л. 1-4; 1666 г. — л. 284-291; 1670 г. — л. 355-355 об.; 1672 г. — л. 358-363); Отписные книги пустыни Живоначальной Троицы и преподобного Филиппа, «что на Бору» 1668 г. — л. 347-351 об.; порядные на строительство судов — л. 474-502 об.; Перепись рыбным ловлям Чарондской округи и Каргопольского уезда 1674 г. — л. 507-620; ряд документов по Спасской Вожеозерской пустыни — л. 624-631; Список «с росписного списка» передачи Рыбного двора воеводе И. Ф. Чаплина воеводе Н. К. Тороканову 1677 г. — л. 633-675 об.

Из волостей Белозерского уезда дворцовыми, приписанными к Рыбному двору, были волости Иванов Бор и Никольская (см.: Опись Белозерского рыбного двора 1679 г. // Деловая письменность Русского Севера XVII века. Вологда, 1986. С. 23-41.)

Переписные книги Мунской и Роксомской волостей занимают в сборнике лл. 364-460 (л. 413-416 чистые). Первая книга имеет по листам рукоприкладство покровского папа Сергея Иванова: К сем книгам Мунские волости покровской поп Сергею Иванов вместо детеи своих духовных и прихожан Мунские волости старосты Екима Иванова и всех крестьян по их велению руку приложил. В книге Роксомской волости по листам запись: К сем книгам Роксомской волости николской поп Михаило Фотеев вместо детеи своих духовных и прихожан Роксомские волости старосты Алимьпея Яковлева и вьсех крестьян по их велению руку приложил. В той и другой книге по полям листов запись: Петр Юрьлов закрепил своею рукою.

В публикуемых далее переписных книгах словесные написания чисел, как правило, передаются цифрами, приняты следующие сокращения: деревня — дер.; во дворе — в. — .

Ю. С. Васильев

(л. 364) Лета 7180-го апреля в 1 де [нь] прислана великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца грамота ис приказы Болшого Дворца за приписью дьяка Протасья Никифорова на Белоозеро к Петру Ивановичю Юрьлову. А по тои великого государя грамоте велено ему в Чаронскую округу великого государя в дворцовые новоотписные в Роксомскую и в Мунскую волости ехат и дворы, и во дворех людеи, и пустых дворов, и вытеи, и пустошей, и у крестьян всяких пожитков и хлеба досмотреть и переписать и сыскат в правду по Христове евангелской заповеди, сколко в которой волости (л. 364 об.) в живущем вытеи и дворов, и в их крестьян и бобылеи, и что у ково каких пожитков и хлеба, и хто имяны, и давно ли померли или куды и отчего збежали и где ныне живут, и тяглые их дворы и жеребьи и пустоши лежат в пусе ли или кто ими владеет. А пересмотря и переписав, учинить всему книги, да те книги за своею и за поповыми и мирских людси руками велено прислать к великому государю к Москве в приказ Болшого Дворца.

И по указу великого государя и по грамоте из приказ[у] Болшого Дворца, в нынешнем во 180-м году в июне Петр Иванович Юрьлов, при- (л. 365) ехав в Чаронскую округу в государеву дворцовую ново-

отписную Мунскую волость, и деревни, и пустоши, и в деревнях дворы, и во дворах дюдем по имяном, и пустые дворы, и выти в жиле и в пусе, и хлеб, и скот, и всякой крестьянской завод переписал, и скаски у крестьян за руками взял, и что у ково хлеба сеяно и в житницах молоченого, и скота, и хлеба, и всякого крестьянского заводу, и жилых и пустых вытей, и то все писано в сеи книге ниже сего порознь по статям, по крестьянской скаске и по досмотру Петра Ивановича Юрьлова.

(л. 365 об.) Дер. Червино, Семеновская то ж, а в неи крестьян.

В. — Левка Андреев з зятем Данилком Афанасьевым, у Данилка сын Митка полутора года. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть овса, полчетверика пшеницы, полчетверика ячменю, осмая доля четверика семяни лняного, осмая доля четверика семяни конопляного. А по досмотру, у них 2 мерина пахотные, один четырех лет, а другои пяти лет, жеребенок годовои, 4 коровы, 2 подтелка, 4 овцы, 5 ягненокв, свиня, 5 поросенков, (л. 366) петух, 4 куренка; 2 кафтана шубных, 2 сермяжных; соха да косуля, 2 косы, 2 серпа, 2 топора; да в житнице хлеба в московскую меру осмина ржи, осмина овса, четверик ячменю, да невеяной ржи осмина, пол-осмины ржаные муки, пол-осмины муки овсяные, пуд соли.

В. — Ивашко Иванов, прозвище Шея, з зятем Данилком Евсильвым. По их скаске, Ивашко уроженец Чаронской округи государевы Вещезерские волости деревни Исаковы. По их же скаске, сеяно у них в московскую меру 3 полуосмины ржи, (л. 366 об.) четверть с полуосминою овса, четверик ячменю, осмая доля четверика семяни лняного, осмая доля четверика семяни конопляного. А по досмотру, у них мерин пахатной леты сросл, кобыла трех лет, 3 коровы, 3 овцы, 5 ягненокв, свиня, 4 поросенка; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; да в житнице хлеба в московскую меру четверть невеяной ржи, осмина невеяного овса, пол-осмины муки ржаной невеяной, соли пуд без четверти.

(л. 367) В. — Ортюшка да Елеска Иевлевы, у Ортюшки детеи: сын Пронка семи лет, Васка пяти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть овса, четверик ячменю, осмая доля четверика семяни лняного, осмая доля четверика семяни конопляного. А по досмотру, у них 2 кобылы пахотные леты сросли, 2 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 4 ягненка, 2 поросенка, 2 куренка; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных подержаны; соха да косуля, 2 косы, 2 топора, 2 серпа; да в житнице хлеба в московскую меру четверть невеяной (л. 367 об.) ржи, пол-осмины невеяного овса, полпуда соли.

В. — Ивашко Харитонов з братом Сенкою. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины ржи с получетвериком, осмина овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика семяни конопляного. А по досмотру, у них кобыленко пахотное леты сросла, корова, 2 овцы, 2 ягненка, куренок; 2 кафтана шубных, 2 кафтана сермяжных подержанных; соха, 2 топора, 2 косы, 2 серпа; да в житнице хлеба (л. 368) пол-осмины невеяной ржи в московскую меру, четверть пуда соли.

Двор пуст Федки Сергиева. По скаске крестьян, скатаютца и с сыном своим Мишкою в мире, кормятца Христовым имянем, сын иво Мишка шти лет. А посеял он Федка, выпрошав в мире, на своей земли четверик ржи да пол-осмины овса, а достала иво земля две доли пуста, не сеяно никакова хлеба.

Двор Мишки Василива. По скаске тое деревни крестьян, у него Мишки один сын Терешка шти лет, скитаютца в мире Христо- (л. 368 об.) вым имянем; а в его дворишке живет ныне брат иво Сидорко Василив стрелец, которой ходит на государеве белозерском рыбном дворе в россылке; у Сидорка сын Ивашко, родился Ивашко до тех мест, как он в стрелцы не взят. Сеяно у них в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса; а у Мишки Василива земля иво пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у них кобыленко леты сросла, корова, овца; соха, 2 топора; 2 косы, 2 серпа; кафтан сермяжной, другой шубной подержаны; да в житнице хлеба четверик овса невеяного, четверик ржи невеяной в московскую меру.

(л. 369) По крестьянской же скаске, в той деревне Червине, Семеновская то ж, по писцовым чаранским книгам, в тягле выт без малых четверти выти, да на пустошке Сивкове малая четверть выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя Мунские волости все крестьяне во 173-м году окладывались, платит в государевы доходы в один побор с тое деревни и пустошки Сивковы Левке Ондриеву з зятем Данилком по 2 алтына по 2 денги; Ивашку Иванову, прозвище Шея, з зятем Данилком по 3 алтына; Ортюшке да Елеске Иевлевым по 3 алтына по 3 денги; (л. 369 об.) Ивашку Харитонову з братом Сенкою по 8 денег; Федке Сергиеву по 10 денег; Мишке да Сидорку Василивым по 2 алтына по 2 денги; и всего по 14 алтын. И ис того числа, по белозерскому окладу, в пусте земли Федки Сергиева на алтын, Мишки Василива на 7 денег, и всего на 2 алтына з денгою.

А по досмотру, в той деревне поля насеяны, и впред крестьяне под рож землю пашут, которые написаны выше сего в деревне живут, а крестьян же Федки Сергиева 2 доли и Мишки Василива земля вся

рожьё и яровым хлебом не сеяно. (л. 370) А на пустошке Сивкове сеяно у них к нынешнему ко сту восьмьдесятому году, по их скаске, у Левки Андреева з зятем Данилком четверик овса, у Ивашки Иванова, прозвище Шея, з зятем Данилком сеяно полтора четверика овса, у Артюшки да у Елески Иевлевых сеяно полтора четверика овса, у Ивашка Харитонов з братом Сенкою сеяно четверик овса. А по досмотру, на тои пустошке Сивкове овсом сеяно.

Дер. Естошево, Медвежей Дор то ж, а в ней крестьян.

В. — Якимко Иванов, у него дети: Митка (л. 370 об.) 14-ти лет, Федка пяти лет. По его Якимкове скаске, его же Якимков сын болшен Ивашко от хлебные скудости бродит в мире, сшел во 179-м году безвесно. Сеяно у него Якимка к ненешнему ко 180-му году в московскую меру осмина ржы, четверть овса, у него ж сеяно четверик ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у Якимка Иванова мерин пахотной леты сросл, 2 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 4 ягненка, поросенок, 2 куренка; кафтанишко шубной, 2 кафтанишка сермяжные; соха да косуля, топор, коса, 2 се- (л. 371) рпа; да в житнице хлеба в московскую меру 5 четвериков невеяной ржы, пол-осмины невеяного овса, пуд соли.

В. — Панка Моисеев. По его скаске, сеяно у него к нынешнему ко сту осьмьдесятому году в московскую меру 5 четвериков ржы, 3 полу-осмины овса, четверик ячменю, осмая доля четверика семяни лняного. У него ж Панки жил безпашенной бобыль Анофрейко Евменьев, Анофрейко стар, у него сын Петрунка пяти лет, (л. 371 об.) кормятца в мире Христовым имянем; Анофрейков же сын Куземка сшел безвесно тому седмой год и живет на Москве, бродит меж двory. А по досмотру, у Панки кобылка паходная леты сросла, 3 коровы, подтелок, 3 овцы, 6 ягненков, 3 свини, два куренка; кафтан сермяжной, другои подержанной шубной; соха прямая, другая косуля, 2 серпа, топор, коса; да в житнице хлеба в московскую меру четверик ржы невеяной, осмина овса невеяного, полпуда соли.

(л. 372) В. — Елеска Иванов, у него дети: Федка трех лет, Васка одного году. По его скаске, сеяно у него в московскую меру осмина ржы да овса четверть, полчетверика ячменю, осмая доля четверика семяни лняного. А по досмотру, у Елески Иванова кобыла паходная леты сросла, 2 коровы, подтелок, 3 овцы, 3 ягненка, свиня, 3 поросенка; кафтан шубной, другои подержанной сермяжной; соха да косуля, топор, коса, серп; мережа неводная ловетцкая; да в житнице хлеба в московскую меру 3 четверика ржы, осмина овса, четверик ячменю, да неве-

яные осмина ржи, 3 четверика муки ржаные невяные, четверик муки овсяные, соли пуд.

(л. 372 об.) Двор Онички Семенова сына Шевердина. По скаске тое деревни крестьян, Аничка умре в нынешнем во 180-м году, после его осталася жена его Варварка да сын его Алешка осми лет, и приняла она к себе в дом Чаранские округи Вещезерские волости крестьянина Петровского приходу деревни Тешковы Митку Зиновива в нынешнем во 180-м году в великое межговенно, и Митка Зиновев с пасынком своим Алешкою сошли ныне весною, в мире кормятца Христовым имянем от хлебные скудости. А на их жеребью в тои деревне сеяно к нынешнему году в московскую меру пол-осмины (л. 373) ржи, осмина овса, да у них же сеяно осмая доля четверика семени конопляного, осмая доля четверика семени лняного, у него же треть земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, во дворе у Митьки мерин пахотной леты сросл, корова, овца; косуля, коса, 3 серпа; да в житнице хлеба в московскую меру 3 четверика ржи невяной, четверик овса невяного, четверик муки овсяные невяной, полпуда соли.

Дворишко Трофимка Семенова сына Шевердина. У него дети: Гришка в воз- (л. 373 об.) расте, Алешка пяти лет. По скаске тое деревни крестьян, бродят в мире от хлебные скудости, кормятца Христовым имянем, а на время во дворишко свое приходят. Сеяно в московскую меру 3 четверика ржи, 5 четвериков овса, а овес он Трофимко взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он Трофимка себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена трет, а до семянного иво попова овса ему Трофимку дела нет; да у него же Тро- (л. 374) фимка сеяно семени лняного осмая доля четверика, да у Трофимка же по край поль земли четвертая доля пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у них корова до подтелок; соха, коса, топор, серп; хлеба в житнице ничего нет.

По крестьянской же скаске, в тои деревне Естошеве, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти и полчетверти выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, платить им в государевы доходы в один лобор с тое деревни Естошевы (л. 374 об.) Якимку Иванову по 2 алтына, Панке Моисееву по 2 алтына по 3 денги, Елеске Иванову по 2 алтына, Митке Зиновеву по девяти денег. Трофимку Шевердину по 2 алтына, и всего платить по десяти алтын. И ис того числа в пусте земли в тои деревне написано выше сего у Митьки Зиновива треть, по белозерскому окладу, на 3 денги, у Трофимка Шевердина треть, по белозерскому окладу, на 4 денги. А по

досмотру, в тои деревне поля насеяны, а у Митьки Зиновива, у Трофимка Шевердина трет их земли пуста, никакова насеяного хлеба на неи нет.

(л. 375) Дер. Левкова, а в неи крестьян.

В. — Вахрушка Василив, у него сын Кузка годовои; по Вахрушкине скаске, братья иво Вахрушкины родные меншие, Мокеико да Оска, сошли от скудости безвесно во 179-м году на первой неделе Великого поста, и где ныне живут, того он не ведает, да и он Вахрушка скитаецца в мире Христовым имянем. А посеяно у него в московскую меру четверик ржы, пол-осмины овса, и то выпрошал в мире, а достала иво земля половина пуста, за скудостью никаким хлебом не сеяно. А по досмотру, у Вахрушки Василива кобыленко пахотное леты сросла, корова да овца с ягненком; коса, серп, топор; (л. 375 об.) а в житнице у него хлеба никакова нет.

В. — Кирилко Иванов з дети: с Елтефеиком да с Ортюшкою, у него же сын Кузка пяти лет; по Кирилке скаске, уроженец он Кирилко Чаронской округи Вещезерские волости Петровского приходу деревни Ратыивы и живет в тои деревне Левкове 23 года. У него же сеяно в московскую меру пол-осмины ржы, осмина без полчетверика овса, полчетвери[ка] ячменю. А по досмотру, у Кирилка Иванова кобыленко пяти лет, корова, поросенок, петух, куринок, овца, 2 ягненка; соха, коса, топор, серп.

(л. 376) В. — Васка Карпов, у него дети: Куземка 15-ти лет. Ивашко 5 лет. По его скаске, сеяно у них в московскую меру осмина ржы, 3 полуосмины с четвериком овса, овес он взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он Васка себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семяна треть, а до семяного иво попова овса ему Васке дела нет; у него же посеяно полчетверика ячменю, осмая доля четверика семяни лняного. А по досмотру, у Васи Карпова кобыленко леты сросла паходная з жеребенком, жеребенок дву лет, (л. 376 об.) корова, 2 овцы, 2 ягненка, свиня, 2 поросенка; соха, коса, топор, серп; кавтанишко шубное, другое сермяжное.

По крестьянской скаске, в тои деревне Левкове, по писцовым чаронским книгам, в тягле четверть выти и полчетверти выти без трети. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, в один побор платит им в государевы доходы Васке Карпову по 2 алтына, Кирилке Иванову по алтыну, Вахромеику Василиву по алтыну, всего по 4 алтына. И ис того числа в пусте земли в тои деревне (л. 377) написано выше сего у Вахрушки Василива половина пуста, по

белозерскому окладу, на 3 денги. А по досмотру, в тои деревне у Кирилка Иванова, у Васки Карпова з детми земля насеяна, а у Вахрушки Василица половина земли пуста.

Дер. Сивкова Гора, а в неи крестьян.

В. — Ивашко Тарасев с сыном Микиткою, у него же сын Сергеико шти лет, у Микитки сын Якунка полугодовой. По его Ивашкове скаске, сеяно у них в московскую меру полтора четверика ржи, (л. 377 об.) 3 четверика овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика семени лняного. А по досмотру, у Ивашка Тарасева кобыла осми лет, жеребенок дву лет, 3 коровы, 3 подтелка, 3 овцы, 6 ягненков, баран старои, 2 свини, поросенок, 2 куренка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 5 серпов; 2 кафтана сермяжных, 2 шубных; мережа неводная; да в житнице хлеба в московскую меру 3 четверти ржи, 6 четвертей овса, осмина муки ржаной, пол-осмины ячменю, пол-осмины муки овсяной, невяной ржи 2 (л. 378) четверти, муки ржаные невяные осмина, 4 пуда соли.

В. — Ивашко Федоров, у него детеи: Ортюшка 10-ти лет, слеп, Васка дву лет. По его Ивашкове скаске, сеяно у него к нынешнему году в московскую меру осмина ржи, четверть без четверика овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика семени лняного. А по досмотру, у Ивашка Федорова кобыла леты сросла, жеребенок дву лет, 3 коровы, подтелок, 3 овцы, 3 ягненка, свиня, 2 поросенка, 2 куренка, петух; соха да косуля, (л. 378 об.) топор, коса, 2 серпа; кафтан шубной; мережа неводная; да в житнице 2 четверти ржи, 2 четверти овса, 4 четверти невяной ржи, пуд соли.

Двор крестьянина Давыдка Иванова. По крестьянской скаске, Давыдко умре в нынешнем в 180-м году в Великои пост на страстной неделе, после его осталася жена иво Аграфенка да дети: Сергушка шти лет, Васка трех лет; Агрофенка приняла к себе в дом тое же Мунской волости деревни Червины крестьянина Омелку Харитонову. Сеяно у них пол- (л. 379) тора четверика ржи в московскую меру, 3 четверика овса, осмая доля четверика семени лняного. А по досмотру, у Омелки Харитонову мерин леты сросл, корова, 2 овцы, 4 ягненка, свиня, поросенок; косуля, топор, коса, серп; кавтан шубной, другои сермяжной; да в житнице хлеба в московскую меру 2 четверти ржи, 3 осмины овса, 2 четверти невяной ржи, 2 пуда соли.

Двор крестьянина Якунки Иванова. По крестьянской скаске, Якунка умре в нынешнем во 180-м году, мая в 9 де[нь], (л. 379 об.) после его осталася жена его вдова Анисица да сын Минка семи лет. Сеяно у них четверик ржи, полтора четверика овса, осмая доля четве-

рика семени конопляного, полчетверика ячменю. А по досмотру, у Анисцы кобыленко леты сросла, корова, подтелок, овца, ягненок, поросенок, куенок; косуля да соха, коса, топор, серп; да в житнице хлеба в московскую меру 3 четверти ржи, 4 четверти овса, осмина ячменю, полпуда соли.

По крестьянской же скаске, в той деревне (л. 380) Сивкове Горе, по писцовым чаронским книгам, в тягле четверть выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя во 173-м году окладывались, платит им в государевы доходы в один побор с той деревни Ивашку Федорову по 2 алтына з денгою, Ивашку Тарасеву, Емелке Харитонову, вдове Анисьице по 2 алтына з денгою, и всего по 4 алтына по 2 денги. По крестьянской же скаске, к той же деревне пустошка Шахматова. А платит той деревни всем крестьяном в один побор с той пустошки в государевы доходы по алтыну. А на той пустошке на половине сеяно (л. 380 об.) у них в московскую меру пол-осмины ржи, четверть овса, четверик ячменю в московскую меру. А по досмотру, в той деревне Сивкове Горе поля засеяны, а на пустошке Шахматове половина рожью и овсом и ячменем засеяно ж, а другая половина земли на пустошке Шахматове пуста.

Дер. Гордиево, а в ней крестьян.

В. — Олешка Назарьев з братом Максимком да с племянником Ивашком Павловым, Ивашко трех лет, у Алешки сын Еремка 10-ти лет. По их скаске, сея- (л. 381) но у них к нынешнему году в московскую меру 3 полуосмины ржи, четверть пять четвериков овса, четверик ячменю, осмая доля четверика семени конопляного, осмая доля четверика семени льняного. А по досмотру, у них кобылка четырех лет, мерин семи лет, жеребенок годовой, 4 коровы, подтелок, 3 овцы, 4 ягненка, свиня, 2 поросенка, петух, 2 куенка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных; мережа неводная; да в житнице хлеба в московскую меру осмина неведной ржи, 2 пуда соли, пол-осмины муки ржаной неведной.

В. — Гришка Пахомов, у него сын Ортюшка дву лет, у него же живет в работниках Федка Фомин, перешол от скудости из деревни Ботыгины во 177-м году. По его скаске, сеяно у него Гришки в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, по четверика ячменю, осмая доля четверика семени конопляного, осмая доля четверика семени льняного. А по досмотру, у Гришки мерин паходной леты сросл, кобыла осми лет, 2 коровы, вепрь годовой, 2 овцы, 4 ягненка, петух, 2 куенка; кафтан сермяжной, 2 кафтана шубных подержаны; соха да косуля, 2

топора, 2 косы, 2 серпа; 2 мережи (л. 381) неводные; да в житнице хлеба в московскую меру четверик овса да невеяной ржи осмина.

В. — Алешка Пахомов з братаѳо, с Мишкою да с Якункою, у Олешки сын Микитка трех лет. По их скаске, сеяно у них к нынешнему году в московскую меру четверть ржи, 2 четверти с-получетвериком овса, четверик ячменю, полчетверика семяни лняного, полчетверика семяни конопляного. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, мерин леты сросл, другой мерин осми лет, 3 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 4 ягненка, свиня, 5 поросятков, 5 курен- (л. 381 об.) ков, петух; 3 кафтана сермяжных, 3 кафтана шубных подержанных; 2 сохи, 2 косули, 3 топора, 3 косы, 4 серпа; 3 мережи неводные; да в житнице хлеба в московскую меру четверть ржи невеяной, осмина овса невеяного, четверик муки ржаной невеяной, 2 пуда соли.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти и пол-полчетверти выти. А по белозерскому окладу, как они меж окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни Гордиевы Алешке Назариву з братом по 3 алтына (л. 383) по полуторе денги, Гришке Пахомову по полусеме денге, Алешке Пахомову з братьею по 4 алтына по 2 денги, и всего по осми алтын по 4 денги.

По крестьянской же скаске, к той деревне Гордиеве 5 пустошек: пустошка Хошма, пустошка Спиркова, пустошка Королева, пустошка Рукавкино, Семеновская та ж, пустошка Кузнецова, Старое то же. А по белозерскому окладу, как крестьяне меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы в один побор той деревни крестьяном с тех пяти пустошек по 2 алтына по 2 денги. (л. 383 об.) А те пустошки лежат в пуге, пашни на них нет. А по досмотру, на тех пустошках насеяного хлеба нет, а в деревне Гордиеве поля хлебом насеяны.

Дер. Колодина Гора, а в ней крестьян.

В. — вдова Полинарица Афонасевская жена Микифорова, у нее детеи: Якунка до Сысоико; Якунка лежит болен. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика ржи, 3 полуосмины овса, овес они взяли в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядили они себе на землю (л. 384) и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а на семяна ему попу треть, а до симянного иво овса им дела нет; у них же сеяно осмая доля четверика семяни лняного, у них ж в полях четвертая доля земли пуга, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у них Сысоика з братом кобыленко да мерин леты сросли, 2 коровы да годовой бык, 3

овцы, 4 ягненка, 2 поросенка, петух, куринок; соха, 2 косы, топор, 2 серпа; кафтан шубной, другой сермяжной подержаны, да в житнице в московскую меру четверик овса, четверик муки ржаной невейной.

По крестьянской же скаске, (л. 384 об.) у Сысоика же з братом жил безпашенной бобыль Якунка Савелив, у него сын Филка 12-ти лет, бродят в мире, кормятца Христовым именем, Якункин же болшей сын Сидорко шшел в Ярославль во 179-м году от хлебные скудости.

Двор Микитки Василива, у него один сын Савка семи лет, Микитка кормитца Христовым именем. А по скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика ржи, 3 полуосмины овса, овес взял он в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он Микитка себе на землю (л. 385) и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена трет, а до семянного иво попова овса ему Микитке дела нет, у него же земли четвертая доля пуста, за скудостью не сеяно.

По крестьянской же скаске, в той деревне Коледине Горе, по писцовым чаронским книгам, в тягле четверть выти и пол-полчетверти выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, платит в государевы доходы в один побор Сысоики з братом Якункою по 2 алтына, Микитке Василиву по 2 алтына, и всего по 4 алтына. (л. 385 об.) И ис того числа в той деревне в пусе земли написано выше сего четвертая доля, по белозерскому окладу, на 6 денег. А по досмотру, в той деревне поля насеяны, а четвертая доля земли пуста.

Дер. Харино, а в ней крестьян.

В. -- Кипреянко Павлов з детми, з Гришкою да с Омелкою, да со внучаты, с Олешкою да с Феткою Нефедовыми, Фетка 11-ти лет, у Гришки дети: Офонка в возрасте, Васка двунатцати лет, Лаврентеико (л. 386) семи лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру четверть ржи, 2 четверти овса, овес он Киприянко взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядили они себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена трет, а до семянного иво попова овса ему Киприянку дела нет; у них же сеяно четверик ячменю, осмая доля четвєрика семени конопляного, осмая доля четвєрика симяни лняного. А по досмотру, у них 2 мерина до кобыла леты сросла, 4 коровы, 2 подтелка, 4 овцы, 4 ягненка, поросенок, (л. 386 об.) 4 куренка; 3 кафтана сермяжных, 3 кафтана шубных подержаны; соха да 2 косули, 4 косы, 4 топора, 5 серпов; матица, 2 мережи неводные, 5

пешен ловецких; да в житнице четверть невеяной ржи, четверть невеяного овса.

В. — Пахомко Афонасив, ходил в мире от хлебные скудости, прибрел невдавне. По Пахомкове скаске, брат иво Игнашка Афанасив и дети иво Игнашкины, Мишка 10-ти лет, Микитка осми лет, а у Пахомка дети: Якунка женат, Андрюшка пятнадцати лет, Ларка осми лет, Абрамко пяти лет — все сошли от хлебные скудо- (л. 387) сти в прошлом во 179-м году безвесно, кормятца Христовым имянем. По Пахомкове скаске, сеяно у них к нынешнему году в московскую меру осмина ржи, четверть овса, овес он Пахомко взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена треть, а до сеянного иво попова овса ему Пахомку дела нет; у них же сеяно полчетверика ячменю, у них же треть земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Пахомка Афанасива (л. 387 об.) мерянишко паходное леты сросл, коровенко, овца с ягненком; косуля, топор, 2 серпа; а хлеба у него в житнице нет, потому что кормитца в мире Христовым имянем.

В. — Мишка Аристов з детми, с Ъванком да с Феткою, у него же сын Савка трех лет. По их скаске, сеяно у них к нынешнему году в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, а овес он взял Мишка в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он Мишка себе на землю и за пашню и за хлебную (л. 388) обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена треть, а до сеянного ево попова овса ему Мишке дела нет; у них же сеяно полчетверика ячменю, у них же треть земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Мишки Аристова кобыленко пахотное леты сросла, коровенко, 2 овцы, 3 ягненка, куренск; 2 кафтана шубных, 2 кафтана сермяжных; косуля, 2 топора, 2 косы, серп; мережа неводная; пуд соли, а хлеба у него в житнице нет, кормятца и з женою и з детми в мире Христовым имянем.

По крестьянской же скаске, в тои деревне Хари- (л. 388 об.) не, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти и четверть выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, платит им в государевы доходы в один побор с тое деревни Харины Киприянку Павлову з детми и со внучаты по 4 алтына, Пахомку да Игнашке Афонасевым, Мишке Аристову по 4 алтына, и всего по осми алтын. Ис того числа в пусте земли в тои деревне написано выше сего, по белозерскому окладу, у Пахомка да у Игнашки Афанасевых, у Мишки Аристова треть, (л. 389) по белозерскому окладу, на восемь

денег. А по досмотру, в той деревне у Кипреянка Павлова з детми и со внучаты поля насеяны, а у Пахомка и у Гнашки Афонасивых, у Мишки Аристова трет земли пуста, хлебом не сеяна, досталаа земля насеяна.

По крестьянской же скаске, к той деревне Харине пустошка Булдырева. По белозерскому окладу, как крестьяне меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы в один побор тоа деревни крестьяном с тоа пустошки по алтыну, и на той пустошке хлеба никакова не сеяно, лежит пуста, ходит на той пустошке животи́на тоа волости покровского попа Сергея, и в прежних летех тою пустошкою владел он же, поп Серге́и. А поп Серге́и сказал: тою де пустошкою владели прежние покровские попы, и после их и ныне владеет он, поп Серге́и, а в писцовых книгах та пустошка написана ли к церкви или нет, того он не ведает. (л. 389 об.) А с писцовых чаронских книг выпи́си на Белеозере на рыбном дворе и в том Мунской волости нет*, про тоа пустошки розыскат нечем. А по досмотру, на той пустошке хлеб никакой не сеян, лежит пуста.

Дер. Юрино, а в ней крестьян.

В. — Максимко Семенов сын Шeverдин, у него дети: Алешка, Ивашко в возрасте, Афонка 13-ти лет, Ромашко — 10-ти лет; у Максимка же внучата Луча Иванов шти лет, Анофрейко Елесиив четырех лет. У них же сеяно в московскую меру осмина с получетвериком ржи, четверть овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у Максимка кобыленко леты сросла, двои жеребенки годовые, (л. 390) 2 коровы, подтелок, 3 овцы, 4 ягненка, свиня, 3 поросенка, петух; кафтанишко сермяжной, кафтанишко шубной; соха да косуля, 2 серпа, 2 топора, 2 косы; да в житнице хлеба в московскую меру четверть невяной ржи, осмина невяного овса, осмина невяного ячменю, четверик невяной ржаной муки, полпуда соли; мережа неводная.

Двор пуст, по крестьянской скаске, Федки Семенова сына Шeverдина, у него дети: Андрюшка 13-ти лет, Максимко осми лет; и во 179-м году он Федка з женою и з детми от хлебной скудости сошли безвесно, и в нынешнем (л. 390 об.) во 180-м году он Федка приходил в тою деревню и принес с собою в московскую пол-осмины овса на пятую долю земли своси, тот овес посеял, а достая иво земля четыре доли лежит впусте.

---

* Записано два раза: и в том Мунской волости нет.

По крестьянской же скаске, место дворовое Ивашка Иванова, двор иво згорел во 176-м году, жил на полудворе в тои же деревне у Алешки Панфилова и умре в нынешнем во 180-м году, а сын иво Афонка скитаецца в мире Христовым имянем. И на тои земле и посеяно пол-осмины ржи, осмина овса.

По крестьянской же скаске, место (л. 391) дворовое Куземки Савелива, двор иво згорел во 176-м году, Куземка и з детми после того жил в тои деревне у крестьян на подворе и во 179-м году от хлебные скудости з голоду умре, а дети иво, Онтонко да Моссико, в том же во 179-м году от хлебные скудости сошли в мир безвесно, животных никаких после их не осталось, и земля их пуста.

Дворишко пуст, по крестьянской скаске, Евтефеика Иванова, у него были дети: Федка в возрасте, Гришка 12-ти лет, Волотка шти лет; и во 179-м году от хлебные скудости и от голоду сошли к Москве, и Евтефеико на Москве (л. 391 об.) умре, а дети иво живы ли или нет, того не ведомо, а животных никаких после их не осталось, и земля их пуста.

В. — Давыдко Иванов, детеи у него: Вахрамеико женат. Ларка 13-ти лет, а Мишка 1 яти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины ржи с полчетвериком, осмина овса, овес он взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена треть, а до сеянного иво попова овса ему Давыдку дела нет, у них же сеяно полчетверика ячменю, осмая доля (л. 392) четверика семени лняного, у него ж Давыдка в полях по край пол пятая доля земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Давыдка кобыленко леты сросла, корова, овца, 2 ягненка, свиня, 3 поросенка; кавтанишко сермяжное; соха да косуля, топор, коса, серп; да в житнице хлеба в московскую меру невяяной ржи четверть, пол-осмины невяяного овса, полпуда соли.

В. — Алешка Панфилов с сыном Ивашком. По его Алешкине скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржи, 5 четвериков овса, овес он взял (л. 392 об.) в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена треть, а до сеянного иво попова овса ему Алешке дела нет, у них же сеяно полчетверика ячменю, осмая доля четверика семени лняного, а достала у них пятая доля земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Алешки Панфилова

кобыленка леты сросла, корова, вебрь годовои; кафтанишко сермяжное ветхое, шубенко ветхое; соха да коса, 2 топора, 2 серпа; а в житнице хлеба у него (л. 393) ничего нет, кормятца Христовым именем.

В. — Оска Семенов, у него сын Мишка полугодовой. По его же скаске, сеяно у него в московскую меру осмина ржи, четверть бес четверика овса, полчетверика ячменю, полчетверика пшеницы, осмая доля четверика симяни лняного, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у Оски Семенова кобыленко леты сросла, корова, свиня, 4 поросенка; кафтан шубной подержаной и другои сермяжной; соха, топор, коса, серп; да в житнице хлеба в московскую меру осмина ржи, пол-осмины ячменю да невейной ржи пол-осмины, невейного (л. 393 об.) овса четверик, муки ржаной четверик невейной.

По крестьянской же скаске, в тои деревне Юрине, по писцовым чаронским книгам, в тягле полторы выти. А по белозерскому окладу, как они межы себя Мунской волости крестьяне окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы и с полупустошкою Шалгою Максиму Семенову по 2 алтына по 2 денги, Фетке Семенову по 10 денег, Афонке Иванову по алтыну, Кузке Савеливу по 9-ти денег, Евтефеику Иванову по девяти денег, Алешке Панфилову по 10-ти денег, Оске Семенову (л. 394) по 2 алтына, и всего по 13-ти алтын по 2 денги. И ис того числа в тои деревне Юрине в пусе земли написано выше сего Федка Шевердин з детми земля иво четыре доли в пусе, по белозерскому окладу, на восемь денег, а Куземкина земля Савелева з детми вся в пусе, по белозерскому окладу, на девят денег, Евтефеикова земля Иванова з детми вся в пусе, по белозерскому окладу, на 9 денег, Давыдка Иванова земля пятая доля в пусе, по белозерскому окладу, на 2 денги, Алешкина земля Панфилова пятая доля в пусе, по белозерскому окладу, на 2 денги. (л. 394 об.) Всего в деревне Юрине земли в пусе, по белозерскому окладу, на пят алтын. А на полупустошке Шалге никакова хлеба не сеяно, лежит в пусе, а тою полупустошкою владеют деревни Юрины все крестьяне. А по досмотру в деревне Юрине земля пуста, которая написана выше сего есть, и полпустошки Шалги не пахана, лежит в пусе.

Дер. Летяново, а в неи крестьян.

В. — Митка Федотов з детми: с Федкою да с Васкою да с Олешкою. По его Миткине скаске, сеяна у него в московскую меру осмина с полчетвериком ржи, четверть (л. 395) овса, четверик ячменю, полполчетверика симяни лняного. А по досмотру, у Митки з детми 2 мерина пахотные леты сросли, жеребенок годовои, 2 коровы, подтелок, 3 овцы, 4 ягненка, 3 поросенка, петух, 3 куренка; соха да косуля,

3 топоры, 2 косы, 3 серпа; 3 кафтана шубных, 3 кафтана сермяжных подержаны; да в житнице в московскую меру ржи невеяной четверть, да невеяного овса пол-осмины, пол-осмины муки ржаной невеяной, пуд соли. По Миткине ж скаске, братья иво, Фомка да Бориско Фроловы, бродят в мире, кормят- (л. 395 об.) ца Христовым именем, а приставают на время у него Митки, Фомка в возрасте, Бориско шти лет; посеяно у него Фомки пол-осмины ржи, осмина овса в московскую меру.

В. — Осташка Василев, у него детеи: Аврамко осми лет, Алимко шти лет. По его Осташкине скаске, сеяно у него в московскую меру осмина ржи, четверть овса, полчетверика ячменю, осмая доля четвсрика симяни лняного. А по досмотру, у него Осташка мерин шти лет пахотной. корова, подтелок, 2 овцы, 3 ягненка, петух да куренок; косуля, топор, коса, серп; кафтан сермяжной, другои шубной подержаны, (л. 396) мережа неводная; да в житнице пол-осмины ржи невеяной, пол-осмины овса невеяного, полпуда соли.

В. — Мартюшка Евсеев, у него детеи: сын Фролко да Васка; у Матюшки же зят Оска Фомин, у Оски сын Ивашко четырех лет. По их скаске, сеяно у них осмина ржи, четверть бес четверика овса, у них же сеяно полчетверика ячменю, осмая доля четверика семяни лняного, у них же в полях по краи поль треть земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Матаюшки да у Оски мерин да кобыленко леты сросли, 2 коровы, овца, 2 ягненка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 2 (л. 396 об.) серпа; кафтанишко сермяжное, балахонишко, 2 шубенка подержаны; у них же в житнице в московскую меру четверть ржи. осмина невяной ржи.

В. — Мишка Алексеев, у него сын Васка девяти лет. По его скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, у него же сеяно осмая доля четверика семяни лняного, полчетверика ячменю, у него ж в полях по краи поль трет земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Мишки кобыленко леты сросла, мерин трех лет, корова да подтелок, овца, 2 ягненка; соха да косуля, 2 (л. 397) топора, коса, 2 серпа; неводная мережа ловетцкая; кафтан сермяжной. другои шубной подержаны, да в житнице в московскую меру четверть невеяной ржи, соли пуд.

В. — Епимашко Денисов с племянником Харламком Мининым. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с получетвериком ржи, 3 полуосмины овса, у них же сеяно полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, у них же по краи поль четвертая доля земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у Епимашка

с племянником Варламком (!) мерин леты сросл, жеребенок дву лет, корова, бык годовои, (л. 397 об.) 2 овцы, 3 ягненка, свиня, поросенок; соха да косуля, 2 серпа, 2 топора, мережа неводная ловецкая; кафтан сермяжной, другои шубнои подержанои.

Дворишко пусто, по крестьянскои скаске, Артюшки Евсевива; Артюшка от хлебные скудости сшел во 179-м году безвесно, и земля ево пуста, не пахана, и хлеба на неи никакова не сеяно, и под рож впредь не пахано же.

Дворишко пуст, по крестьянскои скаске, Артюшки Михайлова, Артюшка умре во 175-м году, сын иво Петрушка слеп, бродит меж деревнями, кормитца Христовым имянем, и земля их пуста, и хлеба ника- (л. 398) кова не сеяно, и под рожь впредь не пахано жь.

По крестьянскои же скаске, в тои деревни Лутянове, по писцовым чаронским книгам, в тягле полторы выти. А по белозерскому окладу как они меж себя во 173-м году окладывалися, платит им в государевы доходы в один побор с тое деревни Митке Федотову по 2 алтына по полутретье денги, Осташке Василиву по 2 алтына с полуденгою, Фомке Фролову по алтыну с пирогом, Артюшке Евсевиву по алтыну с пирогом, (л. 398 об.) Петрунке Артемьиву по 7 денег, Мишке Алексеиву по пол-одиннатцате денге, Матюшке Евсививу да Оске Фомину по 2 алтына по 3 денги, Епимашку Денисову с племянником Варламком по 2 алтына по 2 денги, и всего по 14-ти алтын по 2 денги. И ис того числа в тои деревне Лутянове в пусе земли написано выше сего Матюшки Евсивива з детми в пусе земли треть, по белозерскому окладу, на 5 денег, Мишки Алексеива треть земли в пусе, по белозерскому (л. 399) окладу, на полчетверты денги, Епимашка Денисова с племянником Харламком четвертая доля земли в пусе, по белозерскому окладу, на полчетверы денги, сошлаго Артюшки Евсевива земля иво в пусе вся, по белозерскому окладу, на 6 денег с пирогом, Артюшки Михайлова с сыном Петрункою земля их вся пуста, по белозерскому окладу, на 7 денег. Всего в деревне Лутянове земли в пусе, по белозерскому окладу, на 4 алтына з денгою и с пирогом. А по досмотру, в тои деревне Лутянове земля пустая, которая написана выше сего, есть, а которая земля написана в жиле, и та у крестьян хлебом насяена. (л. 399 об.) Дер. Ботыгино, а неи крестьян.

В. — Кондрашка Моисеев слеп, у него детеи: Ивашко да Моска да Ортюшка пяти лет; а Моска от хлебные скудости сшел во 179-м году безвесно, да у него же племянник роднои. Давыдко Яковлев. По их скаске, Давыдковы братья, Антонко 15-ти лет, Федка 13-ти лет, сошли от хлебные скудости безвесно во 179-м году весною о Николине дни.

Сеяно у них в московскую меру 3 полуосмины ржи, четверть с осминою овса, осмая доля четверика семени лняного. (л. 400) А по досмотру, у Кондрашки с племянником Давыдком две кобыленка леты сросли, 3 подтелка, 2 овцы, 2 ягненка, поросенок; 2 кафтанишка шубные ветхие, 2 балахонишка рядные; 2 топора, 2 сохи, 2 косы, 2 серпа; пестух, куренок; да в житнице невейной ржи четверть.

Двор пуст крестьянина Микитки Степанова, Микитка умре во 179-м году з голоду, ходя в мире, сын иво Ивашко 13-ти лет да племянник иво Микиткин Панка Фомин от хлебные скудости во 179-м году сошли безвесно. А жеребя его Микиткина половина в пусе, а другую иво половину жеребья (л. 400 об.) земли во 179-м году в ыюне Мунской волости все крестьяне отдали тое ж волости прежняго умершаго попа Фалелея сыну иво Васке, и он Васко посеял на тое землю в московскую меру 3 четверика ржи, 3 полуосмины овса. Он же Васка и брат ево Васкин Сергеико бродят в мире, кормятце Христовым именем. а приставают на время в той деревне у крестьянина у Кондрашки Моисеива, а про Микиткин двор и про него Микитку с сыном и с племянником и про Васку Фалелеева з братом сказали Мунские волости староста и все крестьяне, они же сказали: у Микитки же брат Степан, Аристко, прозвище Тренка Степанов, жил в бегах в Бело- (л. 401) зерском уезде в селе Мунге за Максимом Илизаривым сыном Коротневым, и во 179-м году з голода тут в селе Мунге, живучи за ним, умре, послѣ его осталася в том же селе Мунге жена иво Аристкова вдова Марфица з детми, с Федкою да Степкою да с Оничкою, Фетка в возрасте, а Степка и Оничка по осми лет.

По крестьяньской жескаске, в той деревне Ботыгине, по писцовым чаранским книгам; в тягле четверть выти и полчетверти выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м, (л. 401 об.) платит им в государевы доходы в один побор с тое деревни Ботыгины и с полупустошки Естошевские Кондрашке Моисеиву, Давыдку Яковлеву по 3 алтына, с пустого Микиткина жеребя Степанова по 9-ти денег, Васке Фалелеиву по 9-ти днег, и всего по шти алтын. И ис того числа в той деревне в пусе (л. 402) земли написано выше сего Никиткин жеребеи Степанова на девят денег. А на полупустошке Естошевки никакова хлеба не сеяно, лежит в пусе. А по досмотру, в деревне Ботыгине у Кондрашки Моисеива с племянником Давытком Яковлевым да у Васи Фалелеива в полях насѣяно, а умершаго Никиткин жеребеи Степанова в той деревни лежит в пусе, хлебом не сеяно, а на полупустошке Естошевке никакова хлеба не сеяно, лежит в пусе.

(л. 402 об.) Дер. Гаврино, а в ней крестьян.

В. — Ивашко Якимов, у него сын Трофимко 15-ти лет. По его скаске, сеяно у них в московскую меру осмина ржи, 3 полуосины овса, овес он взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил он Ивашко себе на землю и за пашню и за хлебную обирку (л. 403) ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена треть, а до семянного иво попова овса ему Ивашку дела нет, у него же сеяно четверик ячменю, осмая доля четверика семени лняного. А по досмотру, у Ивашка Якимова кобыла пахотная пяти лет, жеребенок годовои, корова, 2 овцы, 4 ягненка, свиня, 2 поросенка, курунок; соха да косуля, коса, серп, топор; кафтанишко шубное ветхо, балахонишко рядное; да в житнице в московскую меру невеяной ржи осмина, овса невеяного четверик, ржаной муки невеяной четверик.

(л. 403 об.) В. — Тихонко Тарасев сын Попов, прозвище Томилко, з зятем Ивашком Григоривым; по их скаске, Ивашка он Тиханко принял к дочери своей в дом во 174-м году, а уроженец он Ивашко Чаронские округи государевы Пунемьские волости церковной дьячек, у Ивашка сын Левка одного году. Сеяно у них в московскую меру осмина с полчетвериком ржи, четверть овса; овес он Тихонко взял в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядил себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена трет, (л. 404) а до семянного иво попова овса ему Томилку дела нет; у него же сеяно полчетверика ячменю, осмая доля четверика семени лняного. А по досмотру, у Тиханка Тарасива з зятем Ивашком Григоривым кобыла пахотная леты сросла, 3 коровы да бычек, 2 овцы, 4 ягненка, свиня, 2 поросенка, петух, 2 курунок; 2 кафтанишка сермяжных, 2 кафтанишка шубных держанных; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; да в житнице хлеба в московскую меру ржи невеяной осмина, муки ржаной четверик невеяной, полпуда соли.

(л. 404 об.) Дворишко пусто, по скаске крестьян, Петрунки Василива; Петрунька был кузнец белозерец посажкои человек, из Мунской волости от хлебной скудости шел и живет в Роксомской волости. пасынки иво Мунские волости Данилко Никитин, у Данилка брат Алешка 9-ти лет, от хлебных скудости сошли во 179-м году и скитаются в мире, и приходит он Данилко в Мунскую волость на время на свой подворе. И посеял четверик ржи, а в нынешнем во 180-м году посеял пол-осмины овса, выпрошав в мире, и шел безвесно, а достала иво земля 2 доли лежит в пусте, не пахана.

(л. 405) По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаранским книгам, в тягле*. А по белозерскому окладу, как они меж себя во 173-м году окладывались, платит им с тое деревни и с полупустошки Естошевки в государевы доходы в один побор Ивашку Якимову по 2 алтына з денгою, Данилку Никитину по 9-ти денег, и всего по шти алтын. А на той пустошке Естошевке хлеба никакова не сеяно. (л. 405 об.) И ис того числа, по белозерскому окладу, в пусте земли в той деревне написано выше сего, по крестьянской скаске, Данилка Никитина на алтын. А по досмотру, в той деревне у Ивашка Якимова, у Томилка Тарасива поля насеяны; а Данилка Никитина земля 2 доли в той деревне пуста же, и на половине пустошки Естошевки никаким хлебом не сеяно. (л. 406) По скаске старосты и всех крестьян Мунские волости, бобыл деревни Юрины Якунка Иванов жил в Белозерском уезде за жилцом за Петром Федотивым и во 173-м году из-за него Петра выведен, и ныне скитаецца в мире.

По скаске ж старосты и всех крестьян Мунские волости, пустош Шамово, по чаранскими книгам, пол-полчети выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывались, та пустош положена у них в один побор, имат с нее в государевы доходы по 3 алтына, а та пустош не пахана, лежит в пусте, а тою пустошю завладели (л. 406 об.) Чаронской округи волости Шалги Бодуновы деревни Горки крестьяна Фетка Аврамов; Ивашко да Евсевиенко Ефремовы с товарищи.

И всего, по сси книге, в Мунской волости 11 деревень да 10 пустошей с полупустошю, а в деревнях 37 дворов крестьянских. А людей в них 67 человек, каторые в возрасте, в том числе один болен, а другой слеп, да сверх штидесят семи человек; 2 человека по 15-ти лет, один человек 14-ти лет, 2 человека по 13-ти лет, один человек 12-ти (л. 407) лет, один человек 11-ти лет, 3 человека по 10-ти лет, в том числе один человек слеп, один человек 9-ти лет, один человек осми лет, четыре человека по семи лет, 4 человека по шти лет, 6 человек по пяти лет, 2 человека по четыре лета, 5 человек по 3 лета, 2 человека по 2 лета, один человек полутора года, 2 человека по одному году, 2 человека по полугода. И всего 107 человек, в том числе один болен, а 2 слепы.

По скаске старосты и всех крестьян, ис тех же дворов 12 человек в возрасте, 2 человека по 15 лет, один человек 13-ти лет, один человек 10-ти лет, (л. 407 об.) 3 человека по осми лет, 2 человека по шти лет,

2 человека по пяти лет, 2 бобыля, в том числе один стар, у них детей 2 в возрасте, третей 12-ти лет, четвертой пяти лет, сошли безвесно, а иные скитаютца в мире.

Два двора да дворишко пусты, по скаске старосты и крестьян, из них 3 человека в возрасте, один человек 13-ти лет, один человек девяти лет, один человек осми лет, один человек шти лет скитаютца в мире, на землю свою посеяли пол-осмины ржы, 3 полуосмины овса, а достала их земля пуста, за скудостью не сеяна.

Двор да 3 дворишка пусты да место (л. 408) дворовое, по скаске старосты и крестьян, из них 5 человек крестьян, которые в возрасте, один человек 13-ти лет, один человек 12-ти лет, один человек шти лет, сошли к Москве, а иные безвесно, один человек слеп, кормитца Христовым именем, и земля их пуста. Один человек в возрасте, 2 человека по осми лет, живут в Белозерском уезде за помещиком за Максимом Коротневым. Бобыль, которой выведен Белозерского уезду из-за помещика из-за Петра Федотива, и скитаецца в мире.

По крестьянской же скаске, сеяно у них в тех деревнях да на пустоше да на полупустоше осмнатцат чети с осминою без полчетверика ржы, трит- (л. 408 об.) цать три чети 3 четверика овса, полчетверика пшеницы, 2 чети 3 четверика ячмени, осмина и пол-полчетверика симиани лняного, пол-осмины симиани конопляного в московскую меру. И всего хлеба и симиани 55 чети и пол-полчетверика. В том числе сеяно у них 9 чети 3 четверика овса, тот овес взяли они в Чаронской округе волости Шалги Бодуновы у преображенского попа у Моисея Титова, а рядили они крестьяне себе на землю и за пашню и за хлебную обирку ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему попу на семена трет, а до сеянного иво попова овса им крестьяном дела нет. А поп Моисей Титов перед Петром Ивановичем Юрлавым (л. 409) сказал по священству и в заручной своей скаске написал: в нынешнем де во 180-м год весною дал он, поп Мосей, в государеву дворцовую Мунскую волость крестьяном овса в московскую меру 9 чети 3 четверика, и тот де овес они крестьяне у себя в Мунской волости посеяли на своих крестьянских жеребях, а рядили де они крестьяне по договору на землю и за пашню и за хлебную обирку себе ис прибыльного хлеба 2 доли, а ему, попу Моисею, ис прибыльного хлеба на семена трет, а до сеянного иво попова овса им крестьяном дела нет. А крестьяне в той иво попове скаске написаны имянно и кому что дал он овса против того, как написано выше сего в описных книгах.

(л. 409 об.) По скаске же Мунские волости старосты и всех крестьян, в той Мунской волости в живущем восемь вытей без полутрети выти.

А по белозерскому окладу, как Мунские волости крестьяне меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы в один побор по три рубля. И ис того числа в пусе у них земли в деревнях и в пустошах и никаким хлебом не сеяно по тяглу, по белозерскому окладу, в один побор на 20 на 4 алтына на 4 денги с пирогом. (л. 410) А по досмотру Петра Ивановича Юрлова, та земля у крестьян в пусе есть, а достая земля у крестьян в Мунской волости в деревнях и на пустоше и на полупустоше хлебом насеяна.

По досмотру ж Петра Ивановича Юрлова, в той Мунской волости у крестьян 6 меринов, 6 кобыл ниже 10-ти лет, 14 меринов, 23 кобылы и кобыленка леты сросли, а те мерины и кобылы пахотные, да жеребенков четыре дву лет, 6 одного году, 66 коров, 28 подтелков, 73 овцы, баран, 102 ягненка, 2 вепря, 20 свиней, 52 поросенка, 12 петухов, 42 куренка; 13 кафтанов (л. 410 об.) шубных, 13 кафтанов сермяжных да подержанных кафтанов и кафтанишков 36 шубных, 31 сермяжных; 32 сохи, 28 косуль, 54 косы, 72 серпа, 54 топора; матица неводная ловеская, 5 пешен железных ловеских, 16 мереж неводных; да в житницах 11 четвертей с осминою ржи, 16 четвертей без полу- (л. 411) осмины овса, четверть с полуосминою ячменю, 2 четверти с осминою невяные ржи, 6 четвертей с полуосминою невяного овса, осмина невяного ячменю, четверть с осминою муки ржаные, 3 четверика муки овсяные, 3 четверти бес полуосмины муки ржаные невяные, 3 четверика муки овсяные невяныс. И всего в житницах всякого (л. 411 об.) хлеба и муки 63 четверти без полуосмины, 22 пуда соли.

По крестьянской же скаске, платили они со всей Мунской волости в государеву казну на Чаронду в съезжую избу четвертных денежных доходов по 15-ти рублей по 13-ти алтын по полуторе денге; рыбного оброку с Мунского озера по 4 алтына с денгою; с полудевяты пустоши и в деревнях с путых жеребьев оброку по 2 рубля по 7 алтын по 4 денги. За соляной извоз, что на Коротецкой пристани, оброку и пошлин по 17-ти алтын по 3 денги. (л. 412 об.) За стрелецкие хлебные запасы по 20 по шти рублей по 2 денги. Полонянишних денег с 30-ти с девяти дворов 26 алтын. Всего платили во всякие великого государя доходы на Чаронде в съезжую избу по 40 по пяти рублей по 2 алтына по полуторе денге. И с Чаронды вонвода те денги посылали к Москве в Устюжскую четверть.

(л. 417) По государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца указу и по грамоте из приказа Большого Дворца за приписью дьяка Протася Никифорова в нынешнем во 180-м году в июне Петр Иванович Юрлов

ездил в Чаронскую округу в государеву дворцовую новоотписную Роксомскую волость и деревни, и в деревнях дворы, и во дворах люди и по имяном, и пустые дворы, и выти в жиле и в пусе, и хлеб, и скот, и всякой крестьянскои завод переписал, и скаски у крестьян за руками взял, и что (л. 417 об.) у ково хлеба сеяно и в житницах молоченого, и скота, и хлеба, и всякого крестьянского заводу, и жилых и пустых вытеи, и то все писано в сии книге ниже сего порознь по статем, по крестьянской скаске и по досмотру Петра Ивановича Юрлова.

(л. 418) Дер. Здыкально, а в неи крестьян.

В. — Тараско Федосиев с сыном Ивашком. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржи, 5 четвериков овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у них мерин леты сросл, 2 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 4 ягненка, свиня; 2 топора, косуля да соха, серп; да в житнице осмина ржи, четверть с осминою овса, да невяные ржи четверть, четверть пуда соли.

(л. 418 об.) В. — Титко Парфенов, у Титка дети: Ивашко 10-ти лет, Васка — четырех лет, Моска полугодовой. По его Титкове скаске, сеяно у него в московскую меру полтора четверика ржи, пол-осмины с полчетвериком овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у них мерин леты сросл, 2 коровы, подтелок, 3 овцы, 3 ягненка, 2 куренка, 2 свиньи; кафтан сермяжной, другои шубной подержаны; соха да косуля, 3 серпа, 2 топора; да в житнице в московскую меру пол-осмины ржи да невяной ржи осмина да ржаной невяной муки осмина же, пуд соли.

В. — Никитка Григорив з братом Елескою. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с полуосминою овса, полчетверика ячменю, пол-полчетверика симяни конопляного, у них же трет земли пуста, за скудостью не сеяно. А по досмотру, у них кобыла семи лет, кобыла пяти лет, 2 коровы, 2 бычка, 3 овцы, 5 ягненков, свиня, куренок; коса, топор, косуля да соха; мережа неводная; 2 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных подержаны; да в житнице пол-осмины ржи, четверть с осминою невяной ржи, полпуда соли, осмина невяного овса.

(л. 419 об.) В. — Оска Парфенов, у него дети: Еремка 13-ти лет, Лучка 10-ти лет, Васка дву недель. По его скаске, сеяно у него полтора четверика ржи, пол-осмины с полчетвериком овса в московскую меру, полчетверика ячменю. А по досмотру, у него Оски корова, овца, ягненок; да в житнице невяной ржи четверик.

В. — Васка Ермолов, у него 2 племянника, брата и во Степкины дети: Степка трех лет, Якунка дву лет. По Васкине скаске, сеяно у него полтора четверика ржи, пол-осмины с получетвериком овса в московскую меру; у него ж половина земли пуста, за скудостью не сеяно. (л. 420) А по досмотру, у него жеребенок трех лет, корова, 3 овцы, 4 ягненка, поросенок; кафтан сермяжной, другои шубной подержаны; косуля, серп, коса, топор; да в житнице пол-осмины ячмени, четверть невеяной ржи, полпуда соли.

По крестьянской же скаске, в той деревне Здыхалне, по писцовым чаранским книгам, полвыти с осмью долею выти. А по белозерскому окладу, как они во 173-м году окладывались, платит им в государевы доходы в один побор...* Тараску Федосииву с сыном по алтыну, (л. 420 об.) Титку Парфенову по 3 денги, Никитке да Елеске Григоривым по 3 алтына, Оске Парфенову по 3 денги, Васке Ермолову по алтыну. И ис того числа, по белозерскому окладу, в пусте земли Никитки да Елеске Григоривых на 6 денег, Васки Ермолова на 3 денги. А подосмотру, в той деревне поля насеяны и впред крестьяне под рож землю пашут, которые написаны выше сего, а крестьян же Никитки да Елески Григоривых трет земли их, Ивашки Ермолова земли половина пуста, не пахана.

(л. 421) Дер. Конева Гора, а в ней крестьян.

В. — Бориско Филипов, у него детеи: Якунка осми лет, Васка шти лет; у него ж живут племянники Вахрушка да Афонка Остафивы. По Борискове скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с получетвериком ржи, 3 полуосмины с четвериком овса, четверик ячмени, осмая доля четверика симиани лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, жеребенок полутора года, 4 коровы, 2 подтелка, (л. 421 об.) 3 овцы, 4 ягненка, свиня, 4 поросенка; соха да косуля, 3 топора, 3 косы, 4 серпа; 3 кафтана сермяжных, 2 шубных подержаны; 2 мережи неводные ветхи; да в житнице в московскую меру осмина овса да ржи невеяные четверть с осминою, 3 четверика муки невеяной ржаной, полтора пуда соли.

В. — Микитка Осипов, у него сын Ивашко 14-ти лет. По Никитине скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины ржи, 3 четверика с получетвериком овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симиани лняного, конопляного то ж. (л. 422) А по досмотру, у них

Оставлено пустое место.

кобыла леты сросла, 2 коровы, 2 куренка; соха, топор, 2 косы, 2 серпа; да в житнице невеяной осмина ржы, четверик овса, четверть пуда соли.

В. — Ивашко Сидоров з зятем с Ывашком Ивановым; у Ивашка ж Сидорова внучата: Микифор да Ивашко Семеновы; Микифорко 10-ти лет, а Ивашко осми лет. По Ивашкове скаске Сидорова, сеяно у него в московскую меру 3 полуосмины с полчетвериком ржы, 3 осмины овса, четверик ячменю, пол-полчетверика симяни конопляного, осмая доля четверика симяни лняного. (л. 422 об.) А по досмотру, у них кобыла леты сросла, другая пяти лет, 2 коровы, 2 подтелка, 4 овцы, 5 ягненков, петух, 3 куренка; косуля да соха, 3 топора, 3 косы, 4 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных подержаны; мережа неводная, 3 пешни ловецких; да в житнице четверть невеяной ржы, 2 пуда соли.

В. — Савка Микулин, у него сын Ивашко, у Ивашка сын Мишка 12-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржы, четверть с четвериком овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, а конопляного то ж. (л. 423) А подосмотру, у них жеребенок четырех лет, корова, подтелок, 3 овцы, 3 ягненка, 2 куренка; соха, топор, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 шубных подержаны; мережа неводная; да в житнице осмина ржы невеяные в московскую меру.

В. — Абросимко Ермолов, дети у него: Елфимко да Фетка. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины ржы, осмина овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, мерин шти лет, 2 коровы, бык, 2 подтелка, (л. 423 об.) овца, ягненок, поросенок; косуля да соха, 2 топора, 3 косы, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных; да в житнице осмина ржы, пол-осмины ячменю, пол-осмины овса, четверть невеяной ржы в московскую меру, пуд соли.

В. — Сенка Осипов, у него сын Сенка шти лет. По иво Сенкине скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржы, 5 четвериков овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у него коровенко; соха да коса, топор, серп; балахонишко; да в житнице 3 полуосмины невеяной ржы в московскую меру.

(л. 424) В. — Гордиико Обросимов с шурином Афонкою Микитиным. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржы, 5 четвериков овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, корова, 3 овцы, 5 ягненков, 2 поросенка, куренок; соха да косуля, 2

топора, коса, 2 серпа; кафтан шубной, другои сермяжной; да в житнице осмина ржи невеяной в московскую меру.

Тое ж деревни бобыл Фадейко Осипов живет от хлебные скудости на Москве и с сыном своим Микифорком; Фадейковы же 2 сына, Ларка да Симанко, живут от судости на Белеозере на посаде, кормятца Христовым именем.

(л. 424 об.) В. — Федотка Иванов, детеи у него: Трифонко, Терешка в возрасте, Ивашко 12-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с полчетвериком ржи, 3 полуосмины овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного, лняного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, жеребенок дву лет, 2 коровы, 3 овцы, 2 ягненка, 3 куренка: соха да косуля, 2 косы, 3 серпа, 3 топора; 3 кафтана сермяжных, 3 шубных подержаны; 2 мережи неводные; да в житнице четверть невеяной ржи, 2 пуда соли.

(л. 425) В. — Гришка Иванов з братею, с Федкою да с Ивашком. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика ржи, 3 полуосмины овса, четверик ячменю, пол-полчетверика пшеницы, осмая доля четверика симяни конопляного, лняного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, другои 6 лет, 5 коров, бык, 3 овцы, 3 ягненка, петух, куренок, 2 свини; соха да косуля, 3 топора, 3 косы, 2 серпа; 3 кафтана сермяжных, 2 шубных подержаны; 2 мережи неводных; да в житнице четверть ржи, осмина овса да невеяные ржи 2 четверти, 2 пуда соли.

(л. 425 об.) В. — Кузка Савелив с пасынком с Ивашком Леонтьевым. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржи, 5 четвериков овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла осми лет, 2 коровы, 2 овцы, ягненок, 2 поросенка, 2 куренка; соха, 2 топора, 2 косы, 2 серпа; кафтан сермяжной; да в житнице осмина ржи да невеяной ржи четверть, четверик муки ржаной невеяной; мережа неводная.

В. — Харитонко Сидоров, у него сын Васка семи лет; у Харитонка же брат Артюшка. По Харитонкове скаске, сеяно у них в московскую меру (л. 426) 5 четвериков ржи, четверть полтора четверика овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла осми лет, 2 коровы, подтелок, свиня, куренок; соха, 2 топора, 2 косы, 2 серпа; 2 кафтана сермяжных подержаны; мережа неводная; да в житнице невеяной ржи осмина.

По крестьянской же скаске, в той деревне Коневе Горе, по писцовым чаранским книгам, в тягле 2 выти без осмые доли полувыти. А по

белозерскому окладу, как они окладывались во 173-м году, платит им в государевы (л. 426 об.) доходы с той деревни по 15 алтын по 3 денги. А по досмотру, в той их деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

Дер. Березник, Исаино Столбище то же, а в ней крестьян.

В. — Гришка Ярафиев з братом Ларкою, у Гришки дети: Ивашко в возрасте, Васка 14-ти лет, Ларка 12-ти лет, Ивашко семи лет; у Ларки Ярафиева сын Васка (л. 427) пяти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков с полчетвериком ржи, четверть с полчетвериком овса, полчетверика ячменю, симяни конопляного осмая доля четверика, лняного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла да кобыла семи лет, 5 коров, 3 подтелка, 3 овцы, свиня, поросенок; 2 сохи да косуля, 4 топора. А двор их погорел в нынешнем во 180-м году гнваря в 25 де[нь], селятца внове. Да в житнице у них четверть невяной ржи, 3 четверика овса, да пол-осмины невяного овса, пуд соли.

В. — Петрушка Осипов з братею, с Миткою да с Ивашком, у Петрунки дети: Макарко в возрасте, (л. 427 об.) Никитка восьми лет; у Митки сын Демидко в возрасте; у Ивашка дети: Петрунка четырех лет, Тараско дву лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 полуосмины ржи, четверть 3 четверика овса, четверик ячменю, полчетверика пшеницы, симяни лняного пол-полчетверика, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, мерин осми лет, кобыла пяти лет, жеребенок дву лет, 5 коров, подтелок, 5 овец, 6 ягненокв, 3 свини, петух, 3 куренка; 3 сохи, 3 косули, 4 косы, 4 топора, 6 серпов; да в житнице 3 чети невяные ржи, 2 чети невяного овса, 3 пуда соли.

(л. 428) В. — Мишка Борисов с племянниками, с Ларкою да с Пронкою Максимовыми; у Мишки сын Петрунка в возрасте, Якунка семи лет. По их скаске, сеяно у них хлеба в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с полуосминою овса, симяни лняного осмая доля четверика, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, кобыла шти лет, кобыленко дву лет, 4 коровы, 2 подтелка, 5 овец, 5 ягненокв, 2 свиньи, 4 поросенка, петух, 2 куренка; 2 мережи неводные; 2 сохи, 2 косули, 2 косы, 4 топора, 4 серпа; 2 кафтана шубных, 2 сермяжных; да в житнице ржи осмина да невяные (л. 428 об.) 2 четверти, пуд соли, пол-осмины муки невяные ржаные.

В. — Ивашко Осипов, у него сын Оска пяти лет. По иво скаске, сеяно у него в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с четвериком овса, полчетверика ячменю, пол-полчетверика пшеницы, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла семи лет, жеребенок трех лет, 4 коровы, подтелок, 4

овцы, 5 ягненокв, свиня, петух, куренок; соха да косуля, коса, 2 топора, 2 серпа; кафтан сермяжной подержан, шубной таков же; мережа неводная; (л. 429) да в житнице 2 четверти ржи невеяные, 2 четверти невеяного овса, осмина ячменю, соли полтора пуда.

В. — Антонко Ярафеев, у него племянник Левка Лукин з братом Ивашком, Ивашко 10-ти лет; у Левки сын Лучка 10-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с полуосминою овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин пяти лет, 5 коров, 2 подтелка, 2 овцы, ягненок, 3 куренка; соха да косуля, 2 косы, 2 топора, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана (л. 429 об.) шубных подержаны; да в житнице осмина невеяного овса, четверть невеяные ржи, пуд соли.

В. — Сенка Иванов. По его скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины с получетвериком ржи, 5 четвериков овса, симяни лняного осмая доля четверика. А по досмотру, у него мерин леты сросл, 2 коровы, 2 овцы, ягненок, петух, куренок; соха да косуля, топор, 2 серпа; кафтан сермяжной, кафтан шубной; да в житнице пол-осмины ржи, четверть невеяной ржи в московскую меру.

(л. 430) По крестьянской же скаске, в той деревне Березнике, по писцовым чаронским книгам, в тягле полторы выти без осмые доли выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 12-ти алтын. А по досмотру, в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

Дер. Якунино, Остафивская то ж, а в ней крестьян.

В. — Иленка Иевлев с шурами, с Ывашком (л. 430 об.) да с Андрюшкою Василиевыми детми; у Ивашки дети: Петрунка 15-ти лет, Микифорко двунатцати лет, Степка семи лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру четверть с полуосминою ржи, 2 четверти с полуосминою овса, четверик с получетвериком ячменю, пол-полчетверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, мерин леты сросл, 4 коровы, 3 подтелка, бык, 5 овец, 7 ягненокв, 2 свини, 3 поросенка, петух, 2 куренка; 2 косули, 2 сохи, 4 топора, 4 косы, 6 серпов; 3 кафтана сермяжных, шубных то ж; мережа неводная; да в житнице осмина ржи, 2 четверти овса невеяного, 4 (л. 431) пуда соли, четверик муки ржаной, 2 четверти невеяные ржи, четверть ржаной муки невеяной.

В. — Панька Степанов, у него братьи: Ивашко, Васка, Андрюшка в возрасте, Микифорко 15-ти лет, Якунка семи лет; у Панки дети: Гришка 12-ти лет, Кондрашка пяти лет; у Ивашки сын Федка семи лет.

По их скаске, сеяно у них в московскую меру четверть с полуосминою ржи, 2 четверти с полуосминою овса, четверик ячмени, пол-полчетверика симяни конопляного, лняного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, мерин четырех лет, кобыла дву лет, 4 коровы, 2 подтелка, 5 овец, 8 (л. 431 об.) ягненков, 3 свини, 4 поросенка, петух, 6 куренок; 2 косули, 2 сохи, 5 кос, 6 топоров, 7 серпов; мережа неводная; 3 кафтана сермяжных, шубных то ж; да в житнице четверть ржи, 3 четверти невеяные ржи, 3 полуосмины ячменю, 4 пуда соли, четверть овса.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти с половиною осмые доли выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывались, платит им в государевы доходы с той деревни по осми алтын. (л. 432) А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

Дер. Семеновская, а в ней крестьян.

В. — Киприянко Кондратив с сыном Пшонкою. По его скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, полчетверика ячмени, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у него кобыленко леты сросло, корова, 2 подтелка, 2 овцы, 4 ягненка, свиня, 2 поросенка, петух, 2 куренка; косуля да соха, коса, топор, 2 серпа; кафтан сермяжной, другой шубной подержаны; мережа (л. 432 об.) неводная; да в житнице в московскую меру осмина ржи невеяной, овса осмина же невеяного.

В. — Якунка Дементьев, у него сын Куземка 6 лет. По его скаске, сеяно у него в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, полчетверика ячменю, пол-полчетверика симяни лняного, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у него кобыла леты сросла, жеребенок годовой, 2 овцы, 3 ягненка, куренок; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; балахоншко, шубенко; да в житнице 3 полуосмины ржи невеяные, пол-осмины муки невеяные ржаные в москов- (л. 433)скую меру.

Дворишко пусто Ивашка Василива; по крестьянской же скаске, скитается от скудости в мире; земля иво лежит в пусте не пахана и кикаким хлебом не сеяна.

Дворишко пусто Ивашки Еремеива, Ивашко умре во 179-м году осенью; иво долею землею владеет деревни Олферовские. Никоновские то ж, крестьянин Сенка Михайлов. По Сенкиной скаске, сеяно у него Сенки на том жеребю в московскую меру пол-осмины ржи, осмина овса, осмая доля четверика симяни лняного, полчетверика ячмени в московскую меру.

(л. 433 об.) Дворишко Харки Иванова, Харка перешел в деревню Салникову, и в той деревне он Харка и написан, а на иво Харкине жеребю живет во дворишке иво белозерец посацкой человек кузнец Петрунка Василиев сын Чмутов. А по иво Петрункине скаске, сеяно у него почтора четверика ржи, 3 четверика овса, осмая доля четверика симиани лняного в московскую меру.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 3 алтына по 4 денги. (л. 434) А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны, оприче Ивашка Василива; а Ивашка Василива земля, по белозерскому окладу, как крестьяне во 173-м году меж себя окладывались, на полчетверты денги, лежит пуста, не пахана и никаким хлебом не сеяна.

Дер. Олферовская, Никоново Большая то ж, а в ней крестьян.

В. — Сенка Михайлов з братею, с Минкою да с Алешкою; у Сенки дети: Годка 10-ти лет, Гришка семи лет, Ивашко четырех лет; у Митки дети: Савинко шти лет, Якуна четырех лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с четвериком овса, четверик ячменя, (л. 434 об.) осмая доля четверика симиани конопляного. А по досмотру, у них мерин леты сросл, кобыла леты сросла, 5 коров, 3 подтелка, бык, 6 овец, 8 ягненков, 2 свини, 5 поросят; 2 косули, 3 сохи, 4 косы, 4 топора, 6 серпов; мережа неводная; 3 кафтана сермяжных, 3 шубных; да в житнице 2 четверти ржи, да невяные ржи 2 четверти с осминою, 4 четверти овса, 4 пуда соли, четверть ржаной муки.

В. — Сенка да Митька Борисовы, у Сенки дети: Ивашко в возрасте да Микитка 13-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 полуосмины с четвериком ржи, (л. 435) четверть с осминою овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симиани лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них 2 кобылы по четыре лета, 6 овец, 6 ягненков, 3 поросенка, куренок; соха да косуля, 3 топора, 3 косы, 5 серпов; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных поддержаны; да в житнице в московскую меру пол-осмины ржи да невяной 2 четверти ржи.

В. — Филка Иванов з братом Трошкою, у них же братья: Бориско 13-ти лет, Пронка 10-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с полчетвериком ржи, 3 полуосмины с четвериком овса, осмая доля четверика (л. 435 об.) симиани лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла семи лет, корова да подтелок, 2 овцы,

2 ягненка, 2 поросенка, 2 куренка; соха да косуля, 2 косы, 3 серпа, 2 топора; 2 кафтанишка сермяжных, 2 кафтанишка шубных; да в житнице невеяные ржи осмина в московскую меру.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаронским книгам, в тягле полвыти без половины осмые доли выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалис, платит им в государевы доходы с той деревни по 6 алтын. (л. 436) А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом насеяны.

Дер. Сухоежино, а в ней крестьян.

В. — Кипреянко Лукин. По его скаске, сеяно у него в московскую меру осмина с полчетвериком ржи, четверть овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у него кобыла пяти лет, жеребенок годовои, корова, 2 подтелка, 3 овцы, 3 ягненка, 3 куренка; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; кафтан сермяжной, другой шубной; да в житнице осмина невеяной ржи, пол-осмины невеяного овса в московскую меру.

(л. 436 об.) В. — Нефедко Титов с сыном Ивашком. По их скаске, сеяно у них в московскую меру полпята четверика ржи, четверть овса, четверик ячменю, симяни лняного осмая доля четверика, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин пяти лет, 2 коровы, 3 овцы, 5 ягненков, 2 свини, поросенок, петух, 2 куренка; соха да косуля, 2 косы, 2 топора, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, шубных то ж подержанных; мережа неводная; да в житнице 3 четверика ржи да невеяные осмина в московскую меру.

В. — Ивашко Митрофанов з братом Демидком, у Ивашка пасынок Гришка Максимов шти лет, уроженец Гришка Чаранские округи волости (л. 437) Шалги Кемские деревни Нестеровы. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с четвериком овса, четверик ячменя, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин да кобыла леты срослы, мерин пяти лет, 5 коров, 2 овцы, 3 ягненка, 3 куренка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 2 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 шубных подержаны; да в житнице пол-осмины невеяной ржи в московскую меру.

В. — Лучка Дементьев, у него пасынок Ивашко Федоров; у Ивашка дети: Гришка пяти лет, Петрушка трех лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть (л. 437 об.) овса, четверик ячменю, симяни конопляного осмая доля четверика, лняного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, жеребенок трех лет, кобыленко одного году, 2 коровы, подтелок, бык, 3 овцы, 5 ягненков, свинья, 2 поросенка, петух, 2 куренка; соха да косуля, 2 косы, 2 топора,

3 серпа; 2 балахонишка, 2 шубных кафтанишка; мережа неводная; в житнице пол-осмины ржи да невеяные осмина ржи, пол-осмины овса в московскую меру.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по чаранским писцовым книгам, в тягле выт без четверти выти. (л. 438) А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывались, платит им в государевы доходы с той деревни по 7 алтын 3 денгои. А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

Дер. Васютинская, Федосовская то ж, а в ней крестьян.

В. — Ивашко Харитонов, у него дети: Ивашко да Микитка да Гаврилко. По их скаске, сеяно у них в московскую меру осмина ржи, четверик ячменю, четверть овса, осмая доля четверика симяни (л. 438 об.) лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин пяти лет, 3 коровы, 2 подтелка, 4 овцы, 6 ягненок, 2 поросенка, 3 куренка; соха да косуля, 4 топора, 3 косы, 5 серпов; 4 кафтанишка сермяжных, шубных то ж; мережа неводная; да в житнице в московскую меру четверик ржи, четверть невеяной ржи, полтора пуда соли.

В. — Оска Никитин, у него дети: Ивашко 10-ти лет, Васка. По его скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржи, осмина овса, четверик ячмени, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. (л. 439) А по досмотру, у них кобыла леты сросла, овца, 2 ягненка, свиня, поросенок, 3 куренка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 шубных поддержаны; мережа неводная; да в житнице невеяной ржи 3 полуосмины в московскую меру.

В. — Пронка Карпов, селитца внове. По его скаске, двор у него выгорел в нынешнем во 180-м году в октябре; сеяно у него в московскую меру пол-осмины с полчетвериком ржи, осмина овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у них мерин осми лет, корова, подтелок, петух, куренок, 2 овцы, 4 ягненка, (л. 439 об.) поросенок; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; кафтанишко сермяжное, другое шубное ветхо; мережа неводная; да в житнице осмина невеяной ржи, четверик невеяного овса в московскую меру.

В. — Тимошка Трифанов с братом своим с Ивашком Софоновым. По их скаске, двор их выгорел в нынешнем во 180-м году в октябре. По их же скаске, сеяно у них в московскую меру полчетверика ржи, 3 четверика овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни конопляного, у них же половина земли пуста и не сеяно никакого хлеба. А по досмотру, у них кобыла семи лет, жеребенок дву лет, 3

коровы, 2 подтелка, овца, (л. 440) 2 ягненка, 2 поросенка, курунок; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; 2 кафтанишка сермяжные, кафтанишко шубное; мережа неводная; да в жытнице осмина ржы невеяной.

В. — Петрунка Дементьев з братом Трошкою, у Петрунки дети: Мишифорко в возрасте, Игнашка 10 лет, Ивашко пяти лет; у Трошки сын Калинка 14-ти лет, Тимошка 10-ти лет, а во дворе селятца внове. А сказали они, что де двор их выгорел в нынешнем во 180-м году в октябре. По их же скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с получетвериком ржы, четверть без четверика овса, четверик ячмени, осмая доля четве- (л. 440 об.) рика симяни конопляного. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, жеребенок дву лет, 2 коровы, 4 овцы, 5 ягненков, 2 куренка, поросенок; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; 3 кафтанишка сермяжные; да в жытнице невеяной ржы осмина, пол-осмины невеяного ячменю в московскую меру, пуд соли.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаранским книгам, в тягле четверть выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывалися во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 6 алтын. (л. 441) А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

Дер. Парфеновская, а в ней крестьян.

В. — Харка Федотов с племянником с Тимошкою Никитиным, Тимошка 10-ти лет. По иво скаске, сеяно у него четверть без получетверика ржы, четверть 3 полуосмины овса, четверик ячменю. осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, другой осми лет, 3 коровы, 4 подтелка, 4 овцы, 6 ягненков, 3 свини, 4 поросенка, петух, 4 куренка; соха да косуля, (л. 441 об.) 3 топора, 3 косы, 4 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 кафтана шубных; да в жытнице осмина ржы да невеяной четверть ржы в московскую меру.

В. — Ивашко Михайлов, у него дети: Афонка семи лет, Митка пяти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру пол-осмины с получетвериком ржы, 5 четвериков овса, осмая доля четверика симяни конопляного. А по досмотру, у них мерин леты сросл, 2 коровы, бык, 3 овцы, 5 ягненков, поросенок, 2 куренка; соха да косуля, топор, коса, 2 серпа; кафтан сермяжной, другой шубной подержаны; да в жытнице осмина ржы, пол-осмины овса (л. 442) да невеяной осмина ржы в московскую меру, 2 пуда соли, да у него ж четверик ржы, овса то ж.

В. — Левка Аникеев з братьями, с Мокеиком да с Ывашком. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржы, четверть с

четвериком овса, четверик ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, кобыла пяти лет, жеребенок дву лет, 5 коров, 5 подтелков, 4 овцы, 8 ягненков, 4 свини, 4 поросенка; 2 сохи да 2 косули, 3 косы, 3 топора, 5 серпов; 3 кафтана сермяжных, 3 шубных; (л. 442 об.) да в жытнице четверть ржи да невеяные четверть с осминою ржи в московскую меру, 2 пуда соли.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаранским книгам, в тягле четверть выти. А по белозерскому окладу, как они крестьяне меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 6 алтын. А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны.

(л. 443) Дер. Погорелка, а в ней крестьян.

В. — Макарко Никитин, у него детей: Ивашко 18-ти лет, Антипка 12-ти лет, Афонка осми лет, Ганка шти лет, Сидорко четырех лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с четвериком овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, 2 коровы, подтелок, 2 поросенка, 2 овцы, 3 ягненка, петух да куренок; соха да косуля, 3 топора, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтана сермяжных, 2 шубных; да в житнице пол-осмины невеяные ржи в московскую меру.

(л. 443 об.) В. — Карпунка Иванов с сыном Ивашком, другой у него сын Васка 12-ти лет. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 3 четверика с получетвериком ржи, 3 полуосмины овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла осми лет, 2 коровы, 4 овцы, 4 ягненка, 3 поросенка, 2 куренка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтанишка сермяжных, 2 шубных; да в жытнице 3 четверика невеяной ржи, пол-осмины невеяного овса в московскую меру.

Двор пуст крестьянина Емелки Василица, Емелка умре в нынешнем во 180-м году осенью в сентябре, земля иво лежит в пуге, никаким (л. 444) хлебом на ней не сеяно.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаранским книгам, в тягле выт без четверти выти. А по белозерскому окладу, как они окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 3 алтына по 4 денги. А по досмотру, в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны, оприче Емелки Василица, а Емелки Василица земля, по белозерскому окладу, как крестьяне во 173-м году меж себя окладывались, на 4 денги, лежит пуга, не пахана и никаким хлебом не сеяна.

(л. 444 об.) Дер. Тимина Гора выгорела без остатку в нынешнем во 180-м году на другой неделе после Светлово Христова Воскресения, живут ныне в разных деревнях в той же Роксомской волости. А тое деревни крестьяне жили двором своим Марчко Мартемянов с племянником с Ывашком Ларионовым. По их скаске, сеяно у них ржи полтретя четверика, 5 четвериков овса, осмая доля четверика симяни конопляного, лняного то ж. А по досмотру, у них корова, 4 овцы, 6 ягненков, 2 поросенка; да в житнице осмина ржи невейной в московскую меру.

(л. 445) Двором же своим жил Ефтифеико Иванов, дети у него: Матюшка 12-ти лет, Микитка 10-ти лет. По их скаске, сеяно у них полтретя четверика ржи, 5 четвериков овса в московскую меру. А по досмотру, у них мериносми лет, 2 коровы, подтелок, 2 овцы, 3 ягненка, петух, куренок; да в житнице осмина ржи невейной в московскую меру.

Двором своим жил Тимошка Григорив. По его скаске, сеяно у него четверик ржи, пол-осмины овса в московскую меру. А по досмотру, у них кобыла осми лет, корова, подтелок, 4 овцы, 6 ягненков, 2 поросенка; да в житнице осмина ржи невейной в московскую меру.

(л. 445 об.) Двором своим жил Кирилко Патрекеев, у него братья: Карпунка 10-ти лет, Пронка осми лет. По иво Кирилкове скаске, сеяно у них полтора четверика ржи, 3 четверика овса в московскую меру. А по досмотру, у них кобыленко леты сросла, 2 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 3 ягненка, свиня, поросенок; да в житнице невейной ржи четверть в московскую меру.

Двором своим жил Иевко Елфимов, у него сын Илеика дву лет. По его скаске, сеяно у него полтретя четверика ржи, 5 четвериков овса в московскую меру. (л. 446) А по досмотру, у него кобыла леты сросла, жеребенок дву лет, 2 коровы, бык, 2 овцы, 2 ягненка; да в житнице четверть невейной ржи в московскую меру.

Двором своим жил Андриюшка Иванов с сыном с Офонкою, у него ж детей: Ивашко 13-ти лет, Мокееко 9-ти лет, Ивашко пяти лет. По их скаске, сеяно у них 3 полуосмины ржи, четверть с осминою овса в московскую меру. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, корова, подтелок; да в житнице 3 осмины невейные ржи в московскую меру.

(л. 446 об.) По крестьянской скаске, дворишком своим жил Спирка Иванов з братом Феткою, у них же брат Алешка 15-ти лет, скитаютца в мире, кормятца Христовым именем; земля их пуста; по белозерскому окладу на алтын, никаким хлебом не сеяна.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаранским книгам, в тягле выт без осмые доли выти. А по белозерскому окладу, как они меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 7 алтын. А по досмотру, у них в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны, а Спирки Иванова з братею земля не пахана и никаким хлебом не сеяна.

(л. 447) Дер. Салниковская, а в ней крестьян.

В. — Автамонко Лукьянов з детми: с Евтюшкою да с Васкою, у него ж сын Панка осми лет. По их скаске, сеяно у них осмина ржи, четверть овса, осмая доля четверика симиани лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них мерин леты сросл, другой семи лет, жеребенок дву лет, подтелок, 3 овцы, 6 ягненков, поросенок, 2 куренка; соха да косуля, 2 косы, 3 топора, 2 серпа; 2 кафтанишка сермяжных, шубных то ж; четверть невяеной ржи, пуд соли.

В. — Харитонка Иванов, у него сын Петрунка шти лет да пасынки Исачковы дети Лукьянова: Ларка шти лет, Мишка полутора года. По их скаске, (л. 447 об.) сеяно у них пол-осмины ржи, осмина овса, четверик ячмени, симиани лняного осмая доля четверика, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла леты сросла, жеребенок одного году, корова, овца, 2 подтелка, свиня, петух, куренок; соха да косуля, 2 топора, коса, 2 серпа; кафтан сермяжной подержан, другой шубной; да в житнице невяеной ржи четверть, полчетверика ячменя, пуд соли, пол-осмины муки ржаной невяеной.

В. — Федка Никитин, у Федка сын Сенька трех лет, у Федки ж племянник Елеска Василив. По их скаске, сеяно у них четверик ржи, пол-осмины овса. (л. 448) А по досмотру, у них кобыла пяти лет, корова, овца, 2 ягненка, свиня, 2 поросенка; соха да косуля, 2 косы, 2 топора, 2 серпа; 2 кафтана сермяжных, шубных то ж; да в житнице осмина невяеной ржи, пуд соли.

Федкин же брат Ивашко Никитин болен, у него детеи: Гришка пяти лет, Максимко четырех лет, иво Ивашкова жена з детми скитаются в мире, кормятца Христовым именем; земля их пуста, никаким хлебом не сеяна, по белозерскому окладу, на 3 денги.

В. — Ермишка Овдокимов. По его скаске*, сеяно у него пол-осмины с полчетвериком ржи, 5 четвериков овса. А по досмотру, у него кобыленко леты сросла, корова, овца, поросенок, куренок; соха да

---

* Записано дважды: по его скаске.

косуля, топор, коса, серп; кафтан шубной, другой сермяжной; да в житнице осмина невеяной ржи, соли пуд.

По крестьянской же скаске, в той деревне, по писцовым чаронским книгам, в тягле четверть выти. А по белозерскому окладу, как они оклачивались во 173-м году, платить им в государевы доходы с той деревни по 3 алтына по 5 денег. А по досмотру, в той деревне у крестьян поля хлебом засеяны, а у Ивашка Никитина земля не пахана и никаким хлебом не сеяна.

(л. 449) Дер. Никольская, а в ней крестьян.

В. — Федка Лукин сын Дружинина, у него братья, Сенка да Ивашко; у Фетки дети: Ивашко осми лет, Петрунка четырех лет; у Сенки сын Сенка четырех лет. По их скаске, сеяно у них 5 четвериков ржи, четверть с четвериком овса, полчетверика ячменю, осмая доля четверика симяни лняного, пол-полчетверика симяни конопляного. А по досмотру, у них 2 кобылы леты сросли, мерин осми лет, кобыла пяти лет, 4 коровы, 5 подтелков, 6 овец, 7 ягненков, 3 свини, 6 поросят; 2 сохи да косуля, 3 топора, 3 косы, 5 серпов; 3 кафтана шубных да 3 сермяжных; да в житнице 2 четверти ржи, овса то ж, ржаной невеяницы четверть, 4 пуда соли.

В. — Обросимко Ламонов, у него дети: Ивашко да Кондрашка; да племянник Степка Ларионов; у Ивашка сын Мишка одного году. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с полуосминою овса, осмая доля четверика симяни конопляного, лняного то ж. А по досмотру, у них кобыла да мерин леты сросли, 2 коровы, подтелок, 3 овцы, 4 ягненка, свиня, петух, куренок; соха да косуля, 3 топора, 2 косы, 3 серпа; 3 кафтана сермяжных, шубных то же; да в житнице четверть ржи да невеяной четверть же ржи, соли пуд.

(л. 450) В. — Микитка Григорив с племянником с Ивашком Игнатьевым. По Микиткиной скаске, сеяно у них полтретя четверика ржи, 5 четвериков овса в московскую меру. А по досмотру, у них мерин леты сросл, кобыла 7 лет, 4 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 5 ягненков, свиня, 3 поросят; соха да косуля, 2 топора, 3 косы, 2 серпа; кафтан шубной, другой сермяжной; да в житнице четверть невеяной ржи в московскую меру.

В. — Ивашко Григорив, у него дети: Афонка 12-ти лет, Федка 10-ти лет, Артюшка 9-ти лет. По их скаске, сеяно у них полтретя четверика ржи, 5 четвериков овса в московскую меру. (л. 450 об.) А по досмотру, у них мерин леты сросл, 2 коровы, подтелок, овца, 2 ягненка; косуля да соха, 2 топора, 2 косы, 2 серпа; кафтанишко сермяжное; да в житнице пол-осмины ржи невеяной в московскую меру.

По крестьянской же скаске, в той же деревне крестьянин Алимпейко, прозвище Баженко Яковлев, у него дети: Сенка да Митка; жили двором своим, земли под ними было в той деревне осмая доля, и во 179-м году июня в 4 де[нь] он, Алимпейко, променил тот свои жеребеи и с хоромы тое ж Роксомской волости николскому попу Михаилу Фотииву на иво белую Поповскую деревню на церковную землю, и быт той иво Алимпейкове тяглою земле белои церковной землею; Поповской (л. 451) деревне быть тяглою, а государево всякое тягло платит ему, Алимпейку, по-прежнему, как платил прежде сего, а ему попу Михаилу платит дань и десятина по-прежнему ж, а сменяли они, поговоря меж собою, полюбовно, и в том есть меж ими за руками записи. По Алимпейкове скаске з детми, сеяно у них в московскую меру в той Поповской деревне 3 полуосмины ржи, 3 осмины овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла осми лет, жеребснок дву лет, корова, подтелок, овца, 2 ягненка, 2 куренка; соха да косуля, 2 топора, 2 косы, 3 серпа; 2 кафтана шубных, 2 сермяжных; да в житнице невеяной ржи четверть.

(л. 451 об.) В Поповской деревне живет во дворе беспашенной бобыл иконник Васка Фотиев сын Попов с сыном Ивашком, а Ивашко в той Роксомской волости у церкви дьячком; в мирские доходы ничего они не платят, скитаютца в мире, кормятца Христовым именем.

По крестьянской же скаске, в деревне Николской, по писцовым чаронским книгам, в тягле выть бес половины осмые доли выти. А по белозерскому окладу, как они крестьяне окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы с тое деревни по семи алтын. А по досмотру, в той деревне Николской у крест- (л. 452) ян и в деревне Поповской у крестьянина Алимпейка Яковлева земля хлебом насеяна.

Дер. Мысовская, Ларионовская то ж, а в ней крестьян.

В. — Харитонко Васильев з детми, с Федкою да с Сидорком; у Федки дети: Никонко осми лет, Ивашко полугодовой. По их скаске, сеяно у них в московскую меру 5 четвериков ржи, четверть с полуосминою овса, осмая доля четверика симяни лняного, конопляного то ж. А по досмотру, у них кобыла да мерин леты сросли, 4 коровы, 2 подтелка, 3 овцы, 5 ягненков, свинья, 3 поросенка, (л. 452 об.) петух, четыре куренка; 2 сохи, 2 косули, 3 топора, 2 косы, 3 серпа; 3 кафтана шубных, сермяжных то ж; да в житнице осмина ржи, 2 четверти невеяные ржи в московскую меру.

Дворишко пусто Тимошки Сергеива, дворишко пусто Петрунки Фатеива. По крестьянской скаске, оба умерли во 179-м году в Успенской пост, после их остались жены их да Тимошкин сын Якунка 13-ти

лет, Петрункин сын Сидорко 13-ти лет; скитаютца в мире, земля их пуста, никаким хлебом не сеяна, по белозерскому окладу, на один алтын на 5 денег.

(л. 453) По крестьянской же скаске, в той деревне Мысовской, Ларионовская то ж, по чаранским писцовым книгам, в тягле полвыти. А по белозерскому окладу, как они крестьяне окладывалися во 173-м году, платит им в государевы доходы с той деревни по 3 алтына по 4 денги. А по досмотру, в той деревне у крестьянина у Ларки Васильева земля хлебом засеяна, а умерших крестьян Тимошки Сергеева, Петрунки Фатеева земля пуста и никаким хлебом не сеяна.

(л. 453 об.) И всего, по сие книге, в Роксомской волости в 15-ти деревнях крестьянских 53 двора, в том числе 4 двора ставят вновь потому, что в нынешнем во 180-м году дворы их сгорели; да 6 мест дворовых, а дворы их в нынешнем во 180-м году после Светлого Христова Воскресения на другой неделе выгорели без остатку, а жилцы тех дворов живут в Роксомской волости в разных деревнях. А людей в Роксомской волости 124 человека, которые в возрасте; 2 человека по 15-ти лет, 3 человека по 14-ти лет, 4 человека по 13-ти лет, 9 человек по 12-ти лет, 12 человек по 10-ти лет, 2 человека по 9-ти лет, 8 человек по 8-ми лет, 8 человек (л. 454) по 7-ми лет, 7 человек по 6-ти лет, 6 человек по 5-ти лет, 7 человек по 4-м годам, 3 человека по 3-м годам, 3 человека по 2-м годам, один человек полутора года, один человек одного года, 2 человека по полугоду, один человек 10-ти недель, один человек 5-ти недель, один человек 2-х недель. И всего 205 человек.

Дворишко, а в нем живет белозерец посадочный человек кузнец и волосною землею владеет. Тех же дворов, которые написаны в перечню выше сего, крестьянин лежит болен, жена иво с детьми с двумя сыны, один 5-ти лет, другой 4-х лет (л. 454 об.) лет, скитаютца в мире, земля их пуста. Двор пуст, из него крестьянин умре, земля иво лежит в пусте. Дворишко пусто, из него жилец умре, землею его владеет тот же волости крестьянин, по перечню* тот крестьянин* написан выше сего. Дворишко пусто да место дворовое, а того двора и места жилцы 2 человека в возрасте, один человек 15-ти лет, скитаютца в мире, земля их лежит в пусте. (л. 455) В Поповской деревне живет во дворе безпашенной бобыль иконник, сын его в той волости у церкви дьячком, ни в какие доходы ничего не платят, скитаютца в мире,

---

* — * Записано над строкой.

кормятца Христовым имянем. Тое ж волости бобыль от хлебные скудости и с сыном своим на Москве, иво же 2 сына от скудости живут на Белеозере на посаде, кормятца Христовым имянем.

Тое ж волости, по крестьянской скаске, сеяно у них в тех деревнях 30 четвертей (л. 455 об.) без четверика ржи, 53 четверти без полуосмины овса, четверик пшеницы, 3 четверти с осминою и с полчетвериком ячменю, 3 полуосмины с четвериком и без пол-полчетверика симяни конопляного в московскую меру. И всего сеяно хлеба и симяни в Роксомской волости к нынешнему ко 180-му году 87 четвертей 3 полуосмины с четвериком и пол-полчетверика в московскую меру.

А по чаранским писцовым книгам, в Роксомской волости в живущем 9 вытеи с полувыткою. (л. 456) А по белозерскому окладу, как Роксомской волости крестьяне меж себя окладывались во 173-м году, платит им в государевы доходы в один побор по 2 рубля по 20 по осми алтын по пяти денег. И ис того числа в пусе у них земли в деревнях и никаким хлебом не сеяно по тяглу, по белозерскому окладу, в один побор по шти алтын по полчетверты денги. А по досмотру Петра Ивановича Юрьлова, та земля у крестьян в пусе есть, а достала (л. 456 об.) земля у крестьян в Роксомской волости в деревнях хлебом насеяна.

По досмотру ж Петра Ивановича Юрьлова, в тои Роксомской волости у крестьян 16 меринов, 21 кобыла ниже десяти лет, 19 меринов, 25 кобыл и кобыленков леты сросли, а те мерины и кобылы пахотные, кобыленко одного году, да жеребенков: один четырех лет, 3 по три лета, 8 жеребенков по 2 лета, 3 жеребенка по одному году, 136 коров, 66 подтелков, 9 быков, 159 овец, (л. 457) 211 ягненков, 43 свиньи, 79 поросенков, 18 петухов, 83 куренка; 36 кафтанов шубных, 4 балахониска да подержанных кафтанов и кафтанишков 50 сермяжных, 43 шубных; 61 соха, 54 косули, 103 косы, 148 серпов, 112 топоров; 24 мережи неводных, 3 пешни ловецких; да в житницах 14 четвертей бес четверика ржи, 56 четвертей с осминою невяею ржи, 10 четвертей 5 четвериков овса, 2 четверти (л. 457 об.) без полутора четверика ячменю, да невяею пол-осмины ячменю, четверть четвериков (!) ржаной муки да невяею 3 четверти бес полуосмины ржанные муки. И всего в житницах всякого хлеба и муки 96 четвертей с полчетвериком в московскую меру, 45 пуд соли.

По скаске же старосты и всех крестьян, платили они со всеи Роксомской волости в государеву казну на Чаронду в съезжую избу четвертных денежных доходов по 18 рублей (л. 458) по 15 алтын по 3 денги. За соляной извоз, что на Коротецкой пристани, платили оброку по 4 алтына. С Озамкомского озера платили оброку по 4 алтына. С

пустых земель, которые в Роксомской волости в деревнях, дватцати по три алтына по полешесте денге. За стрелецкие хлебные запасы по дватцати по два рубля по четырнатцати алтын по 4 денги. (л. 458 об.) *Полоняничных денег с 50-ти с осми дворов по рублю по пяти алтын по 2 денги*. Всего платили во всякие великого государя доходы на Чаронду в съезжую избу по сороку по три рубля по полупяте денге. А с Чаронды воеводы те денги посылали к Москве в Устюжскую четверть.

По крестьянской же скаске, ис тое их Роксомской волости вышли от скудости Роксомские волости крестьяне и живут в Чаронской округе в государевых волостях во крестьянех. Деревни Коневы Горы Якунка да Савка Моисеивы, вышли тому блиско сорока лет, (л. 459) а живут в Вещезерской волости в деревне Часовенской. Тое ж деревни Микитка Михайлов вышел во 148-м году и живет в Вещезерской волости в деревне Кобелине. Тое ж деревни Селиванко Никитин с сыном Федодкою живет в волости Шалге Бодунове, а вышли во 169-м году. Деревни Здыхална Степка Парфенов вышел во 160-м году и живет в Вещезерской волости в деревне Дербине. (л. 459 об.) Деревни Коневы Горы Ивашко Захаров вышел во 159-м году и живет в волости Шалге Захарине. Деревни Васьтинские Петрунка Дементьев вышел во 168-м году, живет в Вещезерской волости в деревне Сивкове. Тое ж деревни Васка Федоров вышел во 153-м году в Вещезерскую волость в деревню Тарасьиву. Деревни Погорелки Васка Семенов вышел во 153-м году и живет в Вещезерской волости в деревне Карпилове. (л. 460) И всего сошлых из Роксомской волости крестьян 10 человек и живут в Чаронской округе в государевых волостях во крестьянех, а ведомы те волости в Устюжской четверти.

ОР ГИМ, собр. Черткова, №323, лл. 364-412, 417-460.

---

* — * Записано над строками основной записи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАУ — Вопросы археологии Урала.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МНФ — Мифы народов мира.
ОРГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея.
СА — Советская археология.
ЧерМО — Череповецкое музейное объединение.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Недомолкина Н. Г.</i> Кремневые фигурки бассейна р. Сухоны	3
<i>Башенькин А. Н., Васенина М. Г.</i> Зооморфные украшения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века	11
<i>Никитинский И. Ф.</i> Тиуновское святилище	29
<i>Кудряшов А. В.</i> К вопросу о распространении христианства в Белозерье в эпоху среднековья (по материалам археологии)	61
<i>Быков А. В.</i> Медные шведские монеты на территории Русского Севера в XVII веке	72
<i>Мельников Б. П.</i> Зарождение предфилософских идей в культуре народа коми	78
<i>Камкин А. В.</i> Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир	91
<i>Жарникова С. В.</i> Образы водоплавающей птицы в русской народной традиции (истоки и генезис)	108
<i>Вавилова М. А.</i> Крестьянский календарь Кадниковского уезда Вологодской губернии (по материалам коллекции Шустикова А. А.)	119
<i>Годикова Н. И., Рубцова Т. Н.</i> Деятельность Вологодского губернского земства по народному образованию (1870-1917 гг.)	131

Публикации

1672 г. — Вотчинные переписные книги дворцовых Мунской и Роксомской волостей Чарондской округи. (Публикация <i>Ю. С. Васильева</i>)	141
---	-----